

10.335
1959

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

12

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1959

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания третий

С О Д Е Р Ж А Н И Е

АКАКИИ БЕЛИАШВИЛИ. Рустави. Роман. Окончание.	3
ИОСИФ ИОНЕШВИЛИ. Из лирической тетради. Стихи.	36

Рассказы молодых писателей

ОТАР ДЕМЕТРАШВИЛИ. Красные яблоки	39
---	----

ИНОСТРАННЫЙ РАССКАЗ

ВЛАДИМИР МИНАЧ. На распутье	45
---------------------------------------	----

К 60-летию Георгия Леонидзе

СЕРГИ ЧИЛАЯ. Народный поэт	50
ГЕОРГИИ ЛЕОНИДЗЕ. Стихи разных лет	56

ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ

Ш. ЧАНУКВАДЗЕ. Виноградарству — новую технику. Ответ редакции «Литературной Грузии»	60
Е. ДАНЕЛИЯ. Успехи надо развивать	63

О Ч Е Р К И

Л. РОСТОВЦЕВ. С добрым утром!	67
---	----

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

Шире рамки приключенческой литературы!

1. В. ЖВАНИЯ. И точность частного, и верность общего... 2. Г. КАЛАНДАДЗЕ. Первый грузинский фантастический роман; 3. Л. ДОЛИДЗЕ. Не только развлекать, но и воспитывать. 73—76	
Г. ХУХАШВИЛИ. Поэзия гор и большой мир	77
О. БАКАНИДЗЕ. Марко Вовчок	82
В. ГОГОЛАДЗЕ. Грузинские первопечатники	84

(См. на обороте).

802.308

12

ДЕКАБРЬ

1959

СРЕДИ КНИГ

Страницы великой дружбы

Б. БАХТАДЗЕ—«Русско-грузинские литературные связи»; Е. ЧАРКВИАНИ — «Русские революционные демократы в грузинской публицистике и критике»; А. ЧХЕИДЗЕ — «Грузины в Москве» . . . . . 86—91

Коротко об авторах 92

Содержание журнала «Литературная Грузия» за 1959 год 93

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.

Ответственный секретарь М. ЗАВЕРИН.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

РУСТАВИ

Р О М А Н

Окончание

Перевод с грузинского Г. Гамкрелидзе

* * *

Домой Арчил возвратился поздно вечером. Расстроенный и утомленный, он открыл калитку, ощупью в темноте отыскал дверь и постучал. Ему никто не ответил. Арчил постучал громче.

Хлопнула дверь соседней комнаты и кто-то спросил:

— Арчил, это вы?

— Да, я.

— Перед уходом ваши предупредили меня, что, возможно, задержатся, и просили передать ключи. Заходите, пожалуйста, — пригласила Маквала.

Арчил переступил порог. В глаза ему ударил яркий свет большой старинной керосиновой лампы, которая стояла на круглом столе. Он отвернулся, и взгляд его упал на аккуратно застланную никелированную кровать у окна, что выходило на улицу. Рядом стоял простой деревянный шкаф, в углу на этажерке лежали книги.

— Садитесь, — пододвинула ему стул Маквала, — должно быть, вы страшно голодны. А у меня есть мчади и молодой сыр. Я сейчас вас угощу.

Она так просто сказала это, что Арчил почувствовал себя непринужденно и легко; сел на стул и провел рукой по волосам.

— Знаете, Маквала, у меня такое чувство, будто мы с вами знакомы давным-давно. Отчего это иногда человек сразу начинает относиться к другому с доверием и симпатией, хотя знает его недавно...

Арчил весь отдался блаженному ощущению тепла и покоя. Усталость, словно горячая волна, то подхватывала и уносила его, то уплывала куда-то. На мгновение ему показалось, что он проваливается в бездну. Маквала что-то говорила, но он почти не слушал ее, наблюдая, как ловко и быстро накрывает она на стол.

Сегодня впервые Арчил видел ее так близко. Что-то в облике ее подсказало ему: сегодня Маквала выглядит привлекательнее, чем всегда. В блестящих черных, словно смородина, глазах то и дело вспыхивали искорки. Волосы были недавно завиты и красиво уложены, ярко рдели покрытые лаком ногти. Губы она не красила, и это тоже понравилось Арчилу.

Вдруг он понял, что Маквала приделась ради него, и от этого ему стало почему-то особенно радостно.

— После такой тяжелой болезни вам ни в коем случае нельзя переутомляться. Ведь на вас лица нет, — произнесла Маквала.

Она поставила на стол тарелки.

— Что делать? Я люблю свою работу, — скорее размышлял вслух, чем отвечал Маквале Арчил. — Вот вы говорите — не уставай. А что значит усталость по сравнению с той радостью, которую дает удовлетворение от любимого дела.

— Знаю, знаю, — усмехнулась Маквала, — я уже слышала вчера о вашем кредо. Давайте лучше кушать.

— Да, моя Маквала, я с надеждой гляжу в будущее и потом — я верю в людей. Вот и сегодня моя уверенность оправдалась — такая прелестная девушка угощает меня. Ломтик сыра, кусочек мчади, стакан вина... Клянусь, кроме этого мне ничего не надо. Маквала, дорогая, я шучу, разумеется. Но угощение у вас первоклассное.

Маквала села напротив Арчила и, улыбаясь, устремила на него взгляд своих больших черных глаз.

— Кушайте, пожалуйста, на здоровье. Вы ничего не берете. Хотите, чтоб я за вами поухаживала?

— Даже не смею мечтать, Маквала!

— Нет, серьезно, ешьте.

— Ладно, я докажу вам, что меня не нужно упрашивать.

Арчил взял полный стакан вина.

— Ваше здоровье, дорогая Маквала! Пусть у вас будет большое счастье! И постарайтесь не брать с меня пример.

— О чем вы? Вы же так молоды...

— А вы разве не молоды? — улыбнулся Арчил. — Извините меня за нескромный вопрос, но сколько вам лет?

— О-о, мне уже много.

— А все же?

— Двадцать восемь, — убавила один год Маквала.

— Ну, что ж, мы с вами почти погодки.

Несколько долгих минут Арчил не произносил ни слова. Потом взял бутылку.

— Можно мне выпить еще стакан? — спросил он.

— Конечно! — Маквала бросилась к столу. — Я плохая хозяйка. Вы должны меня извинить. Вместо того, чтобы угощать гостя, донимаю вас праздными разговорами...

Она взяла вилку, подложила Арчилу закуски и села за стол на свое прежнее место.

— Кушайте. Говорят, с вином это вкусно, — проговорила она, подвигая ему соленые огурцы.

Он залпом выпил вино и внезапно ощутил непреодолимую слабость. Голос Маквалы долетал до него словно издали. В ушах шумело. Арчил почувствовал, что его одолевает сон.

— Вот где сказываются мои недуги, — сказал он, борясь с дремотой. — Выпил пару стаканов, поел — и клонит ко сну, как немощного старца.

— Может, вам лучше прилечь? — с легким замешательством предложила Маквала.

— Нет, что вы, я еще не совсем конченный человек. Заснуть в обществе такой очаровательной девушки... Я бы никогда не простил себе. Мне ведь недолго встать и уйти. К тому же я все равно не усну. Поси-

дим еще немного, — попросил он, заметив, что Маквала порывается встать.

В это время в дверь постучали. На пороге стояла Марта.

— Маквала, детка, ключи... Арчил, ты здесь?

Марта вошла в комнату.

— Тебе не совестно так бесцеремонно располагаться в чужом доме?

— Прошу вас, — сказала Маквала, — садитесь. Сейчас я угощу вас чаем.

— Что ты, детка, не надо. Не беспокойся.

В комнату заглянул Нико.

— Вы идете или нет? — спросил он у жены и сына. — Прошу прощения у молодой хозяйки, но мы и так злоупотребляем ее гостеприимством. Маквала, детка, мы не надоели еще тебе?

— Что вы, дядя Нико...

Маквала не знала, куда усадить старика.

Марта сказала:

— Довольно эксплуатировать бедную девочку. Пора и честь знать!

Она взяла ключи и, заметив, как Нико покосился на стоявшую на столе бутылку, увлекла его за собой.

Арчил поблагодарил Маквалу, попросил заходить к ним запросто и вышел вслед за родителями.

Маквала проводила гостей до балкончика и несколько минут постояла на воздухе.

На усыпанном жемчужными звездами небе слабо мерцал бледно-зеленый серп полумесяца. Близились полночь.

* * *

Работы на строительстве мартена не прекращались ни днем ни ночью. По ночам стройплощадку освещали прожекторы, озаряя груды земли, высоченные штабеля досок, арматурные прутья, выхватывая из темноты фигуры людей и механизмы. Вспыхивали синие молнии электросварки.

Дни и ночи напролет разноголосно ревели моторы, лязгали бетономешалки и, покрывая все звуки вокруг, гулко ухал паровой молот.

Днем завесы пыли, пронзенные лучами солнца, стояли в воздухе, как дым пожара.

Арчил ни минуты не знал покоя. Чуть свет он уже был на ногах. Проверял техников, прорабов, десятников и составлял разнарядку на день. С ним скоро познакомились на производстве, в управлении, в проектно-отделении.

Арчилу очень помогла приобретенная на фронте привычка быть в курсе всех дел. Он помнил наизусть, сколько нужно цемента, кирпича, железа и леса. Сутками не вылезал из котлована и нередко там же наскоро обедал. В перерыв кого-нибудь посылали в ларек за продуктами — приносили несколько буханок черного хлеба, сыр, консервы, а иногда и пол-литра водки. Прямо на мостках стелили газеты и под шум и стрекот перфораторов с аппетитом закусывали.

На чистом осеннем воздухе Арчил обветрился, загорел, окреп. День ото дня он чувствовал себя все лучше и лучше, и это — несмотря на постоянное недосыпание, беготню, хлопоты и беспорядочное питание.

Комнаты в Рустави он так и не получил и первые дни частенько пошатывался от слабости, но постепенно прохладный живительный воздух сделал свое дело — Арчил забыл о болезни.

Но зато о его болезни, не переставая, думала Марта. Она была в отчаянье, сутками не видя сына, не зная, как он питается и где ночует. Когда Арчил приходил домой — сразу валился в постель и засыпал, как убитый. Иногда во сне бредил и метался. Тогда Марта проклинала его работу и завод.

Вообще дела у них были неважны. Зарплаты Нико явно не хватало. И когда однажды утром Арчил обратился к матери с просьбой дать ему денег на дорогу, Марта объявила, что дома нет ни копейки.

Арчил надолго запомнил это раннее утро. За окном редел ночной мрак. Шелестел нудный осенний дождик.

— Ты не получаешь жалованья, мой мальчик? — осторожно спросила Марта.

Этот вопрос она задавала ему впервые. Арчил не сразу понял, что происходит. Он только что встал и торопился.

— Аванса еще не выдали, мама.

— Как так... — с возрастающим раздражением начала Марта, но Арчил не дослушал ее и пулей вылетел из дому. Обида душила его.

Окруженный заботами матери и отца, он никогда не думал по-настоящему о деньгах. После окончания института Арчил сразу попал на фронт. Денег, которые получал на военной службе, собиралось столько, что он не знал, порою, куда их девать. Правда, часть денег отсылал домой, но Марта всегда просила: ни в чем себе не отказывай и трать на себя сколько хочешь. Никогда он не задумывался над тем, что без них не сможет есть, пить, существовать. Мысль о том, что их может когда-нибудь у него вовсе не быть, даже не приходила в голову.

«У кого можно занять деньги?» — подумал он. Однако в следующее мгновение понял, что ни за что на свете не сможет это сделать. Оставался единственный выход — еще раз обратиться к бухгалтеру. Но тот решительно заявил, что до конца месяца денег не будет. Оставалась еще целая неделя. Как же быть? Неужели он настолько беспомощен, что предоставит родителям решать эту проблему?

Арчил был так поглощен этими мыслями и так подавлен, что столкнувшаяся с ним у калитки Маквала удивленно спросила:

— Что с вами? Надеюсь, ничего плохого?

— Нет, — сказал Арчил растерянно.

— Но вы чем-то очень озабочены...

Арчил безнадежно махнул рукой и спросил:

— А вы что в такую рань поднялись? На работу идете?

— Да, в лабораторию.

Они вышли на улицу. Сизый предутренний туман медленно рассеивался. Арчил зябко поежился и невольно взглянул на свою спутницу. На Маквале было изящное темное пальто и высокие резиновые ботинки. Пепельно-серый берет с крошечным, словно мышинным, хвостиком красиво сидел на ее густых пушистых волосах. От стройной, элегантной фигуры Маквалы на него будто повеяло живительным ветерком. Арчил встрепнулся и почувствовал, как настроение его улучшается.

— Вам в какую сторону? — спросила Маквала и приготовилась попрощаться, но Арчил взял ее под руку:

— По дороге, Маквала, нам с вами по дороге...

* * *

Со станции, не заходя в контору, Санеблидзе направился на стройплощадку, где сейчас заканчивалось бетонирование фундамента и предстоял самый ответственный момент — монтаж металлоконструкций.

Штабеля леса, арматурное железо, балки и бревна перемежались с аккуратно уложенными кирпичами.

Под первыми скупыми лучами неяркого осеннего солнца медленно просыхала белевшая мокрыми досками опалубка.

Визжали электропилы, скрежетали бетономешалки, стучали лебедки.

В котлован вгрызался экскаватор. За несколько дней он так глубоко осел в землю, что снаружи еле был виден его ковш, облепленный комьями глины.

Бульдозеры, похожие на утюги, распахивали землю огромными лемехами.

Грузовики, надсадно воя, буксовали в темной жиже грязи.

Около строительной площадки мартена рабочие монтировали подъемный кран.

Уже издали Арчила заметил техник, поспешил ему навстречу и радостно сообщил:

— Сегодня начали отгружать металлоконструкции. Часть уже привезли. Монтажники вот-вот приступят к работе...

— Когда же успели разгрузить? — удивился Арчил.

— Только что, Арчил Николаевич. Вчера подали два эшелона, и, я слышал, еще ожидают четыре. Да, вас можно поздравить!

— С чем?

— Вы разве не были в конторе?

— Нет.

— Там вывешен приказ. Вас назначили начальником пятого стройучастка. Неужели вы ничего не знаете?

Техник в нерешительности замялся:

— У меня маленькая просьба, Арчил-батано. Сестра строит дом, уже стены подняла. Полтонны цемента не хватает, бедняжке. А у нас осталось немного. Все равно зря пропадает.

Арчил сдвинул брови, и техник заговорил поспешно, умоляюще:

— Клянусь памятью матери, Арчил-батано, я так слежу за цементом и соблюдаю такую строжайшую экономию, что у нас нет ни грамма потерь. Вон, на пятнадцатом участке свыше тридцати тонн высыпали под открытое небо. Половину ветер унес и развеял, а оставшуюся часть забыли прикрыть навесом. После ливня ломают его пневматическими молотками. Иди теперь и разберись, чья тут вина. Терентий Чкония, прораб, говорит: мне не дали досок, чтоб сделать временку; Максим Куртанидзе заявляет, что лесоматериала отпустил на десять домов. Попробуй понять, кто здесь прав, а кто — нет. Убыток остается убытком. А у нас есть остаток...

— Да, но я не могу отдать цемент со строительства частному лицу, — сказал Арчил и прошел вперед. Техник кинулся вдогонку.

— Арчил Николаевич, — начал он подобострастно, — цемента совсем чуть-чуть осталось. Мы же все равно будем разбирать сарай и все улетит на ветер...

— Слушай, как ты не можешь понять простой вещи — нельзя стройматериал выдавать частным лицам...

— Батано, что значит частное лицо — моя сестра такая же трудящаяся, как и мы с вами. Наконец, этот цемент пойдет на строительство нашего города. Разве не мы строим и завод и город? Сейчас всячески даже поощряется строительство собственными средствами. И мы должны создавать условия. Ведь так, Арчил Николаевич, дорогой?

— Где работает твоя сестра?

— Сестра нигде не работает. Ее муж, зять мой — буфетчик в столовой. Если вам что-нибудь нужно, он для вас ничего не пожалеет.

— Нельзя, — резко отрезал Арчил и пошел к монтажникам, возившимся у подъемного крана. Техник не отставал от него ни на шаг. Очевидно, он любой ценой решил получить оставшиеся полтонны цемента и не терял надежды уговорить Арчила, который в конце концов рассвирепел:

— Если хоть одного грамма не будет хватать — попрощайся со стройкой. Безразлично, будет ли это цемент или балласт. Предупреждаю тебя. Понятно?

— Понятно, батано, ясно, чего уж яснее, — упавшим голосом произнес техник.

В управление Арчил попал только во второй половине дня. Ему хотелось прочитать приказ и побеседовать с главным инженером обо всем, что связано с его новым назначением. Но получилось так, что пришлось прямо войти в кабинет начальника строительства, где шло совещание.

— Где вы, товарищ Санеблидзе? — встретила его секретарша. — Вас ищут.

Арчил осторожно приоткрыл дверь и вошел. В кабинете было накурено, душно и людно.

Начальники участков, инженеры, прорабы и еще какие-то незнакомые Арчилу люди тесным кольцом окружили письменный стол Гургенидзе. Облокотившись на тяжелое кожаное кресло, он, стоя, слушал докладчика.

Выступал главный инженер строительства Геннадий Бардавелидзе. Говорил он с жаром, размахивая руками и поминутно стирая капельки пота с блестящей, как отполированный шар, головы.

— Подчеркиваю, специалистам, всем без исключения, необходимо переселиться в Рустави в интересах дела. Так дальше руководить работой нельзя. Вы, товарищи, тратите уйму времени на бесконечные переезды, теряете силы и энергию, лишаетесь возможности личным примером влиять на подчиненных. Мне ежедневно докладывают — поток опаздывающих на работу не уменьшается. То опаздывает поезд, то задерживается автобус. Словом, создается нетерпимое положение, с которым нельзя мириться, и вы это прекрасно понимаете сами.

— Взять хотя бы товарища Санеблидзе. Мы выдвинули его на руководящую работу, потому что он показал себя хорошим работником. Но и он упорно не желает переселиться сюда из Тбилиси...

— Кто информировал вас, уважаемый Геннадий Петрович о том, что я не желаю? — удивился Арчил.

— Комнату, по крайней мере, вы забраковали. Мы, к сожалению, пока лишены возможности предлагать вам на выбор.

— Простите, что прерываю вас, Геннадий Петрович, — взволнованно вскочил с места Арчил, — но я никак не могу согласиться...

— Подождите, товарищ Санеблидзе. Дадут слово — тогда говорите, — резко прервал его Гургенидзе. Но почувствовал, что перегнул палку, и тут же спросил Арчила:

— С чем же вы не согласны?

— Как бы отлично не работали строители, квартирные дела у нас не будут улажены, пока домоуправляющими держат таких взяточников и негодяев, как, например, Сепе Базадзе. Я...

Арчил не успел закончить.

Из угла послышались странные звуки, напоминавшие кашель. Это задыхался Сепе Базадзе. Он отчаянно размахивал руками и, как сумасшедший, вращая белками глаз, пытался протиснуться в передний ряд.

— Т-ты кто такой? Как ты смеешь? — запинаясь, выкрикивал он.

— Кто у тебя просил взятку?

Базадзе тряс головой и возмущался, брызгая слюной:

— Пусть скажут все эти люди, у кого из них я просил взятку? У тебя? Или у вас, уважаемый? И не у вас? А у кого, у кого, скажите мне на милость? Так как же он смеет клеветать на честного человека?

Базадзе добрался до Арчила и вытянулся перед ним во весь рост. Он дрожал, точно в лихорадке.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Гургенидзе не ударил кулаком по столу и не крикнул:

— Что за безобразие! Базадзе, садись на место!

— Я прошу вас, Макар Григорьевич, — слезливо воскликнул Сепе, — защитите инвалида Отечественной войны — два раза у меня были контузии. Ох! — неожиданно зарыдал он и с размаху ударил себя кулаком по лицу. С Базадзе сделалась истерика. Все повскакали с мест, окружили Сепе и вывели его из кабинета.

Когда все успокоилось и Гургенидзе дал распоряжение закрыть двери, Арчил встал:

— Разрешите я закончу свою мысль.

— Потерпи немного, — снова остановил его Гургенидзе и нервно задымил папирсой:

— Просто не знаю, что мне делать с этими фронтовиками.

— Вы серьезно думаете, что он был на фронте? — спросил Арчил. — Больше двух недель я ходил за этим комендантом. Потом мне посоветовали — дай ему тысячу рублей и сию же минуту получишь лучшую комнату. Сколько ночей я провел на стройплощадке! А он здесь докладывает, будто я выбираю комнаты и всем недоволен. Знает, как подтасовывать карты...

— Хорошо, товарищ Арчил, хорошо, все понятно, — кивнул головой Гургенидзе.

* * *

Легли сумерки, и в комнате стало темно. Арчил повернул выключатель. Свет не загорелся. Тогда Арчил подошел к окну и распахнул его. Повеяло запахом разрытой земли. Арчил с наслаждением вдохнул свежий воздух и, еще раз оглядев пустую комнату, окончательно решил поехать в Тбилиси.

В дверях он столкнулся с уборщицей.

— Ну, как? — спросила она. — Устроились?

— Пока не совсем.

Через несколько минут уборщица принесла лампочку, ввинтила ее. В тусклом желтоватом свете пустая комната выглядела убого, неуютно, и уборщица сказала:

— В конце коридора живет одна женщина, одолжите у нее матрац и подушку.

«Что за чушь, как попросить у кого-то подушку! — Подумал Арчил. — Но один стул попробую все же попросить».

И он вышел в коридор, прошел до конца и остановился у двери. Постучал. Дверь открылась не сразу.

— Вам кого?

В следующий миг женщина отшатнулась и простонала:

— Боже... Арчил...

Это была Талико. Из глаз ее брызнули слезы. Такой она и запечатлелась в памяти Арчила: в простом ситцевом платице, ^и ^{запе-} ^{повязанная} ^{лестрой} косынкой, в спортивных тапочках на босу ногу.

— Пуще огня боялась я встречи с тобой и вот — все же встретилась... — одним дыханием произнесла она.

— И я не ожидал тебя здесь увидеть, — медленно произнес Арчил.

— Скажи, как ты, когда приехал, как перенес болезнь? — спросила она прерывающимся голосом.

— Ничего, как видишь. Уже третью неделю работаю здесь.

— Почему же я не встретила тебя раньше?

— А где бы ты могла меня встретить? Я ездил в Тбилиси или ночевал на стройке. Только сегодня, наконец, получил комнату. Тут же, по соседству.

— Какую? Слева у входа?

— Да.

— Она была свободной. Я знаю.

— Ну, а ты? Я слышал — вышла замуж? — спросил Арчил.

Талико низко опустила голову и потом со вздохом еле слышно прошептала:

— Да...

— Ну что ж, поздравляю. Кто же твой муж?

— Мой бывший преподаватель. Доцент.

Арчил бросил быстрый взгляд на голые стены комнаты.

— Он что, в Тбилиси живет?

— Да. У него прекрасная квартира в Ваке.

— Как же вы будете жить — ты здесь, а он там?

— Я уйду с работы и уезжаю отсюда, — тихо сказала Талико.

На некоторое время воцарилось молчание, словно больше не о чем было говорить.

— Мне неудобно стало так долго стеснять твоих родителей, и я переехала в Рустави. Ах, Арчил, как мне трудно здесь было, — и Талико украдкой смахнула слезу. — Вот тогда-то увидел меня он. И сразу же сделал предложение. Сказал — я вдовец, без детей и хоть старше тебя на целых тридцать лет, но если ты действительно нуждаешься в настоящей любви, преданности и поддержке — вот моя рука. Детей воспитаю, как своих собственных. Я согласилась. Но мысли о тебе не покидали меня ни днем, ни ночью, а рассчитывать на тебя я не смела. Ну, расскажи теперь о себе...

— О чем? Моя жизнь не так богата событиями, как твоя. Больничный запах, белые халаты, врачи, уколы. Разве это интересно?

— А все-таки что с тобой было? — осторожно спросила Талико.

— Открылась рана в легких. Уже и не помню, сколько раз меня резали и зашивали. Видно, я из волчьей породы. Все перенес. Врачи рекомендовали отдохнуть на южном курорте. Вот я сюда и приехал. Хороший дом отдыха, не правда ли?

— Смотри, не переутомляйся, Арчил. Следи за собой...

— Э, я ничего не боюсь.

И Арчил почувствовал, как тяжелая мохнатая лапа сжала его за горло, сдвинула и начала душить. Он встал:

— До свидания, Талико.

Арчил быстро вышел из комнаты и, даже не взглянув в сторону своей двери, бегом сбежал по лестнице.

Как только Арчил получил в Рустави комнату, Марта объявила Нико, что немедленно переезжает к сыну. Нико взял со службы машину, Марта погрузила немудреный домашний скарб и вечером уже наводила порядок в комнате Арчила.

Нико из-за своей работы не мог переселиться в Рустави и только по субботним вечерам или по воскресеньям приезжал навестить жену и сына. А Марте раза два в неделю приходилось ездить в Тбилиси, готовить обед для Нико дня на два—на три, стирать, убирать и бегать по магазинам.

Марте эти поездки, пожалуй, даже нравились. Всякий раз она возвращалась, нагруженная покупками, оживленная, с полным коробом новостей.

Так, однажды она сообщила, что Талико вышла замуж за своего профессора, но не ужилась с ним и уехала с детьми в Рустави. Теперь, оказывается, эта женщина опять старается сблизиться в Арчилом.

Вскоре Марта привезла новое известие — Талико помирилась с мужем, освободилась от работы и переселилась в Тбилиси.

За этим последовала поразительная новость: Арчил зачастил в Тбилиси и несколько раз даже не возвращался.

Супруги сейчас же пришли к заключению — сын встречается с Талико.

Но вскоре и эта версия была отвергнута.

Марта неоднократно пробовала завести с сыном откровенный разговор, и как-то на вопрос, какие у него взаимоотношения с Талико, Арчил ответил:

— Какие могут быть между нами отношения? Мы даже не видимся. Простое знакомство — и больше ничего.

И вот однажды совершенно неожиданно Марта появилась у Нико на службе.

— Все выяснилось, наконец! — объявила она озадаченному мужу. — А ты по-прежнему ничего не видишь дальше своего носа.

— Ну говори, говори, что стряслось?

— Что должно было случиться — случилось. Поздравляю с невесткой.

— Кто же она?

— Твоя соседка.

— Маквала? — искренне обрадовался Нико. — Неужели правда?

— Вчера она приезжала в Рустави. Понавезла Арчилу каких-то свертков. Потом, взявшись за руки, оба куда-то исчезли. Арчил возвратился домой поздно. Смеется — уж не хочешь ли ты, мама, порасспросить меня о чем-нибудь?

— И что он тебе сказал?

— Разве поймешь теперешнюю молодежь... Если можно дружить с мужчиной, — говорит, — почему нельзя дружить с женщиной? Сыночек, — отвечаю ему, — прежде дружбу мужчины с женщиной называли супружеством, такими уж сотворил нас господь бог. А если вы придумали что-нибудь другое, хоть объясни толком...

— Э-эх, — сокрушенно покачал головой Нико, — пусть женится на ком хочет, лишь бы я, наконец, дождался...

— Как это, на ком хочет? Только этого не доставало. По-твоему, мы не должны знать, кто она...

После этого Нико и Марта с напряженным вниманием стали следить за молодыми людьми.

И, правда, между Арчилом и Маквалой установились такие тесные дружеские отношения, которые в конце концов должны были бы неминуемо привести их к женитьбе.

Но однажды Арчил встретился в поезде Рустави — Тбилиси с Саломэ Цагарейшвили. Он с трудом узнал в полной представительной даме когда-то стройную спортсменку. Саломэ, оказывается, вышла замуж и вместе с мужем работала в Тбилиси на станкостроительном заводе. У них был ребенок. Теперь она со смехом призналась Арчилу, что была в него влюблена.

— Дело прошлое, — говорила Саломэ, смеясь, — все наши девочки по уши были в тебя влюблены, а ты ни на кого не хотел обращать внимания. Помнишь, как мы провожали тебя в Россию? А когда я получила от тебя письмо, чуть не ревела от злости — про меня не было ни слова. Ты все интересовался моей подругой. Ты не забыл ее еще? Ну, если так, приходи к нам завтра же вечером — она будет.

Ровно в назначенный час Арчил был у Саломэ Цагарейшвили.

Хотя время и стерло в памяти впечатления об облике красивой подруги Саломэ, желание увидеть ее было так сильно, что он отказался от встречи с Маквалой, с которой условился идти вечером на балет.

Позвонить самому Маквале у него не хватило духу, и он попросил Нико передать ей, что придет прямо в театр.

Маквала так и просидела весь спектакль одна, терзаясь сомнениями, равнодушно глядя на сцену, и не замечая восхищения всего зрительного зала блистательным искусством Вахтанга Чабукиани.

А Арчил в это время с увлечением беседовал с Лией Масакхелашвили.

Она приходилась Саломэ дальней родственницей. Окончив школу, Лия приехала в Тбилиси из далекой деревни в Западной Грузии, так как ее никак не привлекала работа в поле, деревенская жизнь и связанные с ней заботы. Со школьной скамьи она мечтала о дорогих нарядах, о блеске большого города, видела себя в мечтах кинозвездой.

Лия была красива и с детства знала о своей красоте. Она рано поняла ее силу и смело устремилась в игру, какою казалась ей жизнь.

Арчила она не помнила и, конечно, не догадывалась о тех чувствах, которые вызвала в нем когда-то. Сидя подле него сейчас, с интересом разглядывала своего нового знакомого, так не похожего на всех ее остальных поклонников. Взмахивая трепещущими бабочками ресниц, Лия больше слушала Арчила, чем говорила.

Приятно взволнованная, она вскидывала на него огромные бархатные глаза — и тогда он замолкал, а Саломэ начинала уверять, что они необыкновенно, ну просто поразительно до чего, красивая пара и словно нарочно созданы друг для друга.

К двенадцати часам ночи Лия собралась уходить. После долгих уговоров, Арчил с трудом получил разрешение проводить ее.

В безмолвии шли они по опустевшим улицам ночного города. Еле завязавшись, разговор сейчас же смолкал, обрывался на полуслове. Арчил молча любовался Лией. А ей неожиданно захотелось плакать от избытка переполнявших ее чувств, от неизвестно откуда возникшей жалости к себе, такой молодой, красивой и так много уже пережившей и испытавшей. Хотелось забыть прошлое, вычеркнуть навсегда его тяжелые неизгладимые следы и очищенной, обновленной прильнуть к груди Арчила, забыться и плакать, плакать... Если бы можно было искупить ошибки прежних лет и коснуться любви возвышенной и чистой, снова

произносить слова любви, утратившие, казалось, всякий смысл: «Ты — моя жизнь, моя радость, моя любовь, ты — мой, мой, мой...»

Медленно подошли они к дому Лии. Несколько минут постояли в молчании. Потом Арчил взял ее руку, пылко поцеловал и пожелал спокойной ночи.

— Приходите к Саломэ! — сказала Лия, и они расстались.

Арчил ушел, и тогда она поняла, что, пожалуй, никогда в жизни не была так счастлива, как в этот вечер. Впервые ей пришлось коснуться такой доверчивой мужской нежности. Она почувствовала, как в ней проснулись запоздалые сожаления, и горькая усмешка искривила ее губы.

* * *

В один из ярких весенних дней Лия собралась в Рустави. Она решила найти там Арчила и встретиться с ним, чтобы еще раз почувствовать силу своих чар, ощутить свою власть над ним. Разумеется, для этого был придуман удобный повод.

С поезда Лия сошла на платформу напротив здания горкома и сразу заметила неподалеку, у автобусной остановки трех мужчин. В одном из них она узнала Арчила.

Сияя улыбкой, Лия направилась к нему. Но прежде чем она приблизилась и раньше чем Арчил успел ее увидеть, оба его собеседника тоже заметили Лию и обменялись парой таких реплик по ее адресу, что Арчил обомлел и готов был от невыносимого стыда провалиться сквозь землю. Он поспешно отошел, чтобы скрыть предательскую краску, горячей волной залившую лицо, завернул за угол и влился в поток пешеходов.

Лия видела эту сцену и вдруг отчетливо поняла, что все кончено, что корабль ее любви неожиданно наткнулся на подводную мель и с молниеносной быстротой погрузился на дно. Она остановилась, потом медленно пошла назад, на пустую платформу, где навес, как бурка, отбрасывал в сторону тень. Лия прислонилась к стене, вынула платок, прикрыла им глаза и разрыдалась. Долго стояла она так, глядя на рельсы, исчезающие в бесконечной дали...

Люди с удивлением смотрели на Лию и с недоумением думали: что могло заставить лить слезы эту красивую, изысканную женщину?

А Арчил в это время, сломя голову, бежал на строительство. Сердце стучало так громко, что он слышал его удары, кровь звенела в ушах.

Это событие надолго лишило Арчила душевного покоя и равновесия. Он не верил больше, что существуют на свете женщины, которым можно всецело довериться и положиться на их сердечность и чистоту.

Пожалуй, единственной достойной в его глазах по-прежнему оставалась Маквала.

Несколько раз он собирался зайти к ней, но сознание вины мешало это сделать. И Арчил старался не встретиться с Маквалой.

А она незаметно следила за ним, видела, что он избегает ее, но не могла понять, что произошло.

Так проходили месяцы, полные сомнений, тревог и печали.

Но однажды Маквала решила: хватит прятаться, столкнемся — и очень хорошо, по крайней мере все выяснится. В глубине души она лелеяла надежду — он увидит меня, взглянет по-новому и скажет: «Люблю тебя, Маквала!». Он шепнул ей эти слова в кино. В темном накурен-

ном зале они почти не смотрели на экран, где суетливо металась тем-
ные тени.

Они встали и, не говоря ни слова, задевая и цепляясь за чьи-то колени, вышли из зала.

Долгожданная невестка появилась в семье Санеблидзе.

— Не хочу! — заявила в первый день Марта.

— Молчи, — останавливал ее Нико.

— Что поделаешь, единственный сын, — говорила Марта на следующий день.

— Ну, теперь, дорогие, я могу отдохнуть; кажется, за моим мальчиком есть кому посмотреть, — сказала она на третий день. И с тех пор аккуратно оповещала всех знакомых, соседей и близких:

— Моя невестка опубликовала новое научное исследование и едет в Москву на конференцию читать доклад.

— Моя невестка просит меня жить с ними вместе. Естественно, ей нелегко — семья, дом, работа, лекции...

— Как я счастлива — в этом месяце я, наверное, стану бабушкой! Будет мальчик, конечно. Первенец должен быть мальчиком. Тогда я умру спокойно.

Но родилась девочка. И Марта доказывала:

— Девочка лучше трех мальчиков!

* * *

После окончания бюро горкома Арчил пошел к себе. В этот день он был дома — в новой трехкомнатной квартире — один. Маквала и родители уехали в Тбилиси, повезли малышку к врачам. Нико и Марта души не чаяли во внучке и — нужно и не нужно — показывали ее всем педиатрам, какие только существовали в Тбилиси.

Арчилу пришлось хозяйничать самому.

Весело насвистывая, он мелко нарезал мясо, накрошил лук, очистил картошку и собирался уже поставить все на огонь, как вдруг зазвонил телефон. Арчил снял трубку.

— Ну, как дела? — прозвучал голос первого секретаря горкома Георгия Херхеулидзе.

— Да все воюю со всякими мошенниками, — пожаловался Арчил.

— А ты думаешь борьба только на фронте? Здесь бороться сложнее и враг куда коварнее, — помолчал, потом сказал: — Хотел сообщить тебе новость. Сегодня вечером был в ЦК. Срок пуска мартена не отложили. Пора вызывать учеников...

* * *

Ночь. Неумолчно стучат колеса вагонов. Вепхиа лежит на верхней полке и пристально смотрит в полуоткрытое окно.

Темное небо усеяно редкими звездами, они словно летят над полями, догоняя поезд.

Домой, он едет домой! Как не похоже его возвращение на отъезд из Тбилиси пять лет назад. Тогда он лежал на сколоченных наспех нарах в теплушке, на сене, сладко пахнувшем осенью. А сейчас маленькая лампочка освещает купе плацкартного вагона с ковровой дорожкой по середине и откидным столиком.

Вепхиа повернулся на спину и уставился в потолок, поблескивающий светлой краской.

Спать не хочется. Из зеркала напротив на него глядит широкоплечий, мускулистый юноша с усиками, в клетчатой ковбойке, спортивных шароварах и полосатых носках.

Вепхиа усмехнулся. Это так он оделся в дорогу. А в чемодане спрятаны дорогой шерстяной костюм, сорочки и туфли. Вепхиа даже научился завязывать галстук. Его наставниками в этом деле были Гайк Евангулов и Гига. Всего труднее далось ему это искусство. Научиться варить сталь было, пожалуй, легче. Теперь он полностью проник в тайны своей профессии, приобрел сноровку и мастерство. Улыбка невольно тронула губы, когда он вспомнил, какими таинственными и непостижимыми казались ему трубы, форсунки, стрелки манометров и показания контрольно-измерительной аппаратуры. А заправка печи, загрузка лома, приборы!

Сейчас Вепхиа не нуждался больше в анализе экспресс-лаборатории. Зачерпнув ложкой расплавленную сталь и плеснув ее на пол, он безошибочно мог на глаз определить по величине и блеску рассыпающихся искр содержание углерода в металле.

Его быстро обожгло воспоминание о первой самостоятельной плавке.

Тогда он уже не считался учеником Василия Ивановича. Многих учителей сменил в течение этого срока Вепхиа. Пришлось работать и в бригаде Тимура Касимбаева, и у Иванова, и в «молодежной» у Гени Бурака. Бурак был уже мастером, одним из лучших на заводе и охотно делился с Вепхиа своим опытом.

Вепхиа надолго запомнилось, как Бурак уступал ему свое место у печи, приговаривая: «А ну, Тигр, давай, шуруй, а я посмотрю—не напутаешь ли чего».

И правда, сколько раз вначале он путался и смущался. Но вскоре самостоятельно провел несколько плавков и однажды, когда Бурак заболел и некого было поставить вместо него, суровый и хмурый сменный мастер поручил нести вахту Вепхиа. Когда он благополучно довел до конца весь процесс и выдал плавку, сменный мастер, от которого никто никогда не слышал доброго слова, пожал ему руку, буркнув: «Молодчина, спасибо», и доложил начальнику цеха, что еще одного молодого грузина можно «крестить» в сталевары.

Вепхиа вспомнил и свою первую получку. Через день ее уже не было. Потом он стал класть деньги на сберкнижку. Разве раньше он имел понятие о том, что такое сберкасса? Когда после злополучной истории с Чахмахом ребята посоветовали ему хранить деньги в сберкассе, Вепхиа думал, что над ним смеются. А вот теперь на сберкнижке у него накопилось несколько тысяч...

Как незаметно промчалось время! От прошлого в памяти Вепхиа сохранилось лишь несколько ярких картин, разделенных глубокими провалами.

Сейчас он возвращался домой с последней группой учеников, ставших молодыми специалистами.

Первым собрался уезжать Ахмед Моцкобили. «Пока нас позовут в Рустави, погощу-ка я дома—на берегу Черного моря!»—заявил он.

За ним потянулись другие. Уехали Алпаидзе, Тантиба, Глonti.

Вепхиа вспомнил отъезд Дзики Данелия. Как-то вечером он появился с таким исцарапанным лицом, словно его разодрали кошки. Несмотря на это, вид у него был самый веселый. С быстротою молнии раз-

неслась новость: Дзики и Зизо поженились и уезжают вместе. Чичинко Шубитидзе даже шутил по этому поводу:

— Данелия теперь может смело поступить укротителем в цирк!

А Ламара добавила не без ехидства:

— Посмотрим, как ты будешь выглядеть на следующий день после свадьбы!

Странная все же девушка Ламара. За что она так невзлюбила Вепхиа? Сколько раз он ловил на себе ее презрительный взгляд. Никогда ни слова не скажет ему, не попросит ни о чем. А если заметит, что он смотрит на нее, обязательно повернется спиной. Вот и перед отъездом — пришла проводить ребят на вокзал, со всеми расцеловалась, а на Вепхиа и не взглянула.

Почему она решила остаться? Ведь кроме нее все уехали. А она, видимо, не спешит, эта злючка.

Насмешливые ледяные глаза Ламары не давали ему покоя. Вот еще — прицепилась к нему, как колючка. Пускай себе когда хочет, тогда и едет. Если не желает — на здоровье, может совсем не возвращаться. Наверное, думает вернуться вместе с семьей Василия Ивановича.

Да, вот с кем еще предстоит встретиться в Рустави. Булатов с семьей тоже переселяется в Грузию. Когда Вепхиа приедет из Хевсуретии, они, должно быть, будут уже в Рустави.

Гига получил письмо от Арчила. Санеблидзе просил уговорить кого-нибудь из опытных сталеваров переехать в Рустави. С дирекцией завода существовала договоренность, послан официальный запрос.

Ребята посоветовались, и Вепхиа предложил — заберем нашего первого учителя. Все выразили сомнение — не согласится.

Тогда Вепхиа, Гига и Тедо отправились домой к Василию Ивановичу. Собственно говоря, пойти мог смело один Гига — последнее время он был частым гостем в доме Булатовых, — но теперь вопрос касался всего коллектива.

Двери открыла Аниська. Она вспыхнула, увидев Гигу, и заметно смутилась, когда, стуча ботинками, за его спиной показались Тедо и Вепхиа. Ребята прошли в столовую.

Из другой комнаты вышел, позевывая, Василий Иванович. Он работал в ночной смене и с утра лег спать.

— Ну, орлы, — сказал он, протирая заспанные глаза, — я слышал, вы уезжаете?

— Да. Василий Иванович, и вас с собой собираемся захватить, — прямо приступил к делу Гига.

— Ишь вы, какие шустрые! — усмехнулся Булатов.

— Нет, серьезно, Василий Иванович, — сказал Гига, — мы письмо получили из Грузии. И запрос есть от дирекции.

— Знаю, — сказал Булатов, — слышал об этом. Был разговор в парткоме.

— Вот мы и посоветовались между собой, — продолжал Гига, — и решили просить вас. Мы к вам привыкли очень и полюбили...

В комнате собралась все Булатовы и стояли, выстроившись вдоль стены. Евпраксия Ивановна всплеснула руками:

— Как же это. Васенька, насовсем?

Василий Иванович улыбнулся и подмигнул ребятам:

— Эх, хозяйюшка у меня сердобольная. Слышать не может без слез, когда меня хвалят. Что ж, Грузия — солнечный край. Посмотрим, подумаем...

— А что тебе думать, папка, — вмешалась Аниська, — и врачи тебе советуют — поезжай на юг, отдохни.

— Знаю я, какие это врачи советуют, — погрозил ей пальцем Булатов и повернулся к молодежи. — Хорошо. Потерпите дня три—четыре, поразмыслию как следует, а там, возможно, и решусь.

Решился. За день до отъезда объявил:

— Еду. Через неделю — другую приведу все дела в порядок и соберусь в дорогу.

Вепхиа прислушался. В соседнем купе тоже не спят. Негромкие голоса выводят песню. Запевает Чичико Шубитидзе. Какой у него красивый голос! А второй — Гигла, его он всегда узнает. И Тедо поет — низко, низко.

Песня о родине... Как ты разрываешь сердце...

Да, сладостно возвращение на родину. Где только не перебивал Вепхиа за эти пять лет: в Свердловске, Челябинске, Омске, Новосибирске. Даже в Москве.

Москва. Кремлевские башни, Мавзолей, стадион «Динамо»... Все это было необыкновенно интересно. Но даже тогда не ощущал Вепхиа такого волнения, как сейчас, перед возвращением домой.

Ему вспомнились далекие горы Хевсуретии, овейные дымкой тумана, заоблачные вершины, родные скалы, иссеченные водопадами. Мзекала... Как он мог забыть Мзекалу? Девушка вышивала ему талавари и мечтала о его возвращении. Сколько времени прошло с тех пор? Может быть, все давным-давно позабыли о его существовании.

...Колеса поезда стучат, не смолкая.

Всходило солнце. В его лучах горы казались бледно-розовыми, как яблоневый цвет. Вепхиа, не отрываясь, глядел на них, на перистые облака, словно корабли, плывущие по небу, и мысленно уносился в свою Хевсуретию.

У Туапсе, когда ребята увидели море, припали к окнам и восторженно любовались им, он лишь мельком взглянул на пенистые волны, набегавшие под самые колеса поезда, потому что не мог оторвать глаз от гор.

Вепхиа твердо решил сначала побывать в родной деревушке. В чемодане лежали купленные для Мзекалы подарки: разноцветные перламутровые пуговицы, бусы из поддельного жемчуга, шелковые платки, капроновые чулки и модные туфли.

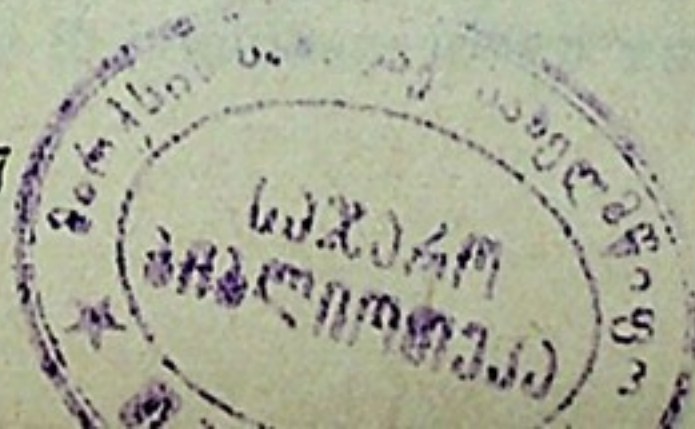
Вепхиа заранее торжествовал, представив себе волнующую картину встречи с Мзекалой — он раскрывает чемодан и у всех темнеет в глазах. Таких нарядных вещей нет ни у одной девушки в Хевсуретии. Как обрадуется Мзекала!

Во Мцхета он сошел с поезда в три часа ночи. Ребята советовали доехать до Тбилиси — оттуда легче найти машину в Барисахо. Но Вепхиа не выдержал.

Рассвет золотил купола Светис-Цховели, Самтавро и Джвари, высоко над ними рисовались очертания гор.

Возле Бебрис-цихе Вепхиа забрался на попутную машину и всю дорогу до Жинвали сидел неподвижно, вдыхая утреннюю свежесть и наслаждаясь видом близких уже вершин. Не раз ему приходилось встречать восход солнца, но никогда, кажется, еще не было такого безмолвия и покоя, как в это утро.

Ущелье Арагви, покрытое лесами, скалы в алмазной россыпи ручьев, седые камни разрушенных башен... Как все это близко сердцу Вепхиа!

В Живвали он позавтракал в столовой и несколько часов ожидал машину, идущую в сторону Барисахо. Кроме него в этот ранний час в столовой никого не было, и грузный багроволицый буфетчик, в одно и то же время повар, официант и заведующий, поминутно спрашивал Вепхиа:

— Так ты говоришь — хевсур ты? Ой, что-то не похож на хевсура.

— А сам-то ты кто?

— Я из Схавви, слышал? Это в Раче, — охотно ответил буфетчик. — В Барисахо машина будет через час, не раньше. Пешком идти не стоит, — продолжал он, заметив, что Вепхиа порывается встать. — А сейчас откуда едешь?

— Из России.

— А что тебе понадобилось в России?

— Учился.

— Учился? Это ты хорошо делал.

А Вепхиа все смотрел на дорогу. Если б не чемодан и вещевой мешок, пошел бы пешком.

Буфетчик продолжал беседу.

— Наверное, ты хорошо говоришь по-русски?

— Хорошо.

— Вот это ты молодец. А то у нас молодежь совсем не знает.

И после молчания начинается снова:

— А все-таки ты непохож на хевсура. Неужели так изменился? Не узнают тебя, пожалуй. Давно ты уехал?

— Пять лет назад.

— Здорово, — удивился буфетчик. — Ваши часто сюда заходят. Очень уж они отсталые, эти ваши хевсуры. Темные. Такого, как ты, я не видал среди них.

— И образованных много, — обиженно возразил Вепхиа.

— Будут. Как не быть... Ты женат?

— Нет.

— Ничего, успеешь. И невеста, небось, есть... а, сознайся?

У Вепхиа сладко защемило сердце. Он улыбнулся и подумал: какая теперь Мзекала? Когда он уезжал, она была еще совсем девочкой. А сейчас, должно быть, уже взрослая девушка.

В ущелье загудела машина и свернула к мосту. Вепхиа выскочил на дорогу. Машина шла в Барисахо. Забраться наверх и положить чемодан и мешок было для него делом одной минуты. Скоро свернули в ущелье Черной Арагви. Знакомые места — зеленые клочки пашни, журчащие ручьи, крохотные селения, притулившиеся у могучей груди гор — кое-где курятся дымки, то тут, то там блестят неподвижные ниточки водопадов. Начались узкие извилистые повороты.

Вот и Барисахо. Ничего здесь не изменилось. Ни дорога, ни горы, ни небо. Все встретило его таким же, каким он оставил.

Пригревало солнце, когда Вепхиа взбирался по склону горы, перекинув через плечо, как хурджин, связанные ремнем чемодан и мешок.

Вот он и пришел в деревню...

* * *

Хевсуры плотным кольцом обступили Вепхиа, смотрели, смотрели и вдруг начали неудержимо смеяться. Глазам не верили, неужели перед ними стоял их односельчанин. В настоящем городском костюме и пе-

стром галстук. Возмужал, переменился, даже выговор — и тот стал другим.

— Изменился парень, — говорит старый Бецика.

— За пять лет как не измениться, — пробует осторожно защитить Вепхиа Апарека и треплет его по плечу. — Ну, ты выучился ремеслу?

— Я — сталевар, — с гордостью отвечает Вепхиа.

— Сталевар — что означает?

— Сталь варю.

— Пойдем в кузницу, покажешь. На моем горне сварим немножко.

— На твоём горне? — улыбается Вепхиа. — На твоём горне стали не сварить.

Апарека хмурится, мрачнеет, как туча.

Кругом снова смеются.

Старики стоят поодаль, ждут, когда к ним приблизится Вепхиа.

Молодежь завидует Вепхиа и готова поднять его насмех. Слышно, как парни переговариваются: «Смотри ты, — галстук». «Подумаешь, велика важность», «Галстук — дело городских щеголей. Разве галстук пристанет молодцу!»

А Вепхиа стоит спокойно и удивляется — как будто все здесь потускнело, меньше стало: дома, нивы, тропинка до Барисахо. Даже скот. Неужели эти коровы всегда были такими тощими, низенькими, как козы? Ведь когда-то они казались ему большими.

Только горы по-прежнему высятся, величественные и гордые.

Все больше народа становится вокруг Вепхиа. Подходят женщины, старые и молодые, поздравляют с благополучным возвращением. То и дело слышится:

— Вепхиа приехал!

— Какой это Вепхиа?

— Который был в России? А где он?

— Вон, с галстуком...

— Идемте, посмотрим!

Дети, подражая взрослым, за руку здороваются с Вепхиа.

— Мир тебе, Вепхиа! — серьезно произносит шестилетний малыш и добавляет: — В добром ли ты здравии?

Вепхиа смеется и снова принимается разглядывать людей, хевсурские домики, очертания гор, позолоченных солнцем. Как здесь все стало непривычно! Больше всего его поражает острый запах коровника, которым тут, кажется, пропитаны все. Раньше он никогда не чувствовал его.

Джурха, его однолеток Джурха никак не может уговориться — все пытается дернуть Вепхиа за галстук. На кого он похож, этот Джурха!

— Смотрю, ты вырос, бичо, а ума у тебя не прибавилось, — говорит Вепхиа пренебрежительно. С его лица не сходит насмешливое выражение.

— Все больше, чем у тебя найдется. — Джурха в сердцах рванул Вепхиа за галстук.

Вепхиа поднял руку — Джурха отлетел и неловко упал на парней и девушек, стоящих кругом. Те оттолкнули его в сторону.

Джурха поднялся, весь побагровев, оглянулся и, словно вспомнив что-то, опрометью бросился к дому.

— За шашкой побежал, — сказал Апарека. — Интересно, с чего это он хорохорится, как петушок?

— А я знаю, — произнес старый Алуда. — Мзекала раньше вышивала талавари для Вепхиа, вот ему и обидно.

— Пойдем-ка домой, Вепхиа, — сказал Апарека. — Бог с ним. Вепхиа не тронулся с места. Куда он уйдет? Он прекрасно знает, что Мзекала где-то здесь, поблизости. Среди этих девушек и парней ее, правда, не видно, но, должно быть, она смотрит из узкого окна своего дома. И разве может он, Вепхиа, показаться трусом?

Ну и, кроме всего остального, ему немножко смешно — уж очень все это неправдоподобно и нелепо выглядит.

Джурха бежал, размахивая шашкой, и кричал издали:

— Выходи, если в тебе есть хевсурская кровь!

Джурху окружили и преградили ему дорогу. Ловкие парни проворно схватили его за руки и попытались отнять шашку. Хевсуры толпились, стараясь удержать Джурху. А он кричал:

— Пустите меня, не держите. Не беспокойтесь — я не убью его, только отрежу галстук.

— Отпустите его! — прозвучал громкий голос Вепхиа.

Все обернулись.

Вепхиа успел снять пиджак и стоял в одной рубахе. Пестрый галстук, как разноцветный флажок, развевался по ветру. Ветерок взлохматил густые волосы юноши и так плотно облепил рубаху на широкой груди, что было видно, как крепкие мышцы на теле рельефно проступили и напряглись. В руке он сжимал блестящую, сверкающую, словно зеркало на солнце, шашку.

— Оставьте его, — повторил Вепхиа властно и шагнул вперед.

Джурха растолкал старавшихся помешать ему хевсур и бросился навстречу Вепхиа, размахивая старинным потемневшим от времени клинком.

— На, бичо, возьми на всякий случай! — Апарека протянул Вепхиа пари — небольшой круглый щит.

— Не надо, — не глядя, бросил Вепхиа, прыгнул и с молниеносной быстротой снизу нанес удар по эфесу оружия Джурхи. Шашка с жалобным звоном полетела в воздух, трепеща, точно живая, изогнулась несколько раз и затерялась где-то в кустах.

Мальчишки, сломя голову, кинулись за ней. Пока они принесли ее, Апарека схватил Джурху за плечо и подтолкнул к Вепхиа:

— Помиритесь сейчас же, вам делить нечего. Вы же оба из рода Халибаури.

— Помиритесь, конечно, помиритесь! — раздавалось со всех сторон.

— Мир тебе! — протянул руку Вепхиа.

Джурха некоторое время упрямылся и продолжал стоять, хмурия брови, но Вепхиа обнял его левой рукой, а правой подал свою шашку.

— На, бери. Равного оружия нет на свете.

Джурха не сводил с него настороженного взгляда, смотрел то на оружие, то на Вепхиа. Никак не мог взять в толк, шутит или говорит правду этот странный парень. Но одно верно: оружием он владеть умеет. Джурха только что убедился в этом. В конце концов любопытство одержало верх — и он взял шашку. Стал рассматривать ее. И другие вытянули шеи.

— Ну и шашка! — слышалось отовсюду.

— Франгула?

— Давитперули?

— А кто это на ней нарисован?

— Саакадзе, — ответил Вепхиа.

— Саакадзе? — Новая буря удивления. Джурха не может как следует разглядеть клинок — его вырывали из рук и рассматривали по очереди. Сгибали. Лезвие распрямлялось с нежным звоном. Потом смотрели изображение. Молодежь с точностью определила: на шашке изображен Саакадзе. Его портрет видели в кино и в учебнике.

— А что там написано сверху, дайте прочту, — спросил Джурха и взял в руки оружие. Всмотрелся и со вздохом произнес: — Не разберу, не по-нашему написано.

Потом в раздумье посмотрел на Вепхиа и протянул шашку обратно:

— На, бичо, возьми свою горду.

— Ты что привередничаешь? Не по вкусу?

— Такая стоит десять коров. У меня нет так много..

— Ни одной не хочу. Я же не продаю, Джурха. Пусть твоей будет. Дарю тебе. Только с одним условием: должен научиться фехтовать. Так, чтобы никто не смог выбить ее у тебя из рук.

— А ты где научился? — простодушно спросил Джурха.

— Три года я учился в России. Заслуженный мастер спорта Алексей Петрович Бушуев тренировал меня на первенство Союза. И в Москву я ездил. Над многими одержал победу, вышел на третье место. Завоевал бронзовую медаль. Вот подожди, покажу. Но двое оказались сильнее меня — золотую и серебряную они забрали.

— Как же это с тобой приключилось? — сожалел Апарека. — Ты должен был всех победить. Ведь ты — хевсур.

— Бушуев сказал мне — еще один год тренировки, обязательно станешь первым. Всему надо учиться.

Вепхиа только сейчас заметил, что шум утих и все слушали его внимательно.

— Значит, ты и в Москве был, Вепхиа, — спросил старик Бецика и задумчиво набил трубку. — Ленина видел, наверное.

— Ленина видел в Мавзолее, — ответил Вепхиа.

Молодежь зашумела, как нива на ветру.

— На самом деле видал, Вепхиа?

— Какой он, Ленин?

— И караул охраняет почетный?

— Ленин точно такой, каким видим на снимках, — сказал Вепхиа, — лежит словно живой. И Кремль такой же, как нарисован в книжках. И Москва такая же, как в кино. Только большая, очень большая.

— Правда, что Москва — самый большой город? — робко спросила большеглазая Мзекала и, потупившись, застенчиво опустила голову.

Вот Вепхиа и увидел Мзекалу, в далекой стороне обратившуюся в мечту...

Теперь стоит перед ним обыкновенная женщина, краснощекая, пропитанная запахом коровника, в неуклюжей расплющенной обуви, в вязанных из грубой шерсти носках и держит на руках годовалого младенца.

— Вышла замуж, Мзекала? — спрашивает, немного растерявшись, Вепхиа.

Мзекала утвердительно кивает головой. С лица ее не сходит улыбка.

— Кто же твой муж?

Мзекала глазами показывает на Джурху. Улыбка ее словно говорит — а ты как думал, так бы и ждала тебя без конца...

* * *

С неудержимой радостью и нетерпением стремился Вепхиа в родную деревню, где пролетело детство и школьные годы, где знал каждый уголок, любой пригорок. Мечтал о встрече с тетей Сандуа. С замиранием сердца думал о том, как увидит Мзекалу, увезет ее в Рустави, сделает своей женой.

И вот ничего не осталось у Вепхиа в Хевсуретии. Дом развалился. Скот пропал—часть овец продали, когда выслали ему деньги, часть зарезали волки. Тетя Сандуа умерла, а муж ее привел другую женщину. Мзекала вышла замуж...

Ночь Вепхиа провел в кузнице Апареки, не смыкая глаз. Никогда еще так остро не ощущал он своего сиротства.

Ночь была тихая. Только далеко в горах выли шакалы, во дворе у соседей негромко гоготали гуси, блеяли овцы.

Начало светать, и вскоре Вепхиа вышел во двор. Взглянул на ущелье—внизу, словно снежное покрывало, стлался туман. Вепхиа поднял голову: белые облака курчавились в прозрачном, как хрусталь, небе. В даль уходили зеленые отроги, зубчатые розовые вершины казались совсем близкими. Где-то далеко на западе, точно шмель, жужжал самолет.

Долго блуждал Вепхиа по знакомым местам, спустился к роднику, обмыл лицо, выпил из журчащего источника чистую, точно слеза, воду.

Потом поднялся на пригорок. Солнце брызнуло ему в глаза. Оно всходило над высокими вершинами его родного края, над зелеными островками ячменя, над цветущими лугами и перелесками.

Скот уже разбрелся по пастбищам, откуда доносился лай лохматых овчарок.

На стеблях травы и цветочных лепестках сверкала утренняя роса.

Только сейчас Вепхиа полностью осознал и почувствовал волшебную красоту природы своей родины, был покорен ее величием. Очарованный ею, он глядел на крохотную деревушку, где дома, словно птичьи гнезда, лепились на самом краю ущелья, нависали над пропастью и напоминали старинную крепость. На узеньких, будто игрушечных, балкончиках без перил хлопотали казавшиеся издали кукольными фигурки женщин. Одни пряли, вращая веретена, другие чесали шерсть.

Вепхиа еще раз обвел взглядом все вокруг. Слов не было—красива его деревня. Но неужели нельзя построить эти дома иначе, расположить по-новому, вставить стекла в темные провалы окон, выложить печи с трубою, чтобы не задыхаться от дыма? Да, страшно отсталая его деревня. Неужели нельзя все изменить здесь?

Отчего нельзя? Он покажет землякам, что нужно сделать для того, чтобы жить по-новому, освободит их из плена привычек, подаст пример нового уклада и быта.

Прежде всего Вепхиа решил восстановить свой разрушенный дом—возродить дедовский очаг. Денег у него было достаточно. Он нанял в Барисахо плотников, и за три недели дом неузнаваемо изменился—заново были возведены стены, заменены подгнившие стропила, настелен пол, вставлены новые окна и двери, а в углу сложена кирпичная печь.

Там же, в Барисахо, Вепхиа приобрел новые вещи—низкий, ярко окрашенный шкаф, железную кровать, шесть тарелок и столько же винных стаканов, ножи и вилки.

Купил корову, пару овец и пустил в общинное стадо—храните и пользуйтесь.

Все соседи помогали Вепхиа — кто носил камни, кто резал доски. Женщины готовили еду и кормили мастеров.

Они сшили ему хевсурский наряд и стали подыскивать невесту. Особенно старалась Мзекала. Ей, должно быть, хотелось загладить свою вину перед Вепхиа и она наперебой предлагала ему девушек на выданье. Причем все они, по ее словам, затмевали солнце. То она восхищалась красавицей из рода Очиаури в Архоти, то девушкой Звиадаури из общины Шатели, а то вдруг собиралась ехать на смотрины в Гвелети или Хахмати.

Но пока Мзекала была занята поисками невесты, Вепхиа запер свой новый дом, попрощался со всеми, пообещав приехать на будущий год, и собрался в дорогу. Отпуск кончился. Надо было спешить в Рустави.

* * *

— Вепхиа... Здравствуй. — Ламара вскинула глаза на Вепхиа. На лице ее показалась улыбка. — Когда ты приехал?

— Только что. — Вепхиа так обрадовался этой неожиданной встрече, будто увидел своего самого близкого друга. — Как я рад, что встретил тебя.

— Ты один? — С лица Ламары не сходила улыбка.

— Как один?

— Почему я знаю, говорил — невеста ждет в Хевсуретии.

На секунду Вепхиа растерялся. Сказать, что его невеста вышла замуж за другого, он не решался. Тем более Ламаре. Она стояла перед ним, улыбаясь, сощурив глаза, с легким румянцем на смуглых щеках, в тонком платье с короткими рукавами, в прозрачных капроновых чулках и босоножках. Никогда раньше Вепхиа не видел ее такой красивой. Ламара показалась ему сейчас необыкновенно привлекательной.

Вепхиа нахмурил широкие черные брови и невольно повторил слова, которые сказал ей в первый день приезда на Урал:

— Хорошая ты девушка, Ламара!

— Чем же это я хороша? — засмеялась Ламара и спросила: — Ты куда сейчас направляешься?

— Понятия не имею, — пожал плечами Вепхиа. — А куда надо идти сначала? В контору?

— Пойдем вместе. Вещи можешь пока оставить у меня, а потом выясним, где тебе дадут комнату, — отчеканила Ламара.

Они шли, непринужденно болтая.

— Как тебе нравится город? — спросила Ламара. — Быстро построили, неправда? Никогда не думала, что увижу здесь столько домов. Помнишь, когда мы уезжали, как все вокруг было пусто, голо. Даже не верится, что это то самое место. И все же с квартирами еще не все налажено. Я живу в общежитии. И тебя тоже устроят там. Отдельные квартиры в первую очередь дают женатым. Вот Бисмарк, Дзики Данелия, Симон Алпаидзе, Гайк женились и сразу получили квартиры. А потом все разбрелись по деревням. Знаешь, говорят, тем, кто хочет строить индивидуальные коттеджи...

— А это еще что такое?

— Коттеджи, не слыхал? Так называют небольшие домики. Можно начать строить...

— Спасибо, я уже выстроил один. С меня хватит. Что я — строитель? Я — сталевар. Ты скажи лучше, когда мартен пускают?

Они проходили мимо выстроившихся вдоль улицы кирпичных двухэтажных домиков с красными балконами, возле которых, вая белым дымком, дорожный каток утопил горячий асфальт.

— Хочешь зайдём, посмотрим? — предложила Ламара, кивнув на один из недостроенных ещё домиков.

Вепхиа согласился, и они вошли в подъезд.

Пол всюду был усыпан обрезками досок, опилками, чурбаками. Стены залиты гажей. Некрашенные двери и окна еще не навесили, и они лежали в углу. Пахло стружкой и непросохшим кирпичом.

Вепхиа и Ламара обошли каждую комнату, осмотрели кухню, кладовку, вышли на балкон. Вепхиа оглядел все вокруг.

— Здесь и правда хорошо, — сказал он. — Хоть бы я был женат, чтобы просить такую квартиру.

— Внизу есть дворик. Там можно устроить сад, держать кур, индюшек. А перед домом разбить палисадник, — объясняла Ламара.

— Что?

— Этого ты тоже не знаешь? Бедный! Объясни мне, пожалуйста, что у вас есть в этой вашей Хевсуретии? Чем вы живете, питаетесь? — Ламара засмеялась. — Или там — только медведи и горы?.. Да, я вспомнила, — снова заговорила она, когда они вышли на улицу, — здесь Гига Бежанишвили, он тоже работает на строительстве. И его устроили в общежитии. Давай сходим к нему сегодня. Что-то, кажется, не клеится у них с Аниськой. А может, ничего и не было вовсе. Разве поймешь... Василий Иванович, кажется, домой думал вернуться. Ты, наверное, и не знаешь — раньше февраля мартеновский цех не начнет работать. Мы приехали рановато. Вот все ребята и разъехались, кто куда.

— А ты почему осталась? — спросил Вепхиа.

— Я?

Ламара помедлила с ответом, встряхнула головой с такой силой, словно хотела отогнать назойливые мысли, потом отвернулась и проговорила:

— Не отпустили. Я ведь помогаю монтажникам, работаю в мартеновском цехе на мостовом кране.

Она пристально посмотрела на Вепхиа. По его лицу пробежала краска.

— И ты не уезжай. Работы здесь много. Ты же не вернешься в деревню... — просто сказала Ламара.

— Нет, не вернусь. В деревне у меня никого нет.

— Вот и у меня тоже нет никого...

По дороге Ламара показывала Вепхиа:—Видишь здание? Здесь временно помещается заводоуправление. За ним механический цех. А вот — электростанция. Там, где виден огромный металлический остов, — будут мартеновские печи.

Как настоящий экскурсовод, Ламара шла впереди Вепхиа, знакомила его с новым городом и заводом.

Под ее руководством Вепхиа быстро привел в порядок все свои дела — стал на учет в заводоуправлении, получил место в общежитии и — так как до пуска мартена оставалось порядочно времени — оформился подсобным рабочим на монтаже мартена. Все это помогла ему сделать Ламара, и он невольно проникся к ней уважением.

— Если б не ты, я, наверное, за неделю со всем этим не сладил, — сказал он ей откровенно. — Чем тебя отблагодарить?

— Не выдумывай. Ступай сейчас и отдохни. А вечером, если хочешь, пойдем в кино. Завтра с утра на работу. Только не опаздывай. — Ламара быстрым движением отвела упавшую на лоб прядь черных волос.

Когда Вепхиа с вещами стал спускаться по лестнице, она улыбнулась ему широко и открыто. Эта улыбка заставила тревожно забиться сердце Вепхиа. От прежнего недоброжелательства не осталось и следа. Он пришел в общежитие, прилег и попробовал заснуть. Но не смог. Улыбающееся смуглое лицо Ламары, ее крупные белые руки, да и вся крепкая, ладная фигура девушки так и стояли у него перед глазами.

И эта улыбка... Она не давала покоя, поднимала из глубины души какие-то новые ощущения. Сколько счастья в этой одной улыбке! Ламара продолжала стоять перед его мысленным взором живая, трепетная, неотразимо привлекательная.

А вдруг она совсем не так улыбнулась, как это показалось Вепхиа? Что, если он заблуждается, — и это было просто товарищеское внимание, ничего больше?

Вепхиа даже вскочил от волнения. Надо спросить Ламару. Обязательно надо спросить. Он подождет немного и спросит. Через несколько дней.

Завтра же спросит. Завтра?

Сегодня. Сейчас же.

И Вепхиа рванулся к дверям, но в это время в комнату вошел Гига Бежанишвили. За руку он держал Ламару. Оба от души хохотали над чем-то.

— Вепхо! Приехал, парень? — Гига обнял друга. — Как будто год целый тебя не видел. Как живешь?

— Есть хочу, — неожиданно для себя выпалил Вепхиа. Мысли его смешались. Горькое сомнение закралось в душу: почему они так нежно глядят друг на друга? Значит, он зря надеялся?

— Есть? — удивился Гига.

— Ну, да. С утра во рту кусочка не было.

— Так что ж ты молчишь? Пошли, столовая рядом. А потом ходим в кино. Завтра поедем в Тбилиси — на футбол. Играют московский «Спартак» и наше «Динамо».

Вышли. Вепхиа незаметно наблюдал за Ламарой. Она не сводила глаз с Гиги, шла с ним рядом, говорила о чем-то без умолку.

Вепхиа помрачнел. В столовой с трудом заставил себя проглотить одну котлету. Поковыряв гарнир вилкой, он отодвинул тарелку.

— Да кушай ты, наконец, — уговаривал его Гига. — Ты что, курица? Клюешь по зернышку.

— Я — хевсур, — гордо возразил Вепхиа. — Хевсур никогда не нажирается, как свинья, доотвала. Он должен быть всегда стройным.

А Ламара, чем дальше, тем все больше и больше приходила в прекрасное настроение — все время шутила, смеялась и в конце концов предложила Гиге:

— Пусть Вепхиа вернется домой, выспится и отдохнет. Он, видно, устал. А мы с тобой отправимся в кино.

Чтобы скрыть обиду, Вепхиа твердо заявил:

— Правильно. Я пойду отдохну. А вы посмотрите картину и потом расскажите мне.

Встал и, тяжело ступая, медленно вышел.

Темнело. У горизонта появилось большое облако. Оно показалось Вепхиа заснеженной горной вершиной.

До самого рассвета бродил он по тихим ночным улицам...

* * *

Было, наверное, часов шесть утра, когда Вепхиа разбудило чье-то прикосновение. Незнакомый русский парень тормозил его и приговаривал:

— Проснитесь. Вас зовут.

Вепхиа спал не больше часа. Глаза горели и веки слипались. Он попробовал снова лечь и отдаться сну, но незнакомец опять потянул за плечо:

— Вставайте. Там вас ждут.

Вепхиа вскочил, натянул брюки, надел ботинки и выглянул в коридор.

Там его ожидала Ламара. Она была в широких шароварах, какие носят лыжники. Пышные черные волосы подобраны под косынку. На щеках — румянец.

— Что случилось? На работу не идешь? — удивленно спросила Ламара заспанного и взлохмаченного Вепхиа. — Ты, я вижу, еще и не умывался. Столько спал — и все никак не выспишься. Быстрее одевайся, идем, а то опоздаем.

— Сейчас, я сейчас, — с трудом выговорил Вепхиа и бросился умываться.

Плеснув несколько раз в лицо холодной водой, он пришел в себя и стал торопливо одеваться.

Через несколько минут они уже стояли на автобусной остановке. Ждать пришлось не долго. Погромыхивая кузовом и визжа тормозами, подкатил автобус. Кое-как втиснулись в него и поехали.

На неровной ухабистой дороге автобус подпрыгивал и бросал пассажиров друг на друга. Вепхиа крепко сжимал поручни и старался уберечь Ламару от резких толчков. А сам поминутно зевал и жмурил глаза.

— Что с тобой? Ты не спал? — спросила, искоса поглядывая на него, Ламара.

В душе шевельнулась смутная догадка. Но все же не верилось. Неужели она не ошибается? В продолжение пяти лет, проведенных в чужом городе, они только неприязненно косились друг на друга. И вдруг...

— Всю ночь не спал, — дрогнувшим голосом прошептал Вепхиа и грустно улыбнулся.

— Это почему же?

Автобус переехал железнодорожное полотно и на территории завода резко затормозил.

— Наша остановка, — сказала Ламара и уже когда они выбрались наружу, повторила свой вопрос:

— Отчего же ты не спал? Не болен, случайно?

— Нет. Я не болен... Это наш мартеновский цех?

— Да.

— Его даже не начали строить, по-моему.

Все внимание Вепхиа привлек сейчас гигантский стальной остов мартена. По балкам и брусьям металлоконструкций, как муравьи, ползали строители. Ослепительно вспыхивало пламя электросварки.

У входа в цех они расстались. Ламара направилась к своему мосткрану. Вепхиа до тех пор не сводил с нее глаз, пока она не скрылась в башенке крана.

Потом, тяжело ступая, медленно открыл дверь дежурки.

За столом сидел молодой черноусый техник. Он держал на коленях развернутый чертеж и объяснял дневное задание десятнику. Рядом стоял, прислонившись к стене, худощавый мужчина с резко очерченным профилем и блестящими глазами.

Вепхиа сразу узнал Арчила и нерешительно приблизился к нему.

— Здравствуй, Арчил, — сказал он, застенчиво улыбаясь.

— Здравствуй, — коротко бросил Арчил, не поворачивая головы, и продолжая следить за распределением нарядов.

— Сегодня во что бы то ни стало должны закончить нижнюю систему водопроводных труб, — говорил десятнику техник, — иначе шагу потом не ступишь.

— Как я кончу, Отар Григорьевич? — жалобно протянул десятник. — Будто вы не знаете: здесь нужны трубы сечением три восьмых. А привезли — пять восьмых. И это бы еще ничего, но муфты и тройники — все на три восьмых. Я же не фокусник.

— А почему ты вчера же не обратился в склад?

— Нет у них, Отар Григорьевич, — беспомощно развел руками десятник. — Разве вы сами не знаете?

— Что они все понапутали, — вмешался в разговор Арчил. — Надо узнать, кто еще получил трубы. Хорошо, это я сам выясню. Ну, а потом? Что у вас дальше?

— Надо закрепить поперечные фермы. Если они не будут готовы завтра... — продолжил техник, посмотрел на десятника и остановился: — Ну, что там еще?

— Не успеем, — нерешительно пробормотал десятник, — вы же сами знаете, Отар Григорьевич, — не успеем. И Арчилу Николаевичу известно, какие у меня рабочие.

— Как это не успеете! — повысил голос техник. — Там же работы всего на два часа!

— Это смотря кто будет работать. Для настоящих рабочих, действительно, дела немного. А у меня, вы ведь знаете, все новички. — Десятник безнадежно махнул рукой и, собираясь уходить, спросил: — Больше ничего?

— Ты сделай то, о чем говорили, — сказал техник и обернулся к Вепхиа. — А вам что?

— Работать пришел, — Вепхиа протянул листок из отдела кадров.

— Работать? — удивился техник. — В чьей ты бригаде? А-а, в первый раз.

— Да. Я — сталевар. Хочу поработать на строительстве.

— Фамилия?

— Халибаури.

— Вепхиа, бичо, это ты? — Арчил шагнул и обнял его за плечи. — Вот не узнал тебя. Как ты изменился. Возмужал. Совсем взрослый стал.

— Его — на монтаж мартена, — приказал он технику, — пусть знает свою печь вдоль и поперек. Так будет лучше, неправда? Пойдем, я тебя отведу.

Они отправились к месту работ. Арчил шел впереди, то ловко перепрыгивая с балки на балку, то балансируя на узенькой кромке ог-

ромных металлических ферм, то пролезая между сплетенных конструкций. Вепхиа спешил следом за ним, нагнув голову, хватаясь за выступы и за трубы. Они вошли в арку, напомилавшую вход в тоннель, и очутились на площадке, где рабочие в брезентовых робах клепали стальные балки пневматическими молотками. Там же стоял передвижной горн, на котором грелись заклепки. Стрекотал бур-перфоратор.

— Привет, Касьян! — обратился Арчил к одному из рабочих с седой, давно не бритой щетиной, которая топорщилась, как у ежа. — Привел тебе помощника. Это наш сталевар. Хочет своими глазами увидеть, как строится его будущая печь.

— Что проку смотреть. Ты скажи лучше, какой он работник, — басом проревел Касьян и с головы до ног оглядел Вепхиа: — Ты кто?

— Хевсур.

— Хе-ев-сур? — удивленно протянул мастер. — Ишь ты. В кузнечном деле что-нибудь понимаешь?

Вепхиа пожал плечами:

— Как не понимаю.

— Вот и отлично. А ну, бери молоток. Ладно, я присмотрю за ним, Арчил Николаевич. Можете не сомневаться.

— Вечером зайди ко мне, — Арчил похлопал Вепхиа по спине. — Поговорим обо всем.

Арчил ушел. А мастер спросил у Вепхиа своим громовым голосом:

— Как твоя фамилия?

— Халибаури.

— Ну, а моя Галогре.

Вепхиа никогда не слышал такой странной фамилии, но не подал вида, молча взял пневматический молоток и приложил к раскаленным заклепкам.

— А это все твои товарищи, — гудел в его ушах бас Касьяна, покрывая рокот перфораторов и стук молотков. — Данила Стрюк, Важа Чинчаладзе, Бондо Джгаркава. Мировые ребята. Особенно, когда спят. А ты дело знаешь. Молодец.

Равномерно гудели и стрекотали буры. Звенел металл. Вспыхивали голубые дуги электросварки. Мелкой дробью трясся в руках пневматический молот.

Голова у Вепхиа гудела; должно быть, от бессонной ночи...

* * *

Зима подкралась незаметно. Долго стояли прозрачные осенние дни, подернутые золотистой дымкой. Потом начались ветры.

Пронзительный ветер, казалось, готов был с корнем вырвать все живое, разрушить и развеять. Он подхватывал крупные камни, швырял их со зловещим воем, сокрушая все на своем пути. Однажды даже опрокинул башенный кран, свалил только что возведенные стены дома, сорвал провода, унес несколько крыш.

Небо заволокло плотными свинцовыми облаками, звезды исчезли, ветер стал порывистым, замелькали крупные пушистые снежинки.

Затем ветер стих, но настоящий снег так и не выпал — степь лежала, точно припудренная, заводские трубы и корпуса стояли слегка припорошенные. Вскоре облака исчезли, показалось чистое голубое небо. Выглянуло солнце, всюду запрыгали веселые солнечные зайчики, и снег растаял.

Пуск мартеновской печи несколько раз откладывался. Сначала решено было открыть мартеновский цех к Новому году. Но заводы-оставщики задержали необходимое оборудование, и пришлось до первого февраля затянуть это дело. Потом пуск мартена перенесли еще на месяц, и лишь в начале марта задули форсунки и приступили к розжигу первой мартеновской печи.

Разогревали ее в течение двух недель. Когда убедились, что все в порядке, загрузили мартен холодным чугуном и ломом. Можно было начинать плавку.

Этого момента с нетерпением ждали молодые сталевары, которые уже в декабре были на месте.

Раньше всех прибыл Астамур Тантиба с полными чемоданами яркоранжевых мандаринов. За ним последовал Симон Алпаидзе со своими соотечественниками. Все — загорелые, обветренные на горном воздухе; нагруженные сыром, топленным маслом, отварной бараниной. Потом появились Бисмарк и Дзики Данелия — оба с молодыми женами, с большими корзинами свежих и сушеных фруктов: Тедо Гаглошвили с мешком сыра и осетинской водкой нового урожая, Ахмед Моцкобили и Джемал Глonti с необыкновенными плодами фейхоа и грейпфрутами, величиной с голову ребенка. Позже всех приехали городские ребята — Эстате, Гайк Евангулов и Чичико Шубитидзе.

Все единодушно решили, что пуск мартена надо отметить. Поэтому к привезенным из деревень продуктам никто не притрагивался. Но дни шли за днями, а открывать цех все не собирались. Постоянное ожидание окончательно истощило терпение. И когда до пуска печи оставались уже считанные дни, выдержки не хватило.

В кабинете начальника мартеновского цеха Ясона Шарашидзе почти каждый день устраивались производственные совещания; комплектовались бригады, разрабатывался график, распределялись дежурства смен, повторялся инструктаж. Все хлопотали и суетились.

Но больше всех волновался и переживал Арчил. Его беспокойство передалось окружающим. Даже такие спокойные люди, как Ясон Шарашидзе и Василий Иванович, потеряли покой.

Арчил поминутно тащил Булатова в цех, где они снова и снова проверяли бесконечные доделки и переделки. Когда же приступили к разогреву печи, Арчил ни на минуту не отходил от мартена и Василия Ивановича не отпускал ни на шаг.

За режимом нагрева печи следили с особой тщательностью — через определенные промежутки времени температуру постепенно и очень равномерно увеличивали на 2—3 градуса, чтобы быстрый разогрев не повредил сырые, еще не просохшие как следует, стены печи.

Всегда сдержанный Ясон Шарашидзе с улыбкой наблюдал за Арчилом, поминутно смотревшим через синее стекло на огонь. Ясон на своем веку перевидел немало заводов, новых и старых, пускал мартены и домны в Кузнецке. Но то, что происходило сейчас, наполняло его душу гордостью и торжеством — скоро польется грузинская сталь!

И Ясон и Арчил не могли без волнения думать об этой минуте. Оба являлись в каждую смену — утром, в полдень, вечером, на рассвете и ночью. Проверяли температурный режим, аппаратуру, завалочную машину, разливочный кран. Беседовали со стоявшими на вахте рабочими.

Ясон даже спал в своем кабинете в цеху. Но Арчил, пожалуй, превзошел его — когда бы ни приходил начальник цеха, всегда, в любое время дня и ночи, он заставлял Санеблидзе у мартена. Молодой инженер

ему нравился. Неподдельный энтузиазм Арчила, его горячее стремление к творческому труду, к созиданию были близки Шарашидзе.

— Ступай домой, — говорил он Арчилу. — Так нельзя.

— А вы? Вы, по-моему, тоже день и ночь здесь. Но когда же, наконец, мы выпустим первую плавку?

— Выпустим, Арчил, не беспокойся. На наш век работы хватит.

Оба, не отрываясь, смотрели на печь, откуда доносился непрерывный оглушительный рокот форсунок.

С воем и свистом плясало и кружилось в печи пламя, словно стремилось вырваться наружу и дотянуться до стоявших вблизи сталеваров. Иногда, когда усиливалась подача газа, огонь раздувался багрово-красным заревом.

Мартеновский цех превратился в место паломничества. С утра до вечера не прекращался поток посетителей — рабочих других цехов, руководителей строительства и завода, секретарей и инструкторов городского комитета партии, корреспондентов газет, фотографов и просто желающих посмотреть на первую плавку.

Завод еще не был огорожен, и посетители могли свободно передвигаться по его территории. Шли и, как замороженные, смотрели на стальные стены цеха, гигантские мостовые краны, изложницы и гудящий мартен.

И все работавшие в цехе, чувствуя на себе внимательные взгляды гостей, испытывали волнение, подобное тому, которое ощущают актеры, выступающие перед многочисленными зрителями. Это приподнятое настроение отражалось на лицах сталеваров, проявлялось в каждом их движении.

Спокойнее всех держались Гига и Вепхиа. Они попали в одну смену с Ахмедом Моцкобили и Тедо Гаглошвили и в продолжение всего дня подвергались яростным атакам фотографов и кинооператоров. От установленных ими в цехе юпитеров шел жар, пожалуй, не меньший, чем в печи. К гулу форсунок прибавился шум прожекторов, стрекот киноаппаратов и повелительные возгласы операторов.

Потом сталеваров стали донимать корреспонденты. Каждому из них хотелось до мельчайших подробностей разузнать биографии молодых мастеров. Ребята должны были обстоятельно рассказывать, как они ехали учиться в Россию, как там учились, а затем возвратились на свой завод и приступили к первой вахте у родного мартена.

Для подобных интервью у ребят был наготове Гига Бежанишвили. Но и ему частенько приходилось жалеть, что в бригаде нет Бисмарка Самсониашвили. Вот кого не утомили бы никакие корреспонденты! Он отвел бы работников прессы туда, где потише, и начал бы:

«С огромным энтузиазмом мы откликнулись на призыв партии дать нашей металлургии квалифицированные кадры и отправились в Россию овладевать мастерством выплавки стали.

С братской помощью великого русского народа изучили это дело и вернулись на родину, чтобы выплавить первую грузинскую сталь.

Моим учителем был Василий Иванович Булатов, который в данное время приехал по нашей просьбе в Грузию на постоянную работу и сейчас руководит подготовкой к пуску мартена, являясь мастером смены».

* * *

Когда Вепхиа обосновался в Рустави и начал работать на монтаже мартена, как-то так все складывалось, что он реже стал встречаться с

Ламарой. Решал ли пригласить в кино или на футбол — всегда непредвиденные обстоятельства мешали увидеть ее. То они работали в разных сменах, то просто не было свободного времени. Ламара сновала взад и вперед на своем мосткране, а Вепхиа без перерыва стучал пневматическим молотом.

Если же они сталкивались, то Ламара сдержанно отвечала на приветствие и сразу начинала говорить с кем-нибудь другим.

Но однажды Вепхиа осторожно дотронулся до ее руки и произнес:

— Ламара!

— Что тебе? — спросила девушка и сдвинула густые брови. Щеки ее горели, а глаза сердито блестели. Откровенная неприязнь, прозвучавшая в ее тоне, так смутила Вепхиа, что он растерялся и не нашелся, что вымолвить.

Несколько долгих секунд не знал — повернуться к ней спиной или выложить все, что его волновало.

— Ничего, — сказал он наконец, — ты сердись на меня?

— Сержусь?

— По-моему, да.

— За что мне на тебя сердиться?

— Не знаю.

— Не знаешь? Тогда и я не знаю.

Повернулась и ушла.

Вепхиа решил, что все кончено. Даже на работе допустил промах — неверно прикрепил железный швеллер — и получил замечание. Вечером с огорчения выпил. Но облегчения не почувствовал. Только тоска усилилась. Ночью долго не мог заснуть и все вспоминал разговор с Ламарой.

Но утром следующего дня, когда он шел на работу, Ламара первая окликнула его. Выглянув из кабины мосткрана, она поздоровалась с ним и приветливо улыбнулась.

Всю смену Вепхиа был сам не свой. Работал за пятерых, но с нетерпением прислушивался к гудку. Когда, наконец, рабочий день кончился, кинулся к мосткрану. Ламара уже ушла. Тогда он отправился к ней домой. Но и там ее не оказалось.

Вепхиа печально поплелся в новый парк на берегу Куры. Монотонно шептались друг с другом деревья с голыми ветвями. Вепхиа почувствовал себя несчастным и одиноким. Ему захотелось встретить хоть одного близкого человека. Но ни одной живой души здесь не было.

Почти две недели Вепхиа не видел Ламару. Пытался забыть ее, отвлечься на работе. Диаграмма его достижений на доске почета быстро поднималась вверх — 110, 120, 130, 140 процентов.

На специальном стенде передовиков был вывешен его увеличенный портрет.

О Вепхиа заговорили. В заводской многотиражке стали часто появляться заметки о нем. Все хвалили молодого хевсура. С ним старались подружиться новые товарищи. Ребята весело поздравляли его, приносили газеты и читали вслух, что про него пишут.

Только Ламара по-прежнему словно ничего не замечала. Поджав губы, с независимым видом проходила мимо.

Поэтому Вепхиа, невзирая на успехи в работе, газетные статьи и похвалы, ходил, как в воду опущенный. Даже приказы начальника строительства Гургенидзе и директора завода Гогебашвили о награждении его ценными подарками не принесли ему радости.

Вепхиа заступил на первую почетную вахту.

Заправку печи начали в три часа ночи и к раннему утру в цех прибыли руководители строительства завода, секретари горкома. Из Тбилиси ждали почетных гостей.

После выпуска первой плавки должен был состояться митинг. На заводском дворе, у стен цеха уже сколачивали трибуну. Кордоны милиции оцепили территорию завода и никого не пропускали без специального разрешения.

Василий Иванович дал последние наставления Гиге Бежанишвили и ушел вздремнуть на часок. Впереди предстоял самый ответственный момент, а он не спал уже вторые сутки.

Гига вместе с Вепхиа, Тедо и Ахмедом еще раз осмотрел печь. Все шло нормально. Мерно гудели форсунки, багровый отблеск пламени дрожал на плитах площадки.

Можно было сделать перекур.

Вепхиа решил воспользоваться свободной минутой и сбегать в столовую — с вечера он ничего не ел.

В столовой ему сразу бросилась в глаза группа женщин. Они сидели за столом и о чем-то горячо спорили. Только Ламара слушала молча.

Вепхиа издали поздоровался с ней. Ламара холодно кивнула ему. Он прошел прямо к буфету, выписал обед, взял хлеб, нож и вилку и уселся в угол. В сторону женщин не смотрел. Глядя в окно, медленно ковырял в тарелке. Обед показался невкусным, аппетита как не бывало.

Когда Вепхиа вышел во двор, увидел — Ламара медленно поднималась по лестнице. Догнал. Она удивленно взглянула на него и посторонилась, чтобы он мог пройти. Но Вепхиа тоже замедлил шаги.

— Сколько раз я все собираюсь сказать тебе, Ламара, — с внезапной для себя смелостью произнес он.

— Сказать? Что сказать? — Ламара вопросительно изогнула брови. Лицо ее помрачнело. Она стояла ступенькой выше Вепхиа и пристально смотрела на него.

— Люблю тебя! — выдохнул Вепхиа, шагнул на следующую ступеньку и заглянул в глаза девушке.

— Любишь? — ледяным тоном переспросила Ламара.

Вепхиа вздрогнул, словно его ударили по лицу. Оскорбленный до глубины души, он хотел пройти мимо, но Ламара вдруг схватила его за воротник, притянула к себе и побелевшими губами прошептала:

— Ведь и я люблю тебя, глупый!

* * *

Вепхиа провел рукой по глазам — все, все вокруг было на месте. Только щеки еще горели, и радость, огромная радость заполнила все его существо.

— Видишь, заработал наш завод, Вепхиа, — и Арчил обнял за плечи молодого хевсура. — Идем, что ты здесь стоишь...

Они вошли в цех, заглянули в отверстие печи, где уже клокотала расплавленная сталь. У пульта управления Вепхиа увидел Ламару. Она что-то со смехом говорила Гиге. Оба смеялись. Прежнее сомнение вновь кольнуло Вепхиа. «Над чем они могут смеяться — подумал он, — не надо мной ли?»

Вооружившись синим стеклом, Вепхиа не отходил от завалочного окна. Крупная испарина покрыла лицо и шею. Стало нечем дышать. Он оглянулся. Ламары нигде не было видно. Гига подал знак пультовщику

поднять щит печи, потом взял лопату и окликнул подручного. Пора было засыпать флюс.

Вепхиа тоже схватил в руки лопату. Они по очереди швыряли в печь мелкие, как колотый сахар, куски известкового камня, кремния и доломита.

Наблюдавших за плавкой становилось все больше. Пришли сталевары других смен, прокатчики, доменщики, строители, даже члены их семей. Все — и взрослые и дети хотели увидеть выпуск первой стали. Но в два часа дня милиция выпроводила всех из помещения цеха, расставила кругом посты и без специального пропуска туда никого не впускала.

В три часа пятьдесят минут экспресс-лаборатория подтвердила анализ — сталь готова, можно начинать выпуск.

— Ну-с, хлопцы, приступим, — объявил Василий Иванович. Сейчас он руководил первым выпуском. У бригады уже все было наготове — металлические пики, трубы для последнего прожига выпускного отверстия, баллоны с кислородом.

На башенный кран взобрался кинооператор и указывал рукой осветителям, куда направить прожектора.

Фотокорреспонденты, вооруженные разнокалиберными камерами на узеньких ремешках, поминутно нацеливались на сталеваров, шелкали импульсными лампами и снимали в любых ракурсах — сидя, стоя, поодиночке, группами, у мартена, у паровоза, во время заправки, с длинной ложкой для взятия пробы, в спецовках, без спецовок. Как требовательные режиссеры на сцене, они безапелляционно командовали: «Улыбнитесь, поднимите голову, повернитесь, грудь вперед, руку в сторону».

И так непрерывно, до изнеможения.

Арчил, отмахиваясь от фотографов, выскакивал во двор взглянуть на трибуну, где тоже заканчивались последние приготовления.

Там уже собирался народ.

Арчил ждал своих. Нико и Марта еще накануне выразили горячее желание присутствовать на торжественном открытии мартеновского цеха. Но теперь почему-то запаздывали. Возможно, их задержали приготовления к праздничному столу. Но так или иначе Арчил волновался. К тому же Маквала оставалась одна с маленьким ребенком.

Издали доносились звуки духового оркестра. Колонны рабочих и служащих шли с развернутыми знаменами и транспарантами. Бежали ребятишки; они держали за ниточки разноцветные шары — красные, желтые, голубые.

На трибуне возле группы работников горкома Арчил заметил круглую фигурку Сепе Базадзе. Он суетливо хлопотал вокруг свежесколоченного помоста, поправлял гирлянды, натягивал красный кумач. Потом, согнувшись в три погибели, подобострастно выслушивал распоряжения секретаря горкома и бросался их выполнять.

Бесшумно подкатывали машины. Шурша крышками, выстраивались на специальной площадке невдалеке от трибуны.

Хлопая дверцами, из машин выходили гости.

Из одной машины вслед за упитанным мужчиной с посеребренными висками и двойным подбородком вышла закутанная в дорожную каракулевую шубу молодая дама в изящных туфельках на очень высоких и тонких каблуках. Кроме красивой внешности, она привлекала внима-

ние еще тем, что выглядела, по крайней мере, лет на двадцать моложе своего спутника.

Арчил узнал Лию...

Он замер, привычным жестом коснувшись волос.

Лия, грациозно изогнувшись, взяла под руку мужа, беззаботно повела вокруг глазами и, хотя очень близко прошла мимо Арчила, сделала вид, будто вовсе его не заметила.

Арчил судорожно затаился папиросой и начал медленно пробираться к входу в цех.

— Нельзя, товарищ!

Милиционер преградил ему дорогу.

— Я — инженер, начальник смены, — сказал Арчил.

— Нельзя! — повторил милиционер.

— Я иду на работу, — возмутился Арчил.

— Покажите пропуск или удостоверение.

У Арчила в кармане не оказалось ни того, ни другого. Меньше всего он думал, что ему тоже понадобится пропуск.

Растаяло и куда-то исчезло радостное праздничное настроение.

Но Арчил отыскал майора милиции, который, вежливо приложив руку к виску, щелкнул каблуками, внимательно выслушал его и распорядился пропустить, четко откозыряв на прощание.

Чем ближе Арчил подходил к цеху, тем медленнее становились его шаги. Подойдя к воротам, он застегнул воротник рубашки и крепко сжал зубами потухшую папиросу.

В глаза ему бросился дощатый помост для гостей, сколоченный над разливочным желобом.

В цеху опять суетились фоторепортеры.

Сквозь замедленный глухой рокот форсунок был ясно слышен методичный треск пневматических молотков. Монтировали вторую печь.

Перед щитом мартена фотокорреспонденты поставили Вепхиа, дали ему в руки длинную железную ложку для взятия пробы. Глаза у Вепхиа были тревожные, хмурые.

— Веселее, Вепхиа, держи голову выше! — крикнул ему Арчил и ободряюще улыбнулся.

Вспыхнули лампы подсветки. Работники кинохроники зажгли прожектора и приготовились к съемке — в цех вошли руководители партии и правительства. Директор завода встретил их и повел к помосту с узенькими перилами, который был сооружен вдоль разливочного желоба.

— Ну, хлопцы, приступим, — сказал Василий Иванович.

Гига взял металлическую пику и стал долбить выпускное отверстие. Ему помогал Ахмед. Когда они устали, их сменили Тедо и Вепхиа.

Увлеченный работой, Вепхиа ни разу не оглянулся. И только, когда пошел за кислородным баллоном, увидел — на мостках, на лестнице, поднимающейся вдоль стены, на кранах, на порожних ковшах и изложницах, на вагонах — везде, где возможно было ступить ногой, от рельс до подкрановых башен и стропил крыши, огромное помещение цеха облепили празднично одетые мужчины и женщины, пионеры в красных галстуках, рабочие-монтажники в спецовках. Все с напряженным вниманием следили за сталеварами.

Когда кислородом прожгли последнюю преграду в толще выпускного отверстия, загудело и полыхнуло синеватое пламя, и вслед за ним,

как сказочное видение, выползла золотистая струйка. Через мгновение с шумом и шипением в ковш хлынул расплавленный металл.

На мостках, у выходов, на площадке за возгласами «ура!» слышались хлопки.

Поток стали увеличивался. Рассыпая искрящиеся созвездия, жидкая сталь лилась и лилась, раздувая пламя.

Аплодисменты грохотали, нарастая волнами, словно невидимый пианист в экстазе пробегал по клавишам.

А сталь все шла и шла. Казалось, ковш, куда она стекала, никогда не наполнится.

Рукоплескания стихли, но радость бурлила по-прежнему. Все поздравляли друг друга, жали руки, обнимались.

Вепхиа, Василий Иванович, Гига, Тедо и Ахмед тоже горячо обнялись. Подбежал Арчил, расцеловал всех в потные лица и каждому шепнул:

— Вечером ко мне, ребята...

Бисмарк вместе с Ахмедом и другими любителями песни затянули «Лети, черная ласточка».

Прибежали девчата — Кето, Зизо, Ламара — и поздравили сталеваров с рождением первой грузинской стали.

Ламара потянула Вепхиа к трубопроводу печи, где никого не было, и шепнула на ухо:

— Помиримся, да?

Вепхиа посмотрел на нее с недоумением. Ламара встретила его взгляд улыбкой. Спросила:

— Так, значит, ты не обижен на меня?

— Нет. — Вепхиа был чуть растерян.

— Совсем нет?

— Нет.

Ламара засмеялась, обхватила Вепхиа обеими руками за шею, и прижалась к губам.

Вепхиа вздрогнул и испуганно оглянулся.

— Сегодня я приглашен к Арчилу, — спустя некоторое время произнес Вепхиа.

— Я тоже.

— Придешь?

— Да, конечно.

Ламара повернулась и убежала. А он смотрел ей вслед и улыбался. Она светила ему, как солнышко, вон как то солнце, которое сейчас склонялось к Тбилиси и озаряло цех теплыми золотистыми лучами.

Снизу доносилась музыка. Духовой оркестр играл Гимн Советской Грузии.

Иосиф Нонешвили

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

К Р Ы Л Ь Я

Перевод с грузинского А. Межирова

Старый мир обрекая на слом,
Революция била крылом,
Стены Зимнего грозно шатала,
Но ему в ту осеннюю ночь
Не смогли, не сумели помочь
Все на свете дворцы капитала.

Поколенья свои окрылив,
Революция шла на прорыв
Ледяной и голодной блокады.
А когда-то, уставясь во мрак,
Мог уверовать в крылья бедняк
Лишь при свете церковной лампы.

Крылья громкой эпохи пою.
Обретенные в правом бою,
Эти крылья потомкам в наследье
Революция передает,
Чтобы не прерывался полет —
Наш полет — от победы к победе.

Ну, а тот, кто сегодня бескрыл, —
Опустился, отстал и остыл,
И сквозь сон позывных не услышал,
И остался в хвосте у комет,
И своих не оставил примет,
На орбиту эпохи не вышел.

Человеческий разум крылат —
И поэтому к звездам летят
Звезды жизни и спутники мира.
В млечный сумрак, в космический дым
Необъятным крылом молодым
Наша мысль окрыленная взмыла.

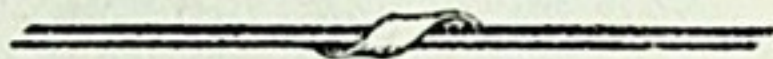

Не понимаешь —
язык Бесики¹   что с тобой поделаю! —
и язык Шота².

Когда-нибудь
пошлю тебе я с надписью
стихи мои о страсти и борьбе,
где вязью,
так тебе и непонятною,
написаны послания к тебе.

Ты полистаешь,
улыбнешься вымученно,
уже совсем не та,
совсем не та,
и пожалеешь вдруг,
что ты не выучила
язык Бесики
и язык Шота.

---

¹ Бесики Габашвили — выдающийся грузинский поэт XVIII века.

² Шота Руставели — великий грузинский поэт XII века, автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

Отар Деметрашвили

Красные яблоки

Перевод с грузинского Р. Микадзе

Честно говоря, бабушка Пело не могла обижаться на своих соседей. Все они были хорошие люди: и Гулишашвили и Барбакадзе. По совести, и про семью Каджая она не могла сказать ничего дурного. Но своей ближайшей соседкой старушка была не совсем довольна. Повздорили они с тетей Нато из-за пустяка: не по душе, мол, мне твой жилец, заявила однажды тетя Нато, да еще добавила: к нему столько народу ходит, что никому покоя нет.

Все знают: бабушка Пело не охотница много разговаривать. Да и с тетей Нато не стала бы она препираться. Одно только хотелось высказать старушке: она и сама не лыком шита, дожила, слава богу, до таких лет, что как-нибудь сама сумеет отличить хорошее от плохого. Бабушка Пело никогда не ошибается в людях!

Сердце бабушки Пело не так просто пленить. Ее не купишь тем, что утром сбегаешь за хлебом и керосином, или семь потов прольешь, пока расколешь сучковатые коряги для ее печи, или если тебе срочно понадобится сходить на базар именно тогда, когда у бабушки Пело не хватает зелени для заправки соуса.

Нет, бабушке Пело ее жилец нравится больше потому, что человек он серьезный, скромный и деловой.

В свободное время Гиго всегда готов выслушать пространные рассуждения бабушки Пело о том, как готовятся бадриджаны в ореховом соку или настойка из бузины. С самым заинтересованным видом внимает он объяснениям сложной процедуры, необходимой для приготовления ванильного печенья и миндального рулета. Иногда они и о политике беседуют.

Поздно вечером Гиго снова влезает в свою комнату и допоздна сидит, уткнувшись в книги.

В одном права тетя Нато — за последнее время товарищи действительно зачастили к Гиго. В маленькую комнату, где раньше помещалась кладовка и где сейчас живет Гиго, чуть ли не каждый день собирается много молодежи. Сперва они стараются разговаривать вполголоса. «Тише!» — предупреждают они друг друга, но постепенно расплаются и под конец, уже охрипнув, долго кричат о каком-то Рахметове или Гобсеке. Перебивая друг друга, они без конца спорят о вещах,

в которых бабушка Пело, как ни старается, все же ничего не может понять.

Утром, выбрасывая груды окурков с черепка разбитой тарелки, Гиго смущенно говорит хлопчущей на балконе бабушке Пело:

— Вчера мы немного забылись и, должно быть, не дали вам уснуть.

К чему старушке эти извинения, пусть лучше перед тетей Нато извиняются. Молодые ведь они, пошли им господь здоровья и радости, не станет же она мешать им собираться и разговаривать.

Некоторые живут нелюдимо, как бирюки. Она сама знает таких... А к радушному, открытому человеку, всегда тянутся близкие и друзья.

Некоторые только и знают, что ворчат: ходят, мол, всякие... Уж если на то пошло, разве к бабушке Пело не ходят родственники и знакомые? Пусть только попробуют попрекнуть ее этим! Нет, милые, с бабушкой Пело это не пройдет. А бедного мальчика можно безнаказанно поносить, раз он не шалопай и не нахал, как непутевые сыночки некоторых других...

Но пусть все знают: она пять лет, как о родном сыне, заботилась о Гиго, и никому его в обиду не даст.

Каждую субботу после обеда у бабушки Пело действительно собираются гости. Приходят, опираясь на палки, седые сморщенные старушки: Анна Петровна и Софья Егоровна, толстая тетя Тебро и ее невестка Елена.

Гости степенно рассаживаются, заводят разговоры, рассуждают о том, о сем. Потом бабушка Пело, как бы невзначай, учтиво осведомляется:

— А не начать ли нам?

— Отчего же, начнем, — охотно соглашаются старушки. Гиго хорошо слышно за тонкой перегородкой, как начинается оживленная игра в лото.

После лото бабушка Пело готовит чай. Хлопотливо накрывает на стол, потчует гостей. Потом начинается нескончаемый спор по поводу того, что Анна Петровна не хочет пить чай внакладку, а предпочитает вприкуску, бабушка же Пело упорно требует, чтобы гостя положила сахар в чашку. Обыкновенно спор кончается тем, что Анна Петровна сдается и, шумно прихлебывая, пьет сладкий чай, посасывая заранее заготовленные мелкие кусочки сахара.

Гости хвалят искусство хозяйки, и Гиго знает, что ему в сотый раз придется услышать объяснения старушки, как готовится ее яблочный пирог и рулет с миндалем. Ему известно и то, что Софья Егоровна любит крепкий чай, а толстая тетя Тебро — слабый, и что невестка тети Тебро никогда не пьет больше одного стакана.

Старушки попивают чай. Мирно журчит их беседа. Иногда бабушка Пело понижает голос до шепота, и Гиго знает, что сейчас разговор идет о нем и что старушка плохого о нем не скажет.

Да и почему бы ей плохо говорить о Гиго? Бабушка Пело, хоть и строгий, но справедливый человек. Вот уже пятый год живут они под одной кровлей, и за это время ни малейшей обиды не может она припомнить от Гиго.

Она ясно, будто это было вчера, видит, как к ее порогу подошел с деревянным чемоданом в руке высокий юноша в сатиновой рубашке. Словно ребенок, покраснел этот здоровенный парень, передавая старушке письмо. Гиго с первого же взгляда понравился бабушке Пело. Если бы не это, кто знает, может, ее не тронуло бы, что мальчик рос сиротой,

не обратила бы она внимания и на то, что за него просил ее дальний родственник.

«Гиго хороший парень, приюти его на месяц, пока закончатся вступительные экзамены, а потом он уйдет», — было сказано в письме.

Но месяц шел за месяцем, а они так привыкли друг к другу, что и не думали расставаться.

Жилец бабушки Пело не любил шататься по улицам, зубоскалить и дурачиться со сверстниками. Не по возрасту сдержанный, угрюмый и малоразговорчивый, он не легко сближался с товарищами.

— Еще не успел обтесаться в городе, — судачила о нем тетя Нато. — Погодите, дайте срок, милые, хлебнет он городской воды — тогда и увидим, что это за птица!

Но, и «хлебнув городской воды», Гиго оставался по-прежнему серьезным и сдержанным. Экзамены он сдал отлично и заслужил любовь и уважение соседей.

Первое время товарищи не часто посещали Гиго. Лишь изредка забежит к нему кто-либо из односельчан и, вместе с мукой и фасолью, принесет записку от воспитавшей его тети.

Только с одним городским юношей с самого же начала сблизился Гиго, и бабушка Пело никак не могла понять, что у них общего. Характеры их были совершенно противоположны и учились они в разных институтах. К тому же Гела был на три года старше Гиго.

Не проходило дня, чтобы Гела хоть на часок не забежал к товарищу: поговорить, поспорить. Вечно они спорили друг с другом, и все же не могли обойтись один без другого.

Рядом с широкоплечим, крепким, как дуб, Гиго маленький, щедушный, вечно растрепанный и взбудораженный Гела выглядел действительно смешно.

Гиго улыбался с добродушием богатыря, неторопливо отводил беспокойные руки Гела, которыми тот, в пылу спора, размахивал перед самым носом товарища, невозмутимо покуривал папиросу и тихим голосом доказывал свое.

Дивилась бабушка Пело, глядя на них. Гиго — будущий агроном — в спорах о книгах ни в чем не уступал будущему литератору Гела. Когда он успел набраться таких знаний, совсем недавно приехав из деревни?

Бабушка Пело наблюдала за своим жильцом. Однажды она увидела на его столе небольшие русские книги. Вскоре там появились и толстые книги в солидных переплетах. Однажды бабушка Пело долго с недоумением вертела в руках небольшую книжку, пока, наконец, поняла, что книжка написана на неизвестном ей языке.

— Сынок, как же ты один учишься чужому языку? — поинтересовалась она.

Почему этот мальчик так ей полюбился, почему она так радуется всякому его успеху? Господь не сохранил ей единственного сына и ее материнское чувство искало выхода? Может, потому вся ее любовь излилась на этого сироту. У нее сердце обливается кровью, когда она подумает, что Гиго должен покинуть ее. Окончит в этом году учение и уедет, улетит от нее. Ведь он сам сказал: если не поеду на целину, уеду к себе в село — и тете помогу, и колхозу пригожусь. Не забуду вас, говорит, никогда; когда буду в городе, обязательно зайду к вам, а летом вы ко мне в деревню приезжайте.

Может быть, он, и правда, не забудет бабушку Пело? Может, будет вспоминать ее? Ведь она, по мере сил, старалась делать ему добро. Нет,

она вовсе не думает попрекать его этим, но все же немало забот и труда пришлось положить на этого мальчика. Может, он вспомнит, как, несмотря на его протесты, она стирает его носки и рубашки. Вероятно, Гиго не забудет, как в прошлом году старушка осталась без айвового варенья. В институте мальчику выдали пособие, и он решил купить себе пальто, но денег не хватило. Что же оставалось делать бабушке Пело: извлекла припрятанные в тюфяке деньги на варенье. Конечно, она не сказала Гиго, для чего предназначалась эта сумма. Только много позднее, как-то к слову пришлось, и старушка нечаянно выдала свою тайну.

Нет, она уверена в нем — Гиго умеет видеть и ценить добро, он никогда не забудет бабушку Пело.

...Однажды произошло нечто такое, чего за все пять лет не видела бабушка Пело. Кончив пить чай, она вышла на балкон. По лестнице взбежала худенькая, по-мальчишески остриженная девушка. Не обращая внимания на любопытные взгляды соседей, она, кокетливо поводя плечами и стуча каблучками, прошла мимо комнаты тети Нато и бабушки Пело и остановилась прямо перед дверью Гиго. Бабушка Пело услышала, как тетя Нато проворчала: «Только этого нам не хватало!». Потом ей бросилось в глаза зардевшееся лицо ее жильца, в замешательстве стоявшего в открытых дверях. Она успела заметить, что и гостя почему-то не могла поднять глаз на Гиго. Однако смущение девушки длилось всего несколько секунд, потом, быстро справившись с собой, она непринужденно оперлась на руку Гиго, наклонилась, проворно скинула боты и, прежде чем войти в комнату, звонким голосом, смеясь, проговорила:

— Вот я и заявила к тебе. Гела сказал, что нужно постучаться в третью дверь.

Бабушка Пело не могла придти в себя от неожиданности и, чтобы унять волнение, то хваталась за веник, то ворчала на кошку, с мяуканьем путавшуюся под ногами.

Потом вдруг рассердилась на себя: «Что это я на старости лет завертелась, как ветреная девчонка?!» И все же никак не могла совладеть с собой — любопытство одолевало. Не в силах устоять против искушения, старушка взяла на душу грех: зачем-то нацепив на нос очки, она торопливо прильнула к тонкой перегородке...

В комнате занимались. Девушка негромко читала и время от времени, прерывая чтение, о чем-то спрашивала Гиго. Потом они устроили перерыв и стали говорить о таких вещах, что бабушка Пело даже руками развела. До ее слуха донеслись рассуждения о спелых колосьях пшеницы, о птенцах скворцов...

На прощанье девушка поблагодарила Гиго:

— Как бы я стала заниматься без твоих конспектов, — между прочим, заметила она.

Она пришла и на второй, и на третий день, а потом исчезла. Исчезнуть-то исчезла, но след после себя оставила.

Разве что укроется от любящего сердца и от глаз бабушки Пело?! Гиго, как всегда, был серьезный и сдержанный, в свободное время он по-прежнему беседовал с бабушкой Пело и с соседями, ходил в кино и продолжал упорно заниматься. Но разве когда-нибудь раньше он выкуривал за день больше одной пачки папирос? Или разве он прежде писал любовные стихи? И когда это бывало, чтобы он ходил в полночь взад и вперед по комнате?!

Бабушка Пело как-то улучила минуту и поговорила по душам с

Гела. Она заклинала его без утайки рассказать ей, как матери, все, что он знает о Гиге и этой девушке. Но уж лучше бы он вовсе ничего не рассказывал. Гела давно знает Медико. Гиге ничего не скрыл от друга и признался, что эта девушка ему дороже жизни...

— Но вся беда в том, бабушка Пело, — шепотом говорил Гела, — что до Гиге дошли слухи, будто Медико, впервые увидев его, смеясь, сказала, что из него может получиться хороший мясник. Вот почему за все пять лет совместной учебы Гиге не сказал ей ни слова о своем чувстве.

Теперь-то бабушка Пело многое поняла, и сердце ее сжалось от боли, тяжелые думы охватили старушку. Парень тает на глазах. Что делать бабушке Пело, куда кинуться, где искать выход из столь затруднительного положения? Гиге она ничего не может сказать, не может утешить... Знает его характер — застыдится, покраснеет, как малый ребенок, и еще больше станет мучиться оттого, что его тайна открылась.

Может быть, ей вместе с Гелой сходить и повидать Медико? Повидать и сказать бессердечной девушке, что у этого угрюмого и тихого парня золотое сердце, что он способен на большую и красивую любовь...

Зимние экзамены Гиге сдал, как всегда, на пятерки. После долгого затворничества юноша наконец-то вырвался на свежий воздух. Два дня подряд он вместе с товарищами поднимался на фуникулер и ходил на лыжах. Потом объявил бабушке Пело, что на днях собирается проведать тетку.

Старушка своими руками уложила все, что Гиге нужно было взять с собой: галеты и мятные конфеты, купленный на стипендию для тети темный кашемировый платок, кроме того, купорос и большие гвозди.

Бабушка Пело так и сияла от радости. «Уедет он, погуляет по родным местам и развеется», — думала про себя старушка.

В тот день Гиге вернулся домой весь взмокший. Ему нездоровилось. Вместе с ним пришел и Гела. Бабушка Пело с Гелой окружили Гиге заботой: уложили, тепло укрыли, завязали ему голову платком, положили к ногам грелки. Старушка заварила малиновый чай и заставила больного выпить. Но ничего не помогло — Гиге дрожал, как в лихорадке. К вечеру поднялся жар.

— Начинается воспаление легких, — констатировал вызванный врач.

Гела без устали целый день гонял по городу: вызывал врача, бегал на базар за мацони, в аптеку — за лекарством; откуда-то приволок по поручению бабушки Пело завернутый в газету кирпич...

Запыхавшийся и встревоженный, он высыпал из карманов порошки и пилюли и вопросительно глядел на бабушку Пело, как бы спрашивая: «Куда еще сбегать?» — и не дослушав до конца ее поручения, срывался с места и снова куда-то мчался.

Было около десяти часов вечера, когда Гиге, как раскапризничавшийся ребенок, пристал к Гелой, чтобы тот шел на вокзал... Утром они встретили Медико. Девушка возвращалась с городской станции, где она взяла билет на вечерний поезд, чтобы поехать домой и провести каникулы с родителями в Гурии. Друзья обещали придти к поезду проводить ее и заодно принести книгу, которую Медико просила у Гиге.

— Если так, надо идти, сынок, нельзя заставлять девушку ждать, — ласково сказала бабушка Пело.

Не хотелось Гелой оставлять больного товарища, но делать было нечего. «Скоро вернусь», — буркнул он, сунул под мышку книгу Джавахишвили «Арсен из Марабды» и поплелся на вокзал.

Гиго метался, беспокойно ворочался с боку на бок. Бабушка Пело сидела у его изголовья и клала ему на лоб укусовые компрессы. До назначенного укола оставалось еще порядочно времени, но старушка все же нервничала и в душе осуждала медсестру. «Ничего бы с ней не случилось, если бы пришла немного пораньше», — думала она.

Шум во дворе прервал ее мысли. Она вышла на балкон и выглянула. У ворот остановилось такси. Из такси выскочила Медико и быстро взбежала по лестнице. Перед дверью Гиго она приостановилась — казалось, хотела унять подступившее к горлу волнение.

Сейчас у двери стояла застенчивая, нежная девушка, а не та сумасбродная девчонка, которую бабушка Пело видела недели две назад. Наконец, она решилась войти.

И бабушка Пело — к чему скрывать — опять взяла на душу грех...

Некоторое время старушка ничего не слышала, потом с трудом разобрала сказанное шепотом: «Медико?!».

— Да, это я, — робко ответила девушка. — Я... когда узнала... Да, правда... знаешь, что я тебе принесла?! Красные яблоки... Мы с Гела купили их тебе. Ну-ка, попробуй... я...

И счастливая бабушка Пело узловатым пальцем смахнула слезу. Вероятно, Гиго в своей жизни видел немало красных яблок, но старушка поняла, что такие красивые, такие вкусные, такие сладкие и румяные яблоки он видит в первый раз.

Владимир Минач

На распутье

Перевод со словацкого И. Черкасова

Редкий туман поднимается и исчезает. Только в долинах Дедова остаются забытые клочья. Солнце еще не взошло, но чувствуется, что оно готовится к прыжку, чтобы выскочить над Дедовым.

Двор Шиндльера полуосвещен и печален. Его окутывает туманный полумрак, и предметы обладают какими-то мягкими, неопределенными очертаниями: их можно видеть лучше или хуже, но не такими, какие они на самом деле.

Понемногу светлеет, но все вокруг остается печально, безрадостно. Это не просто двор бедного хозяина. Тут к бедности присоединяется что-то еще более страшное: на всем чувствуется зловещая печать разрушения. Штукатурка на избе, некогда белая, теперь в пятнах — запачкана навозом, грязью, сажей, во многих местах потрескалась, оголяя остов дома из старых затвердевших, как камень, бревен. Конюшня подперта двумя столбами; солома, которой покрыт амбар, уже давно гниет, и крыша прогнулась, надломилась посередине; она выглядит, как просительница, которая будто говорит: «Будьте милостивы к бедной!».

Палё, в последний раз кинув навоз на телегу, рассеянно утрамбовывает его вилами, чтобы не рассыпался по дороге.

Старый Шиндляр выводит из конюшни кобылку. Кобылка старая, худая, но хорошо вычесана, прибрана. Старый Шиндляр на минуту зажмурил глаза — в конюшне было темно — посмотрел на телегу, на Палё, кивнул головой.

— Ты поторопись, — сказал он, запрягая. — Но!.. С утра надо проворно браться за работу. Дело не ждет. Если с утра не примешься за дело, целый день потом все валится из рук.

Ждет, не отзовется ли Палё. А тот молча берет в руки вожжи и кнут. Старик похлопывает кобылку по худым бедрам.

— Но!.. Гануля, за работу...

Кобылу, не знаю почему, зовут Ганулей. Она известна в деревне, и не только в деревне, но и во всей округе своей старостью и своим именем. Сорванцы сложили о ней стишок и выкрикивают его, как только Гануля появляется на улице:

Гануля, кобыла,
Ты идти не в силах,
Когда была моложе,
Ты была пригожей.

Сейчас сорванцы еще спят. Гануля, напрягая силы, тащит телегу на холм, в конце деревни. Оба Шиндльера вынуждены подпирать телегу, чтобы помочь Гануле. Старик запыхался, на холме он останавливается, глубоко вздыхает, хватаясь руками за поясницу.

— Постарели мы, Гануля,—говорит он со вздохом,—чем больше стареем, тем больше сил теряем.

Потом он спешит за телегой, будто хочет продолжить разговор с Ганулей. Но Палё знает, что он хочет говорить с ним, с сыном, и старик понимает, что Палё знает это.

— И действительно, ничего не поделаешь, уж так заведено на этом свете: годы прибывают — силы убывают. Еще пару годков назад каким я был? А теперь меня к земле тянет, дыханье захватывает.

Палё оглядывается назад, на отца и уныло отворачивается. В его взгляде заметно пренебрежение: причитайте, причитайте, посмотрим, что вы напричитаете. Сами во всем виноваты, всю беду сами себе на голову валите. И если бы только на свою!

Но вот над Дедовым показалось солнце. Белые березы у дороги засверкали, будто кто-то сорвал с них плащ. Все Дедово — золотисто-коричневого цвета от солнца и осенних листьев. С дороги над деревней далеко-далеко видны горы, альпийские луга, долины с дорожками, косягор с белыми домами. Все это — воздух, солнце — рождает чувство покоя и чистоты.

— Погляди-ка на него, — старый Шиндляр показывает на солнце, будто кто его нарисовал. А гору — ну всю золотом полили.

Палё уже не может сдержаться:

— Болтаете без толку, всегда только болтаете.

Он повернул голову к отцу и со злостью хлестнул коня.

— Перестаньте болтать!..

Старый Шиндляр останавливается, растерянно смотрит на сына:

— Я?.. Я? — говорит он вполголоса, пристально глядя на широкие плечи удаляющегося Палё. Жалостливо шмыгает носом, трет рукой переносицу. У него в голове появляются какие-то обрывки мыслей, он соединяет их, и из них возникает образ Палё, его сына, и этот образ представляется ему совсем другим, не таким, к какому он привык.

Старик опять тащится за телегой, но из головы у него не выходит этот новый образ Палё. Шиндляр беззвучно шевелит губами, споря с этим новым образом. «Ведь это действительно так,—думает он про себя. — Закон жизни... Птенец улетает из гнезда, крылья у него выросли, но... куда тебе улетать, когда тут такое раздолье! Нет, не может быть такого закона жизни. Для нас, крестьян, закон жизни — земля. Земля, земля...»

И он вспоминает своего отца — тот всю свою жизнь бился за клочок земли и тяжело умирал — три месяца лежал без сил, как Лазарь, и только глаза в нем жили; три месяца, каждый день звал отец к постели его, старшего сына, и повторял ему одно и то же: «Землей дорожи, сын мой! От земли идет наша сила крестьянская, и наша душа в ней закопана. Оторвешься от земли — погибнешь, и душа у тебя погибнет. Без земли ты, как груша-гнилушка, малейший ветерок ее сдувает. Ничтожным, которые без земли, только ад открыт, тем же, которые землю чтили, раскроет господь-бог наш все милостивейший врата в царствие свое, куши райские...»

Он, старый Шиндляр, собственно, никогда порядком не думал ни о земле, ни о небе, не был таким, как его отец, который упорно копил мудрость и имущество (мудрости собрал много, а земли и богатства — ма-

ло). Жил так, как завещал ему отец, — любил работу, смирение и покой, не терпел сложностей и перемен. У него не было ни того высокого полета мысли и фантазии, ни той сильной любви к земле, что у отца. Он держался земли, потому что был убежден, что иначе жить нельзя.

Когда старший Шиндляр дошел в своих мыслях до сыновнего уважения, он невольно поднял голову и посмотрел на Палё. Волей-неволей он возвращался к Палё, хотя еще не осознал, а только чувствовал, что Палё — это его мучение, его судьба. От него, от сына, зависело, крепка ли будет почва под ногами Шиндлара, вся его жизнь. Он уже давно заметил в Палё беспокойство, холодность, раздражительность. Но думал: села ему муха на нос, как села, так и улетит; а она не улетает, их уже много, этих мух, и все они жужжат у Палё в голове, и старый Шиндляр сильно обеспокоен этим жужжанием.

«Э-э, э-э... если бы только меня обошли эти мучения!» — вздыхает он. Старый Шиндляр хотел бы еще раз поговорить с Палё, чтобы услышать его голос, отогнать неприятные мысли. Но ему не хочется навязываться младшему, да и чувствует он, что это было бы напрасно.

Так и идут молча: впереди — нахмуренный сын, сзади — измученный отец. Только Гануля ни о чем не знает, ничего не чувствует, спокойно тянет телегу, наклоняя на каждом шагу голову, будто сама с собой в чем-то соглашается.

Перед Мочарой их обгоняет трактор с прицепом. На тракторе Лойза Матейех, как всегда, растрепанный, чумазый, и в улыбке блещут белые зубы.

«И чего он всегда смеется?» — с неудовольствием думает Палё, отвечая ему на приветствие.

На прицепе везут кирпич на кооперативную конюшню. На куче кирпича сидят председатель кооператива, батя Шпелько, и дочери Мачая.

Батя Шпелько машет старику шапкой. Младшая из дочерей Мачая, Маргарита, приподнялась и закричала, как раз, когда они проезжали мимо Палё.

— Гануля, тебе тяжело... Прыгай сюда, мы тебя подвезем...

На прицепе засмеялись.

Палё с яростью стиснул в руках кнут. Если бы он мог побежать за трактором и перевернуть его в канаву! О, если бы он мог!

«Все смеются, и хуже всего, что они правы. Позор, какой позор так жить». И изо дня в день в Палё растет чувство стыда за такую бесцельную жизнь. И чем больше Палё размышляет об этом, тем чаще и чаще ему становится не по себе. Горше всего сознание, что всему виной он сам, его бессилие перед отцовскими предрассудками, слабая воля, нерешительность.

«Не буду... не буду дальше так жить», — стискивает он зубы, и это решение оседает у него в сознании, как что-то тяжелое и окончательное.

— Что ты говоришь? — спрашивает старый Шиндляр, с надеждой глядя на Палё.

Палё не обращает внимания на отца. Он сильно тянет Ганулю за узду.

— Я тебя... Гей! — кричит он со злобой.

Они спускаются с дороги в поле. Им надо перебраться через довольно глубокий овраг, иначе придется обходить кругом.

Гануля неловко перебирает ногами, телега трещит, наклоняется, Гануля делает неверный шаг, увлекает за собой Палё, телега наклоняется еще больше и... тихо, беззвучно переворачивается. Гануля падает на передние ноги, но тотчас встает.

Старый Шиндляр подбегает к рассыпанному навозу и заламывает руки.

— Ой-ой-ой, господи! — охает он. — С утра я знал: что-то случится. Всю ночь мне чудились перины — целые горы перин лежали у меня на груди, душили меня, — а когда снятся перины, лучше уж не браться за работу: ничего из этого не выйдет, быть несчастью.

Он осматривает телегу, поправляет доски и всплескивает руками.

— Эх, ну и дела... Горе горькое... Заднюю ось сломало. Я же тебе говорил: не клади столько, телега старая, дерево все прогнило, — обращается он к Палё.

Палё вымазался в навозе, чистится. При последних словах отца он поднимает голову. Лицо у него красное от злости.

— Вот тебе и раз, — печально говорит старый Шиндляр. — Теперь придется на плечах выносить.

Палё, схватившись рукой за край телеги, нагибается к старику, все еще осматривающему телегу, и кричит ему почти в самое ухо:

— Не буду!

Старик поднимает голову, растерянно моргает глазами.

— Не буду... Понимаете?!

У Палё от волнения дрожит голос.

Старый Шиндляр в замешательстве потирает переносицу:

— Ведь я уже... Чего ты так кричишь?..

— Оттого кричу, что не буду... Понимаете?! Оттого кричу, что это конец... Понимаете?! Я не буду больше так жить, не буду, хоть тысячу раз меня прокляните, хоть подо мной земля провалится, не буду, не буду!.. Я молод, я хочу жить, а так я ни жив, ни мертв, погребен под этими вашими законами, под этим вашим наследством, понимаете?!

Палё говорит сначала с яростью, отрывисто; злость, которая долго накоплялась, стремительно вырывается. Но потом, успокаиваясь, он переходит на обычный тон, объясняет, и в его голосе слышится жалость к отцу.

— Поймите, как можно так жить?! Это Гануля может так, а я — не могу! Не могу и не буду, в этом я вам клянусь!.. Теперь другие времена! Я вам это говорю, отец, а вы подумайте, что и как...

Старик сидит на перевернутой телеге, смотрит на Палё, глаз с него не спускает. Он уже чувствует, что Палё решился раз и навсегда, что ничего нельзя вернуть, но боится этому верить.

— Но... ведь грешно, сын мой, от наследства своего уходить, землю оставлять... Ведь твой дед в гробу перевернулся бы, если бы услышал про такое сумасбродство...

— Грех... Какой же это грех? Вы только посмотрите на себя, отец, зачем и как вы жили?

Старик опускает голову. Он долго ищет ответа, который убедил бы и сына, и его самого, но ему ничего не приходит на ум. Он перебирает в памяти страницы прошлого, но все они печальны: отец на смертном одре, жена, к которой, как он сам говорит, «душа только спать ходит», три мертвых ребенка; работа, работа и работа, костел, адвокат, судебный исполнитель — из-за него лучшую землю на Прелогге вынужден был в тридцать четвертом продать. Ему становится жутко. Что-то незаметно подступает к горлу.

— Зачем?.. — спрашивает он, заикаясь, и вдруг со злостью обращается к Палё:

— Что ты у меня выпытываешь? Или я уж так плохо жил? Безбож-

ник был? Всю жизнь в работе, наследство тебе сохранил, веру ува- жал...

Палё жалко отца, но он неумолимо повторяет:

— Зачем все это, отец?

Старик уже всерьез рассержен, он в гневе. Но это бессильный гнев.

— Зачем?! Для тебя я бился, душу губил! Для тебя — для кого же еще? А ты теперь вот как?! Благодарить бы тебе меня, руки, ноги целовать. А ты — зачем?!

Палё лишь пожимает плечами.

— Я вам все сказал по правде, как это сердцем чувствую. Но вижу, не понимаете вы меня. Я пойду, отец. — Палё говорит и старается не смотреть на отца, сгорбленного, сидящего на перевернутой телеге. — Пойду и не вернусь, пока не будет иначе. В мире много работы, — другой, более красивой, которая радует сердце... Давайте вступим в кооператив, или меня здесь больше не увидите. Когда решите, напишите мне. Адрес я вам пришлю...

Он посмотрел на Ганулю, на отца и отвернулся. Старик не смотрел на него, но чувствовал каждое его движение.

Палё медленно переходил через овраг. Он жалел старика, ему хотелось вернуться и сказать отцу доброе слово. Но тогда все могло остаться по старому.

Дойдя до дороги, Палё обернулся. Старик все еще сидел в прежней позе. Палё закричал ему:

— Как бы тяжело у меня не было на сердце, я не могу иначе. Я не могу больше так жить, отец!

С минуту подождал, не отзовется ли старик. Но старик будто окаменел.

Палё уходил по белой дороге к деревне. Старик сидел сгорбленный, одинокий. Гнев на сына уже прошел, но острое чувство жалости не покидало его. Жалости к чему? Старый Шиндляр этого не знал, он лишь чувствовал, как жалость сжимала ему горло, чувствовал, как что-то горячее жжет ему глаза. Старый Шиндляр плачет. Он с досадой вытирает первую слезу, но потом поддается своему горю и громко рыдает.

Гануля наклоняется над ним и дышит в лицо, будто хочет утешить.

Старик вытирает слезы и оглядывается. Палё уже далеко, у первых домов деревни. Старик гладит Ганулю по морде:

— Вот мы и одни, Гануля. Одни мы остались... Видишь? — он говорит с Ганулей, и в голосе у него дрожат слезы. Затем он встает, берет в руки вилы, смотрит на рассыпанный навоз. Но не принимается за работу, а стоит, опершись на вилы, и с болью повторяет:

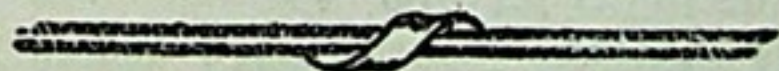
— Зачем?

Вдруг ему приходит в голову мысль, от которой его бросает в жар:

«А что, если действительно... вступить?»

Он даже присел, так его удивила эта мысль. Старый Шиндляр сидит и трет переносицу. «А что, если?... Ведь это действительно мученье — такая жизнь?!»

Трактор с прицепом возвращается пустым. Тракторист кивает ему, а он снимает старую, вылинявшую шапку и с достоинством отвечает. Старый Шиндляр смотрит вслед трактору с уважением и кивает головой. «А что, если?...»

Серги Чилая

Народный поэт

Георгий Леонидзе справедливо снискал себе имя выдающегося поэта не только в Грузии, но и во всей нашей многонациональной стране. Социалистическая действительность, полная героических дел и подвигов, дала широкий простор поэтическому таланту Леонидзе. Первоклассный мастер, он является поэтом советской эпохи, истинным художником обновленной и возрожденной жизни. В юбилейном приветствии правления Союза писателей СССР, адресованном Георгию Леонидзе в связи с его пятидесятилетием, он справедливо был назван одним из основоположников советской литературы.

Первое стихотворение Г. Леонидзе было опубликовано в 1911 году в журнале «Синатле» («Свет»). Вслед за этим на страницах грузинских журналов появляется уже цикл его стихотворений. В этих первых литературных опытах проявились его поэтический вкус и оригинальная манера письма.

Формирование Г. Леонидзе, как поэта, совпало с годами первой мировой войны и столыпинской реакции. Эта мрачная эпоха, породившая в грузинской литературе буржуазно-декадентские течения, наложила свой отпечаток и на раннее творчество Леонидзе. Но даже в этот период поэт оставался духовно связанным с традициями родной классической поэзии. Основная тема грузинской литературы прошлого столетия определялась мотивами национально-освободительной борьбы, которые нашли своеобразное отображение и в стихах Г. Леонидзе. Свое первое стихотворение он посвятил древней столице Грузии — Мцхета, ясно выразив в нем свои патриотические чувства. Во многих стихотворениях этого периода поэт во весь голос воспевает любовь к жизни и веру в светлое будущее своей родины.

В стихотворении «Важа Пшавела» поэт восклицает:

Вот небо
громом
расколосось!
Как страшно и прекрасно жить!
И я хочу свой слабый голос
К раскатам грома приобщить!
(Перевод Евг. Е в т у ш е н к о).

Истинным, настоящим поэтом Г. Леонидзе стал в советскую эпоху. Она помогла ему освободиться от наносных декадентских влияний и одним из первых среди поэтов-«голубороговцев» стать на позиции социалистического реализма. В первые же годы Советской власти в Грузии Г. Леонидзе писал на

страницах журнала «Бахтриони»: «Нужна жизнь; а не рыданья на могилах». И действительно, для поэтической природы Леонидзе, для его громкого, мужественного голоса платформа камерной поэзии явно не подходила. Постепенно Г. Леонидзе все глубже и глубже познает величие и значение советской эпохи.

Отныне основное содержание лирики Г. Леонидзе — жизнь советского человека-труженика, его открытая душа, его оптимизм. Это — песни победе, мужеству, самоотверженности, любви к своему социалистическому Отечеству. Г. Леонидзе хорошо видит различие между прошлым грузинского народа и его настоящим. На протяжении многих веков наши славные предки героически сражались за освобождение Грузии, мечтали о светлом будущем грузинского народа, воспевали это будущее, однако их мечты душила мрачная действительность.

Мечты грузинского народа и его лучших сынов сбылись только в советскую эпоху. Социалистическая революция преобразила лицо нашей страны. Вместе с тем изменилась и судьба поэта:

Помни, друг, — я не повешусь,
Потому что все безбрежнее,
Все сильнее свет и свежесть
Льют в долину горы вешние.

Потому что гулом водным
Даль, как песней, оглашается,
Потому что ежегодно
Чудом
Юность возвращается!
(Перевод В. Державина).

Поэт горячо радуется возрождению родного края. Новая, социалистическая Отчизна является неиссякаемым источником его оптимизма, его вдохновения.

Тобой озарены мои мечты,
О Грузия! Ты вся как вдохновенье!
Ты — сердца моего биенье, ты —
Название моего стихотворенья.
(Перевод М. Светлова).

Для того, чтобы показать все величие новой жизни, Г. Леонидзе воссоздает характерные картины мрачного прошлого и путем контрастов, противопоставлений рисует пленительную картину обновленной Родины. Вот одна из картин старой жизни:

Вдруг поднялся один из князей,
Словно сыч, молчаливый доселе,
И слова его градом камней
Нам внезапно в лицо полетели!
«Если вы пригласили господ,
Забывать о приличьях не надо,
На коленях пред нами народ
Должен петь, как певал он когда-то».
(Перевод Н. Заболоцкого).

Но грузинский народ никогда не смирялся со своей горькой долей, он героически сражался как с внешними врагами, так и со своими угнетателями.

036940
0000000000

Значительное место в поэзии Г. Леонидзе занимает тема исторического прошлого грузинского народа. Поэт обнаруживает превосходное знание этого прошлого, в живых картинах воссоздает давно минувшее. В старинных рукописях и грамотах черпает Г. Леонидзе сведения об историческом прошлом грузинского народа, рисуя его правдиво, с большой поэтической силой.

Историческому прошлому посвящены стихотворения «Я читал «Картлис цховреба» и «Картлис цховреба». Эти два произведения представляют единое целое; их объединяет не только общность темы, но и стиля. В этом трагическом рассказе об исторических судьбах грузинского народа как бы слышатся стоны пленников, плач женщин и детей, веет дымом сожженных деревень и городов Грузии.

Сильное впечатление произвело на поэта чтение самой летописи. Вот как говорит он об этом:

До рассвета я «Картлис цховреба»
Перечитывал, полный печали.
О, мой город, как рвали свирепо
Грудь твою и людей истязали!
Устоял ли ты в бурю такую
Или нет тебя больше на свете?
Я из комнаты вон и ликую,
Увидав тебя в новом рассвете.
(Перевод Н. Заболоцкого).

Воспоминание об истории Тбилиси, испытавшего много тяжелого и горького, сменяется оптимистической картиной жизни современного города.

Для творчества Г. Леонидзе весьма характерен этот прием контрастов, позволяющий ему глубоко выявлять все величие нашей социалистической действительности — свободной и счастливой эпохи в истории грузинского народа.

* * *

Георгий Леонидзе справедливо называет себя «певцом живых героев». Действительно, героем его поэзии является советский народ. Ему посвящает поэт цикл произведений, в котором с большим художественным мастерством рисует творческий труд советского народа. Поэт славит героев, строящих счастье своей Отчизны. «Герой этот — мой брат, каждый сосед — герой. Герои — сверстников ряд, товарищей дружный строй».

Секрет большого успеха этого цикла стихов Г. Леонидзе в том, что поэт сумел создать богатую галерею художественных образов.

Г. Леонидзе глубоко сознает, что поэт должен быть неразрывно связан с жизнью. В стихотворении «Секретарь райкома» он пишет:

О древних героях ты пел хорошо,
А сколько героев нынче!
Воспой их, товарищ! Ведь каждый из них
Прекрасен в своем величии!
(Перевод Л. Мартынова).

С большим мастерством и сердечностью нарисовал Г. Леонидзе самоотверженный труд рядового советского человека во имя процветания страны Советов. С чувством огромной благо-

дарности воспел он родную Коммунистическую партию, организатора и вдохновителя всех наших побед («Коммунистической партии», «Делегату съезда» и др.).

В лирическом творчестве Г. Леонидзе большое место занимают образы великого вождя народов В. И. Ленина и его верного ученика, выдающегося марксиста-ленинца И. В. Сталина.

Образ Ильича замечательно нарисован в стихотворении «Ленин». Это народ говорит устами поэта:

Спишь ты — и все же ты с нами,
В этом орлином столетье,
Спишь ты — и все ж твое имя
Нашего знак долголетия.
Да, ты один лишь не знаешь
Смерти холодной пустыни,
Ты как народное сердце,
Что никогда не остынет.

(Перевод Н. Тихонова).

Оригинальными поэтическими приемами и богатыми красками воссоздан образ Владимира Ильича в стихотворении Г. Леонидзе «Ленин в Грузии».

Перу Г. Леонидзе принадлежат большие лирические поэмы «Сталин», «Бершоула», «Портохала», «Самгори». Эти поэмы не имеют стройного, строго выдержанного сюжета. Такая форма поэмы существовала в грузинской литературе и прежде, однако советская поэзия подняла этот тип поэмы на новую высоту, вдохнула в нее новое содержание.

В одном из лучших произведений Г. Леонидзе этого цикла — в поэме «Портохала» дан волнующий образ крестьянки, проведшей жизнь в труде и заботах о воспитании своих рано осиротевших детей. Портохала, воспетая поэтом с большим поэтическим вдохновением, — простая грузинская женщина-труженица, каких было много тысяч и чьих имен не сохранила история.

Большое достоинство поэмы «Портохала» заключается в том, что в ней ярко выражена неразрывная связь поэта с народом и его творчеством, полностью проявилось мастерство поэта.

Те же народные корни не трудно отыскать и в поэме «Самгори», воспроизводящей эпоху основания Тбилиси. И здесь интересно обрисованы представители трудового люда, их героическая борьба за любимую столицу.

* * *

В творчестве Г. Леонидзе большое место занимает тема советского патриотизма. Свое гражданское и поэтическое мироощущение поэт четко выразил в одном из стихотворений:

Я корневищами прирос к земле родной.
И пусть она мне умереть прикажет —
Ни часа, ни минуты ни одной,
Не попрошу взаймы мгновенья даже.

Сияет Родины неугасимый свет,
И радует меня ее сиянье,
Вне красоты ее пути поэту нет —
И шагу я ступить не в состояньи.

(Перевод М. Светлова).

Поэт глубоко чувствует свою неразрывную связь с новой жизнью, с советской Родиной.

Все помыслы и всю любовь свою
Я, не жалея, отдал строчке каждой,
Прославить песней Родину свою
Обуреваем неизбывной жаждой.

(Перевод М. Светлова).

В творчестве Г. Леонидзе дальнейшее развитие получили традиции патриотической лирики И. Чавчавадзе и Ак. Церетели. Очень интересно стихотворение Леонидзе «Букварь». С большой романтической приподнятостью говорит поэт о той большой любви, которую внушила ему эта небольшая, но дорогая сердцу каждого грузина книга.

Во весь голос воспеваает Г. Леонидзе многовековую нерушимую дружбу советских народов:

...Когда ненавистник свободы
В наши земли ворваться рискнет,
То с великим русским народом
Встанет каждый союзный народ.

(Перевод В. Державина).

Большое место в творчестве Г. Леонидзе занимает тема молодости. С силой и красотой юной жизни связывает он будущее страны. «Стих и юность — их разделить нельзя. Их одним чеканом чеканили» — таково одно из основных положений поэта. И действительно, Леонидзе является пламенным певцом юности, бодрости, жизни. Он по-своему понимает и извечную тему любви. Созданные им высокие образцы любовной лирики несомненно оригинальны. Это особенно заметно в превосходном стихотворении «Нине Чавчавадзе», в котором с большой эмоциональной силой и нежностью нарисован романтический образ дочери грузинского поэта, верной подруги великого Грибоедова:

И ты жива, певцы твои живут,
Легенда их навек с тобой связала,
Ты грезам предоставила приют,
Ты много весен в гости принимала.

(Перевод М. Светлова).

По мнению поэта, бессмертие души есть не что иное, как бессмертие красоты.

Хоть ты телерь померкшая звезда —
Мне до сих пор твоя краса сияет.
Ты мне поведала, что никогда
Из мира красота не исчезает.

(Перевод М. Светлова).

Так предстает Г. Леонидзе в роли певца красоты и ее бессмертия. Именно потому это стихотворение стало таким популярным. Когда стихотворение «Нине Чавчавадзе» было переведено на английский язык, читатели с берегов Темзы обратились к переводчице Венере Урушадзе с просьбой подробнее ознакомить их с жизнью и творчеством его автора.

Всепобеждающую и прекрасную силу любви воспел Г. Леонидзе в годы Великой Отечественной войны. Его стихи военных лет воодушевляли бойцов фронта и тыла. Благородным чувством патриотизма проникнуто стихотворение «Эй, орлы!». С удивительной силой отразил поэт любовь советских людей к своей Родине, их самоотверженность, героизм, беззаветную преданность партии и правительству в стихотворениях «Не горюй, мать!», «Воинам-грузинам», «За Родину!», «Всад-

ник Пиртахия» и др. Свои воодушевляющие стихи поэт читал бойцам, выезжая на передовые позиции.

После войны Г. Леонидзе вновь вернулся к темам мирной жизни, обогатив родную литературу новыми произведениями. С большой любовью и увлечением воспекает он мирный труд советских людей, строящих коммунизм. В первую очередь, следует выделить привлекшие внимание читателей эпическое стихотворение «Секретарь райкома» и «Венгерский цикл», в которых вновь проявились твердая политическая позиция, высокое художественное мастерство поэта, неразрывная связь его устремлений с думами и чаяниями народа.

* * *

Г. Леонидзе снискал себе имя выдающегося мастера стиха. Это подтверждают высокие идейно-художественные достоинства его творений, многогранность используемых им поэтических средств. Он обогатил современный грузинский язык. С одной стороны, поэт широко использует лучшие образцы многообразной народной лексики, с другой — сам создает оригинальные слова на основе уже отмерших архаичных народных выражений. Как новатор грузинской поэтической лексики он предстает перед нами в стихотворениях «Не горюй, мать!», «Эй, орлы!», «Нине Чавчавадзе», «Кахетия» и др.

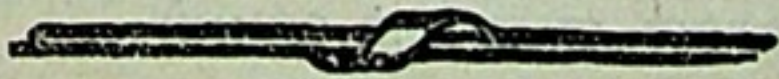
В создании поэтического образа обычно лучше всего проявляется сила художника слова. Поэтические образы Леонидзе глубоко продуманы, несомненное достоинство его стихов и поэм — и в богатстве метафор и сравнений, в исключительной пластичности. Сила и оригинальность мысли, глубокая эмоциональность, образное многообразие поэтической речи делают стихи Леонидзе по-настоящему новаторскими.

Г. Леонидзе — выдающийся мастер пейзажной лирики. В его стихах мы чувствуем аромат чарующей природы Грузии. На ее фоне поэт рисует большие социальные и политические явления («Карталинский сад», «Тбилисская весна», «Иорская ночь», «Заря над Тбилиси» и др.).

В большинстве своих стихотворений Г. Леонидзе пользуется древнейшим грузинским размером — шаири. Одно время в грузинской поэзии XX века этот размер уступал место другим. Г. Леонидзе, вместе с некоторыми своими собратьями по перу, вновь возродил его.

Многие стихи Леонидзе уже давно стали достоянием народа. В качестве примера можно сослаться на один из хевсурских вариантов стихотворения «Не горюй, мать!», который был записан сотрудниками Института грузинской литературы имени Ш. Руставели.

Характеристика литературной деятельности Г. Леонидзе будет не полной, если не сказать о его большой общественной деятельности, о его заслугах в деле изучения нашего литературного наследия. Перу Г. Леонидзе принадлежат такие научные исследования, как «Иосиф Тбилели», «Великий моурави», «Сулхан-Саба Орбелиани», «Бесики», «Певец Саят-Нова», «Новая рукопись «Витязя в тигровой шкуре», «Иван Мачабели» и др., имеющие большое значение для изучения истории грузинской культуры. В этих исследованиях поэт-академик Г. Леонидзе предстает как большой и пытливый ученый, преисполненный желанием принести возможно больше пользы родной науке, литературе, культуре.

• *Георгий Леонидзе*

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ТОЛЬКО ВЫ

Перевод с грузинского Б. Слуцкого

Безраздельно царящие в сердце моем
Отчий край
И родной окоем!
В мой чонгури вдохните душу свою —
Только вас я пою!

З Н А М Я

Перевод с грузинского И. Сельвинского

«Со знаменем черно-красным...»

Руставели.

Как-то однажды в городе Праге,
Когда говорил я о нашем флаге,
Чешский ученый меня спросил:
— Каким было в прошлом знамя грузин?
Знамени цвет говорит о многом.
Немало прошли вы по древним дорогам.
Сколько соседних с вами племен
Давно утонули в пучине времен,
А вы, великие огнепоклонцы,
Вы и сейчас глядите на солнце,
Хоть басурманский меч, разъярясь,
Грузии угрожал не раз.

Чешский историк меня спросил,
И я ответил ему на это:
— Знаете вы, что такое — кизил? —
Знамя грузин кизилового цвета,
Но окаймленное черной каймой,
Оно казалось судьбою самой.

Перевод с грузинского С. Маршак

Всем сердцем я жду и зову тебя, Май,
Рассыпь свои песни — червонцы,
Пусть душу наполнит мою через край
Сияние вешнего солнца.

Чтоб месяцев зимних забыл я печаль
И бури весенние горные,
Пусть цвет ароматный раскроет миндаль
И мак — свои рóдинки черные.

Люблю, когда солнца смеющийся взор
Мне светит сквозь дерево в чаще.
Люблю я нежданный рассвет среди гор,
Неслышно в наш мир приходящий.

И пену потоков, и яростный гром,
И дождик весной без ненастья,
И ниву, бегущую под ветерком,
Как девушка ждущая счастья.

И цвет темно-синий фиалки лесной,
Всегда в моем сердце хранимый,
Такой милосердный, как небо весной,
Такой дорогой и родимый.

М И Н И А Т Ю Р А

Перевод с грузинского Б. Слуцкого

Сейчас луной меня насквозь пронзят —
Она крива, как меч у янычаров,
Былое — словно заросли анcharов —
На каждом листике сверкает яд.

1926 г.

Я Л Ю Б Л Ю

Перевод с грузинского Б. Слуцкого

Люблю я почек взрывы звучные,
А не шуршанье листопада.
Люблю туманы, тропы выючные.
Мне легкого пути не надо.

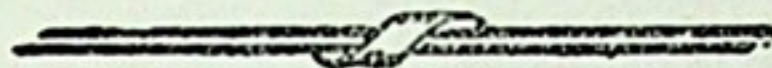
Люблю, когда грома — как шалые,
И ветер злой пылит в лицо мне.
Любую радость — даже малую —
Всем сердцем и люблю и помню.

ЖАЖДУ Я ВСТРЕЧИ

Перевод с грузинского Ю. Вронского

Жажду я встречи с тобой,
Жажду тепла бывшего,
Жажду твоей чистотой
Посеребрить мое слово.
Слышишь? Покинь свою высь
И явись
Ласковой
Ласточкой!

Ш. Чануквадзе,
министр сельского хозяйства
Грузинской ССР

ВИНОГРАДАРСТВУ—НОВУЮ ТЕХНИКУ

Ответ редакции «Литературной Грузии»

В 9-м номере журнала «Литературная Грузия» опубликованы заметки журналиста М. Давиташвили — «Это волнует виноградарей». Автор своевременно поднимает ряд актуальных вопросов, касающихся механизации виноградарства.

Проблемы механизации производственных процессов действительно волнуют виноградарей, и вопросы, поднятые журналом, стали предметом обсуждения специального совещания, созванного в Министерстве сельского хозяйства Грузинской ССР.

Как известно, к концу семилетки сбор винограда в Грузии вырастет в 2,2 раза, а выпуск виноградного вина — в 2,5 раза. За период с 1959 по 1965 год в колхозах и совхозах Грузии будет заложено 53.000 гектаров виноградников.

Но виноградарство — одна из наиболее трудоемких отраслей сельского хозяйства, поэтому рост урожайности винограда и снижение себестоимости продукции невозможны без механизации.

Несмотря на значительные достижения, имеющиеся в деле механизации всего сельского хозяйства, уровень механизации производственных процессов в виноградарстве у нас еще низок, многие работы на виноградниках ведутся вручную.

ЦК КП Грузии и Совет Министров Грузинской ССР 8 сентября 1959 года приняли постановление «О мерах по обеспечению комплексной механизации сельскохозяйственного производства, ускорения создания новых типов сельскохозяйственных машин и организации их серийного производства в Грузинской ССР».

Это постановление предусматривает выпуск агрегатов для прививки виноградной лозы, кольезабивателей, плугов-культиваторов системы Квирикашвили «ПВН-1,8», опрыскивателей, а также подготовку опытных партий целого ряда новых машин и орудий, испытание их и передачу в серийное производство.

Борьба за своевременный выпуск этих машин и внедрение новой техники — неотложная задача работников заводов сельскохозяйственных машин, научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, Министерства сельского хозяйства, колхозов и совхозов.

Подготовка почвы для закладки новых виноградников и маточников

подвойной лозы повсюду, где позволяет рельеф местности, проводится механизированно. А вот посадка лозы с помощью гидробуров, о чем, в частности, пишет и М. Давиташвили, до последнего времени не приняла широкого характера, а проводилась в опытным порядке, тогда как именно этот гидромеханический способ закладки виноградников наиболее эффективен и практичен.

Отныне многие районы будут проводить посадку лозы гидробурами. Министерство сельского хозяйства Грузинской ССР созвало совещание главных инженеров РТС и главных агрономов сельскохозяйственных инспекций виноградарских районов и обязало их внедрить этот производственный способ. В некоторые районы были командированы специалисты, которые совместно с виноградарями подготовили агрегаты с гидробурами и провели практические семинары.

В результате совхозы и колхозы Гурджаанского, Телавского, Сигнахского, Кварельского, Горийского, Цителцкарройского и других районов в нынешнем году закладывают виноградники в основном гидромеханическим способом. Только в колхозах Гурджаанского района с помощью гидробуров будет заложено 180 гектаров новых виноградников.

С весны 1960 года виноградары массово перейдут на гидромеханический способ посадки лозы. Гидроагрегатами они будут обеспечены.

Справедливо критикуется в журнале затягивание внедрения в производство агрегата для прививки виноградной лозы. Одна из главных причин этого состоит и в том, что государственное Специальное конструкторское бюро по сельскохозяйственной технике провалило работу по производству прививочных агрегатов на этот сезон. Меры для выпуска прививочных агрегатов приняты. К концу семилетки их будет не менее 500 штук.

Что же касается факта бесхозяйственного отношения к прививочной машине на Кутаисской базе Сельхозснаба, то он, к сожалению, подтвердился — и виновный понес наказание. Подобные факты, конечно, недопустимы, наши хозяйственники должны чувствовать всю ответственность за то большое дело, которое они делают.

Для нормального роста и развития виноградной лозы и повышения ее урожайности огромное значение имеет система обработки почвы. В виноградниках, обычно, почва в течение целого года должна быть в рыхленном состоянии. А этого можно достичь лишь систематической обработкой, глубокой вспашкой, культивацией, мотыжением и т. д. Такая обработка требует специальной техники — узкогабаритных тракторов, снабженных прицепными и навесными орудиями и машинами.

В колхозах Гурджаанского, Телавского, Кварельского, Сигнахского, Цителцкарройского, Ахметского и некоторых других районов, где ширина междурядий в виноградниках равна 2 метрам, вспашка и культивация на 80—90 процентов производится тракторами марки КД—35, которыми большинство колхозов и совхозов уже обеспечено. Плохо обстоит дело с плугами-культиваторами, так как старые уже выходят из строя, новые еще не выпускаются.

Согласно постановлению ЦК КП Грузии и Совета Министров Грузинской ССР от 2 января 1959 года, Совнархоз Грузии с 1959 года должен ежегодно выпускать 200 плугов-культиваторов марки «ПВН-1,8», но производство их до сих пор еще не налажено. Министерство поставило этот вопрос перед руководящими органами республики и уже приняты меры по организации серийного выпуска этих плугов в 1 квартале 1960 года.

Но это еще не решает проблему механизированной обработки почвы на виноградниках.

В колхозах заложено значительное количество таких виноградников, где расстояние между рядами не превышает полутора метров. Механизация обработки почвы в таких виноградниках невозможна из-за неимения соответствующих машин.

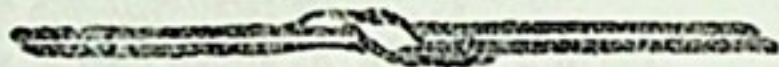
Грузинская государственная машиноиспытательная станция, испытывающая малогабаритные тракторы марки Т-44, должна ускорить испытание этих тракторов и передачу их в серийное производство.

Проблему механизации обработки почвы решит создание такого совершенного плуга-культиватора, который обрабатывает почву одновременно и между рядами и в рядах. В государственном Специальном конструкторском бюро по сельскохозяйственной технике уже закончена разработка конструкции такого плуга-культиватора.

Ныне имеется ряд аппаратов для борьбы с вредителями и болезнями виноградной лозы. Однако из-за малочисленности аппаратуры и нехватки запасных частей к ним опрыскивание лозы в колхозах и совхозах проводится в основном старыми ранцевыми малопроизводительными аппаратами, из-за чего сроки лечения растягиваются. Управлению местной промышленности исполкома Тбилгорсовета, которому поручен выпуск новых ранцевых аппаратов, необходимо резко улучшить качество и тем самым удлинить срок их службы.

Большую роль в борьбе с вредителями и болезнями лозы играет авиация. В нынешнем году было проведено трехкратное опыление серой свыше 6 тысяч гектаров виноградников. В будущем году эта цифра значительно увеличится.

Нет сомнений в том, что труженики сельского хозяйства с честью выполнят решение партии и правительства по резкому подъему виноградарства, в результате чего страна в изобилии получит высококачественные вина, коньяки и столовый виноград.

Е. Данелия,
председатель колхоза
имени Ленина села Норно
Самгорского района

УСПЕХИ НАДО РАЗВИВАТЬ

Спросите любого нашего колхозника, какой была здешняя артель всего несколько лет назад, и он только улыбнется в ответ, дескать, и вспоминать не хочется. И правда, не хочется. А надо.

...Скажу прямо, с невеселым сердцем шел я в 1950 году в этот колхоз. Вернее, сразу в четыре. Ибо решено было четыре маломощных колхоза объединить в один и избрать меня его председателем. Успехи пришли не сразу. Но рассказывать об этом подробно я не стану. Куда более целесообразным представляется мне сейчас, буквально накануне Пленума ЦК КПСС, поделиться соображениями о будущем.

Помню, как впервые осматривал я свое хозяйство. Коров — около сотни. «Рекордсменка» дает не более 3—4 литров молока в сутки. Свиноводство и птицеводство приносят одни убытки. Для того, чтобы рассчитаться с государством по поставкам яиц, колхоз покупает их на стороне.

В нынешнем же году средний надой на корову превысит 2.200 литров, а отдельные животноводы надаивают за год по 5.000 литров с коровы. Только за десять месяцев нынешнего года колхоз получил на каждые 100 гектаров земли: мяса — 62 центнера, молока — 160 и шерсти — 3,7 центнера. По продаже продуктов колхоз рассчитался с государством задолго до срока.

Несмотря на то, что животноводство, по предварительным подсчетам, даст нам более миллиона рублей чистого дохода, мы не считаем себя вправе особенно радоваться. Существует железный закон, по которому проверяется хозяйство. Это себестоимость продукции. И надо сказать, что в нашем колхозе она еще высока. Да разве только в нашем?

Перед нашей страной стоит задача — не только догнать, но и перегнать США по выпуску продукции на душу населения. Снижение себестоимости продукции — один из главных путей к этому. Резервы у нас есть — это и лучшая организация труда в колхозах, и быстрое внедрение нового, передового, прогрессивного. Об этом последнем я и хочу поговорить сегодня на страницах журнала.

Направление хозяйства диктуется жизнью

Самгорский район, где расположены земли нашего колхоза, — район пригородный. Значит, первоочередная задача колхозов района — обеспечить жителей Тбилиси и Рустави молоком, яйцами, мясом, овощами, зеленью, фруктами. Однако район не вполне справляется с этой задачей, хотя и сочетаются в нем счастливо условия для успешного развития как животноводства, так и овощеводства и садоводства. По-моему, давно уже следовало определить главное направление развития экономики колхозов района. При этом следует учесть все: климат, почвенные условия, наличие воды для полива, экономическую целесообразность развития той или иной отрасли хозяйства, нужды горожан в той или иной продукции и реальные возможности их удовлетворения. Я не напрасно упомянул об экономической целесообразности. До недавнего времени колхозники нашей артели много времени и сил затрачивали на посевы подсолнуха, причем,

почти впустую. Думается, что не оправдывает себя в нашем колхозе и шелководство...

Когда главное направление экономики будет определено, тогда думается, скорее решится и очень важный для нас вопрос о скорейшем введении в строй второй очереди Самгорской оросительной системы, которое изрядно-таки затянулось. Это позволит колхозам резко поднять культуру земледелия, увеличить урожай и, тем самым, значительно улучшить снабжение Тбилиси и Рустави.

Передовой опыт нужен всем

Колхозы очень нуждаются в быстрой, оперативной информации обо всем новом, передовом, прогрессивном, об опыте практиков и достижениях науки как в нашей стране, так и за рубежом. При этом мы ждем от наших специалистов и ученых не навязывания нам тех или иных приемов или методов, а толкового, доходчивого рассказа о них, с экономическими выкладками, с конкретным разбором их положительных и отрицательных сторон.

Вряд ли человек, не связанный с сельским хозяйством, знает, что такое ручная выпойка телят. «Очеловечивая» это понятие, можно сравнить его с искусственным кормлением новорожденного ребенка. Трудное это дело, хлопотное.

Примерно год назад в газете «Сельское хозяйство» промелькнуло сообщение о том, что один из колхозов страны отказался от ручной выпойки и перешел на выращивание телят под коровами-кормилицами. Этот так называемый групповой метод выращивания молодняка завоевывает все больше сторонников. Газета «Заря Востока» поместила не так давно заметку, сообщавшую, что на новый метод перешли колхозы и Башкичетский совхоз Дманисского района Грузии.

Как отмечает коллегия союзного Министерства сельского хозяйства, «Опыт и практика колхозов и совхозов показали большие преимущества этого метода выращивания телят перед ручной выпойкой. При этом методе молодняк лучше развивается, почти исключаются желудочно-кишечные заболевания телят, значительно повышается производительность труда работников ферм и снижается себестоимость выращивания молодняка». В колхозе «Большевик» Московской области в 1958 году семь коров выкормили 70 телят. Среднесуточный привес молодняка составил 950 — 1050 граммов, тогда как телята, воспитываемые на ручной выпойке, при таком же количестве расходуемого молока прибавляли за сутки лишь 450 граммов.

Совхозу «Талашкино» (Смоленская область) этот метод позволил снизить затраты на выкармливание телят почти вдвое. В стойловый период одна телятница обслуживала одновременно 16 коров-кормилиц и 55 телят. При этом совсем не было заболеваний и падежа молодняка, тогда как в группе телят ручной выпойки пала почти пятая часть поголовья.

Убедительные данные? По-моему, очень. Можно ли широко применять новый способ у нас в Грузии? Не только можно, но и должно! Что для этого нужно? Подробно рассказать о больших преимуществах нового метода. Кто должен сделать это? Управление науки Министерства сельского хозяйства Грузинской ССР. Каким образом? На первых порах хотя бы просто перевести на грузинский язык методические указания, опубликованные в газете «Сельское хозяйство» от 3 сентября.

Это тем более легко сделать, что на грузинском языке выходят у нас и сельскохозяйственная газета и сельскохозяйственный журнал. Но до сих пор этого не сделано.

Другой пример... Уже несколько лет многие передовые колхозы и совхозы страны применяют беспривязное содержание коров. Суть его состоит в том, что животные содержатся в таких помещениях, где имеют свободный доступ к грубым кормам, сложенным в скирды или под наве-

сом, и к силосу, заложенному в наземных буртах на выгульных дворах. Здесь же групповые поилки с устройством, регулирующим уровень воды. Скот содержится на глубокой несменяемой подстилке, обеспечивающей теплое ложе. Навоз из помещения убирается 1—2 раза в год. Доеение коров производится на специальной доильной площадке.

Беспривязное содержание дает возможность увеличить число коров на типовых скотных дворах на 20—30 процентов, стоимость их — в полтора раза меньше обычного. Но главное заключается в том, что в несколько раз сокращаются затраты на производство молока. Взять, к примеру, опыт совхоза «Пятигорский» Ставропольского края. При старом способе содержания коров на производство центнера молока здесь затрачивали 12,9 человеко-часов, теперь же — 4,6 человеко-часа.

Должен сказать, что и мы у себя в колхозе начали строить помещения для беспривязного содержания коров, но из-за плохого снабжения стройматериалами работы сильно затянулись. Я еще расскажу о тех мытарствах, которые испытывает председатель «строящегося» колхоза. Пока же хочу сказать о прочитанной мною в номере газеты «Советская Россия» от 25 ноября заметке о дипломном проекте И. И. Тесленко. Это проект автоматизированной фермы на 600 коров, обслуживаемой только двумя доярками. Это здорово, и этим надо заинтересоваться уже теперь.

Мы — за Колхозцентр

В последние годы колхозы особенно много строят. Много строит и наш колхоз. Только в 1958—1959 гг. у нас появилось 64 новых дома, кирпичный завод, строятся коровник, птичник, свиноводческий, колхозная столовая, парикмахерская, дом культуры на 400 человек (конечно, с комнатами для кружковых занятий) и т. д. Село наше телефонизировано и радиофицировано, к концу семилетки оно будет и газифицировано. Все это нам необходимо. Но я, как и десятки, да что десятки, сотни, тысячи председателей колхозов, не могу не жалеть о том, что колоссальное количество рабочих часов у нас уходит на то, чтобы «достать» тот или иной материал. Бывает и так, что бьешься, бьешься, «добывая» разрешение на его получение, а глядишь, он уже разобран другими. Им, конечно, тоже нужно, но это слабое утешение. Совсем недавно буквально десять дней ушло у меня на то, чтобы добиться в Госплане республики разрешения на выдачу нашему колхозу двухсот метров списанных трамвайных рельсов для дома культуры и животноводческой фермы. Разрешение-то получил, но рельсов уже не было. Писатель М. Жестев в «Литературной газете» (от 10 октября) совершенно правильно ставит вопрос о создании Колхозцентра — организации, занимающейся строительством в колхозах, снабжающей их всем необходимым, избавляющей председателей колхозов от погони за строительными материалами, предоставляющей им возможность заниматься своим главным делом — урожаем.

Может быть, эта организация займется и таким делом, как наблюдение за созданием нужных деревне типовых проектов? Словом, мы — за Колхозцентр.

Будущее и механизация

При составлении перспективного семилетнего плана нашего колхоза мы решили к 1965 году иметь в стаде 700 коров. Однако за этот год мы узнали так много нового, что первоначальный план уже не удовлетворял колхозников.

В самом деле, если сейчас уходом за ста коровами у нас занято 15 человек, то с внедрением беспривязного содержания скота для ухода за ними потребуется втрое меньше людей. Именно поэтому мы и решили: 700 коров в нашем колхозе будет в 1963 году, а в 1965 году — 900.

Значительное развитие получит и птицеводство. В 1960 году мы бу-

дем иметь 5.000 несушек. Наши колхозники решили соорудить инкубатор, оборудование для которого уже куплено. Это позволит нам выводить за год до 60 тысяч цыплят и половину этого числа продавать соседним колхозам.

Поголовье свиноматок решено довести с 70 до ста, а количество свиней, поставленных на откорм, — с 900 до 1.400. Чтобы удешевить себестоимость свиного мяса, мы решили уже с будущего года применить так называемый вольный выпас. На специально отведенных участках посеем кукурузу, турнепс, кормовую свеклу, ячмень на зеленый корм. Выращенный урожай убирать будут... свиньи. Как? Очень просто: свиньи будут пастись на небольших участках, огороженных проволокой, по которой пущен ток невысокого напряжения (это называется электропастух). Это выгодное дело — «убрав» урожай на одном участке, они получают возможность перейти на другой.

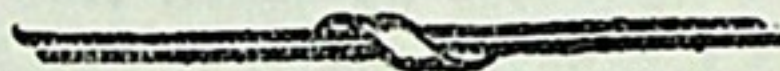
Ясно, что такое интенсивное развитие животноводства немыслимо без прочной кормовой базы. В этом году у нас уже заготовлено свыше трех тысяч тонн сена — это запас на три года! И, кроме того, тысячи тонн соломы, заложено 3.200 тонн кукурузного силоса, причем, в основном, наземным способом, в буртах.

В связи с этим мне хочется сказать вот о чем: возделывание кормов, особенно уборка сена, корнеплодов у нас все еще не механизирована, остается самой трудоемкой работой, тяжелым бременем ложится на себестоимость продуктов животноводства.

Проблема малой механизации, особенно в животноводстве и производстве кормов, не нова. И хотя каждый год нам обещают, что вот-вот она будет разрешена, сдвигов в этом направлении пока-что очень мало.

Что далеко ходить? Сколько раз уже сообщалось об успешных испытаниях малогабаритного трактора «Риони», в наших условиях просто незаменимого. Разговоры о тракторе «Риони» идут уже второй год, но трактор и ныне там, на кутаисском автозаводе, и когда же с газетных полос он сойдет на колхозные поля — неизвестно.

Прочитав мою статью, кое-кто, может, и скажет, что, мол, Данелия слишком уж требователен! Но, по-моему, таких будет немного. Вершина, к которой мы стремимся, называется коммунизмом, и ее не достигнуть без высокой требовательности к себе и к другим.

Л. Ростовцев

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Из блокнота журналиста

— С такими людьми разве можно работать? Я им одно, они мне — другое. Тут анархия какая-то!

Начальник тринадцатой установки Алексей Иванович Буссел в негодновании опустил кулак на стол, под смуглой кожей щек заиграли крупные желваки.

— Здесь партийное собрание, и я, хоть беспартийный, заявляю — так дальше не пойдет. Дисциплина будет железная: начальник сказал — закон.

Парторг установки Дамир Шац не выдержал, попросил слова. Когда он поднялся, кто-то сзади сказал соседу: «Ну, сцепятся теперь. Оба горячие — подставь под воду, аж зашипит...»

— И сцеплюсь, — задиристо отозвался парторг. — Потому что зря нельзя обижать людей. Не заслужили они того. А вы людей пытались изучить, товарищ Буссел? В душу к ним заглянули? Или только выучили наизусть их фамилии? Конечно, разные у нас люди. Вот вы и присмотритесь, на кого опереться, а на кого воздействовать.

...Отчитал, как школьника... И, кажется, не зря...

...Чем больше старался присматриваться начальник установки к людям, тем больше убеждался, что, действительно, раньше очень плохо знал их.

На установке три оператора, у всех одинаковые обязанности, но выполняют они их по-разному. Тут дело не в степени добросовестности — ребята они хорошие. Дело в характере. Дамир Шац — инициативный человек, когда он задумает что-нибудь, у него в глазах появляются чертики, такой не собьется с цели — не из тех, кто загорится, потом остынет. Внимательный и смысленый, он любит доверять людям, и они его не подводят. Лаврентий Головенко, тот, наоборот, никому не доверяет, все делает сам. Дамир лучше других может остановить установку, может отлично опрессовать печь. Но как запускать установку — этому он должен поучиться у Головенко. Зато никто не может добиться наименьших отклонений от кондиционной нормы так, как этого добивается Трофим Кравченко.

Что же, у каждого свой «конек»; значит, каждому есть что перебирать у другого.

Это операторы. А помощники? А кочегары? Вскоре начальник установки мог уже о любом из них сказать, в чем силен он, в чем слаб. Вот

Фридон Цинцадзе, помощник оператора, совсем молодой человек, комсомолец, отличный парень. Чем околдовал он молодежь? Ясно чем: удивительным трудолюбием. На этого можно положиться. Да и на Машу Володинову можно смело рассчитывать, она девушка с перспективой...

И откуда он только взял, что Бунов невоздержанный, выскочка? Ясно откуда: впечатление от собрания. Тогда, на собрании, Ефим выступал грубовато и резко, бросал злые реплики. За эту резкость его многие недолюбливают. Но, если беспристрастно разобраться, все, о чем говорил Бунов, правда? Правда. Выходит, спутал ты два разных понятия, Алексей Иванович, — прямопу принял за грубость, прямопу, которую ценить надо...

И так каждый рабочий открывался перед начальником установки в новом свете. Разбираться в людях ему помогал парторг. Они сдружились — парторг и начальник, стали работать сообща. И теперь Алексей Иванович старался находить в людях не плохое, а то хорошее и доброе, что заложено в каждом. Все глубже ощущал он, как сливается с коллективом, как все более дороги становятся ему люди, работающие рядом.

И, может быть, поэтому и еще потому, что коллектив установки стал дружным и слаженным, она начала слыть на заводе одной из лучших.

Страна вступила в великое семилетие, и Батумский нефтеперерабатывающий завод имени Сталина повел борьбу за выполнение больших и нелегких дел, которые взял на себя. На заводском дворе, вдоль асфальтовых дорожек, появились лозунги и плакаты, и рабочие, читая их, видели будущее.

Лозунги и плакаты повествовали о том, что через семь лет валовая продукция вырастет больше чем наполовину; что год от года экономия от внедрения рационализаторских предложений будет расти и в 1965 году достигнет полутора миллионов рублей; что в последнем году семилетия завод построит 1,29 тысяч квадратных метров жилой площади для рабочих...

А среди этих цифр выделялись выписанные яркой краской слова, обращенные Никитой Сергеевичем Хрущевым к трудящимся:

— Во имя великой цели — построения коммунизма можно и нужно хорошо трудиться...

Сейчас трудно вспомнить, кто первым подал мысль начать борьбу за право называться установкой коммунистического труда, но все отлично помнят, что встречена она была с радостью и энтузиазмом.

Обязательства были очень конкретны: план перевыполнить. Дать за год десять рационализаторских предложений, четыреста тысяч рублей сверхплановой прибыли. Полугодовую программу выполнить к открытию июньского Пленума ЦК.

Прошло полгода, и выяснилось: сверхплановая прибыль составила больше полумиллиона рублей — она за шесть месяцев превзошла годовое обязательство, рационализаторских предложений внесено тринадцать, шестимесячная программа выполнена за сутки до открытия Пленума. Обязательство устарело, нужно брать новое, потрудней. И взяли новое: увеличить на два процента производительность труда, снизить на полтора процента себестоимость продукции, внести еще десять рационализаторских предложений, добиться экономии пара, топлива, электроэнергии.

Большая ответственность легла на плечи людей. Чтобы завоевать нелегкое право называться установкой коммунистического труда, нужно не только работать, но и жить по-коммунистически.

— Все будет зависеть, — сказал парторг, — от двух факторов: личной совести — раз, авторитета коллектива — два.

Теперь нужно было продолжать спланировать коллектив. Пути? Их немало — они вошли в план культурно-массовой работы: коллективно пойти во Дворец культуры, обсудить интересную книжку. И еще — бывать

друг у друга дома... Но случай оказался лучше всяких планов. Случай этот представился в образе начальника отдела технической учебы заводоуправления: он пришел к парторгу и предложил ему обменяться опытом с оператором другой установки.

— Это не нужно, — решительно заявил парторг.

— То есть, как это не нужно? Мы оплачиваем такие выступления.

— Полезнее сделать иначе. Мы придем к соседям всем составом — и каждый расскажет о том, в чем он сильнее других. Устраивает?

Начальник техучебы растерялся;

— Кому будем платить деньги? Двести рублей по ведомости.

— Оставьте их на другое, мы придем бесплатно.

Большое складывается из малого. Обменялись опытом. Потом стали соревноваться. Потом стали помогать друг другу.

Вслед за коллективным обменом опытом последовала коллективная разработка рационализаторских предложений. Сидели вечерами, искали наилучшие решения проблемы, спорили до хрипоты. И радовались вместе, когда приходила удача. И тогда захотелось и в кино пойти коллективно, и обсудить с товарищами прочитанную книгу. Дружба ковалась в коллективном труде, труд спланивал.

Большое складывается из малого. Как-то один из рабочих заметил валявшийся заржавленный болт. Поднял его, понес на установку.

— Что это? — спросил он товарищей, вертя перед ними болт. На него посмотрели с недоумением.

— Это бесхозяйственность, вот что. Разбрасываем болты, где попало, сотнями валяются. Люди собирают металлолом, стараются собрать побольше тонн. А это что? Граммы. Их даже поднять ленятся. Предлагаю собрать все болты и гайки.

Стали собирать, и набрали килограммов триста. Поставили бочку неподалеку от установки, сделали надпись: «Болты и гайки — в бочку!». И с той поры каждый рабочий цеха, увидев болт или гайку, бросает ее в бочку, приготовленную хозяйственными людьми.

— Тут разве дело только в болтах? — резонно рассуждает парторг. — Главное, в новом отношении к общественному добру. Люди чувствуют себя хозяевами — вот в чем главное.

Через полгода тринадцатой установке присвоили звание установки коммунистического труда. И тогда те, кто работает на ней, поняли, что все, что ими сделано, лишь аванс на будущее.

* * *

— Послушайте, — однажды возмутился Фридон Цинцадзе. — Каждые два часа мы носим продукты на анализ. Кругом только и разговору, что о механизации, а мы бегаем в лабораторию четыре раза на день. Нужно добиться, чтобы у нас на установке были анализаторы качества. Как в Куйбышеве, как в Уфе.

— Пора что-то сделать, чтобы производилась автоматическая зачистка воды из дегидраторов, — предложил другой рабочий. — Вы взгляните только: помощник оператора открывает каждый раз задвижку и стоит, ждет, бедняга, пока от воды очистится нефтепродукт. А ведь в Люберцах, в Баку давным-давно перешли на автоматы...

Автоматы. Механизация производства... Об этом стали особенно много говорить на установке в последнее время. Для этого много сделали. Товарищам помогли работники из неутомимого КИПа — цеха контрольно-измерительных приборов, которым руководит Алексей Рагулин. Этот цех — цех коммунистического труда.

Киповцы установили регуляторы уровня на водоотделителях. До этого за уровнем следил помощник оператора, сейчас в нем отпала нужда. Они поставили на продуктовых линиях расходомерные шайбы, и операторам

стало легче следить за расходом сырья. С их помощью на установке появился парорегулятор с клапаном на линии мягого пара, теперь подача пара в колонны регулируется автоматически, и это не только облегчает труд, но и обеспечивает кондиционное качество продуктов.

— Киповцы-то молодцы, — говорит один из операторов, Совнархоз...

И тут выясняется, что помощь Совнархоза Грузии, а точнее, его Управления металлургической и химической промышленности не только установке, но и заводу, мягко выражаясь, оставляет желать много лучшего. Не очень сложно обеспечить насосы клапанами с парорегуляторами, но управление не присылает их, сколько ни шлет завод просьб и ходатайств. Пора старые приборы заменить электронными, но, поди-ка, попробуй получить их! А уж о решении такой проблемы, как замена паровых насосов центробежными (от этой замены создается экономия пара и равномерная откачка продуктов, обеспечивается полная безопасность работы) остается лишь мечтать.

Один эпизод оставил неприятный осадок в душе начальника установки. То был даже не эпизод — а так, не ахти какой важный разговор на ходу, между различными делами, которых за день накапливается великое множество и которые не поддаются учету. Парторг рассказывал Бусселу, что встретился с Трофимом Кравченко, хотел поручить ему общественную работу, но Трофим наотрез отказался. Просто удивительный человек, добавил парторг, только службу знает, а до остального ему дела нет — будто чужой на заводе. Начальник установки не успел ответить: его вызвали в заводоуправление. Потом его захлестнули всякие дела, и он о разговоре позабыл.

Парторг напомнил о нем вечером:

— Меня что больше всего беспокоит? Такое отношение, по-моему, говорит о безразличии к коллективу, к заводу. Это страшно, когда люди не дорожат своим домом.

— А что они, наши люди, знают о заводе? — неожиданно вспылил начальник. — Знают, на чьих горбах он создавался? Каким был и как менялся? Это старики знают. Они десятки лет провели здесь, пропахли нефтью, их не оторвешь от цеха до самой смерти. А молодежи — что? Пришли, во дворе сад, новенькие машины, приборы, автоматика. Понравится другой завод — пойдут на другой...

Парторг предложил выбрать подходящий вечер, собрать стариков и молодых — пусть потолкуют о заводской чести.

Действительно, что осталось на заводе от прошлого? Разве только 40-метровая кирпичная башня, которую возвели три десятилетия назад, и которая имеет сейчас больше символическое, нежели практическое значение.

Завод вырабатывает теперь продукцию во сто крат больше, чем в первые годы, и на качество этой продукции никто не жалуется — ни летчики, ни автоводители, ни домохозяйки. Нефть приходит сюда из Баку, Грозного, Краснодара, по широким трубам перекачивается она, чтобы, пройдя сложнейшие технологические процессы, превратиться в бензин, дизельное топливо, в мазут, в битумы различных марок.

Но — удивительное дело! — идешь по бесконечно огромному заводскому двору, заходишь в цехи, а... следов нефти нигде не видишь. Широкие аллеи, цветы в высоких клумбах, уютные беседки, окаймленные диким виноградом... И люди, перерабатывающие нефть, одеты не в грязные, пропахшие горючим, спецовки, а в чистые костюмы, светлые рубахи, платья, в которых не стыдно показаться в клубе или на улице.

Этим людям, какой бы профессии они не были, не нужно прикасаться ни к нефти, ни к продуктам, которые получает из нее завод. Нефть идет по невидимым подземным трубам, по сложнейшим установкам, и человеку приходится иметь с ней дело при помощи приборов.

Впрочем, есть внешние приметы, по которым можно угадать, каков профиль завода: огромных размеров резервуары, высящиеся по краям заводского двора...

Рабочие собрались. Старикам отвели почетные места. Их оказалось немало, ветеранов, поседевших на заводе: Сергей Чантладзе, полной горстью отдающий ныне молодым людям свой многолетний опыт, Мамед Пагава — депутат Верховного Совета СССР, Хасан Кордзая...

— А с чего начнем? — спросил Чантладзе, оглядывая присутствующих.

— С любви к своему заводу начнем, — отозвался Пагава. — С чего мы с тобой начинали. — Он встал, чтобы сказать речь перед молодежью, но вместо речи обратился к Чантладзе:

— Помнишь, Серго, как это было?

— Как не помнить, — ответил Чантладзе. — Все помню, хотя с тех пор прошло, считай, 32 года. Иной из молодых все недоволен чем-то: зарплату не повысите — уйду, чуть что не так — уйду; заводов хороших много, мол.

— Оно и верно, много хороших заводов теперь, — вставил Кордзая.

— А что из того? — возразил Чантладзе. — Ты свой завод уважай. Люби коллектив. Нам трудней приходилось. Здесь вот, когда я пришел на этот завод, ничего не было.

— Пустырь, — бросил Пагава.

— Пустырь, а на нем — лишь деревянный домик заводского управления. Там царствовала Мария Иосифовна Зубрицкая со своим «Ундервудом». Она и сейчас работает в заводууправлении, спросите ее, скажет: только и слышалось, что стук машинки да кваканье лягушек. Так что на голом месте мы начинали.

— Ты про время скажи, — напомнил Пагава, — какое это время было.

— А время было такое, что вся страна строилась. Первую пятилетку выполняли. Своего почти ничего не было у нас — ни специалистов, ни машин. Одалживаться приходилось. Ну, понаехали американцы, им поручили строить завод. Нужно сказать, они знали дело. Конечно, разные встречались американцы: одни честно работали и наших учили, другие не упускали случая показать свое превосходство. Наши рабочие приглядывались к ним и ради того, чтобы выучиться, все терпели. А жили тогда трудно, по продуктовым карточкам, хлеб по граммам учитывали. И вот стоишь, работаешь, а иной американец у всех на виду жрет шоколад и ухмыляется. Ладно, думаешь, чорт с тобой и с твоим шоколадом, выучиться бы. Если хочешь чего добиться и есть у тебя цель — упорством возьмешь. Мы упорством и взяли.

Мамед Пагава продолжил рассказ:

— Через два года состоялся торжественный пуск первой нефтеперегонной установки. И ведь что важно? На установку стали наши кадры. Выучились. То была кубовая батарея, которая по теперешним временам считается примитивной, но в ту пору являлась нашей гордостью. — Пагава поднял палец. — Гордостью! Потому, что была первенцем наших пятилеток и еще потому, что не только в Аджарии, но и во всей Грузии дотоле не было нефтеперерабатывающей промышленности.

Поднялся Хасан Кордзая:

— Башню нашу видели? Высится она над заводом, хотя нужда в ней небольшая. Но я бы ее никогда и не сносил. Она, как память, дорога нам, эта башня. Ее возводили своими руками Сергей Чантладзе, Азад Казарян, Грант Степанян. Были они первыми строителями завода, стали первыми его рабочими. Когда кубовая батарея была отстроена, у подножья башни собрались сотни рабочих, и Грант на глазах у всех взобрался по железным гнутым прутьям, вделанным в башню, на ее вершину, водрузил на ней флаг. Это означало рождение завода. Вот как было.

— Тогда, — заметил Чантладзе, — все устройства, вся аппаратура на заводе была американской. Теперь от американского оборудования что осталось? Ровным счетом ничего. Все наше. Отечественное. Ведущие агрегаты давно заменены, многое реконструировано.

— Старого вот что осталось, — сказал Пагава. — Кадры. В каждом цехе много ветеранов. И молодых, конечно, много.

Он закончил трогательно и взволнованно:

— Мы постарели здесь, у многих сыновья и дочери на заводе стали работать. Возьмите Акакия Харебава — он начальник первого цеха, а дочь его — на нашем заводе инженер. Таких много. Нам скоро в отставку, и мы вам завод, как эстафету, передадим. Лелейте его, берегите, дорого он нам достался. И чтобы слава о нем на всю страну звенела! Берегите честь смолоду...

Батумским нефтеперегонщикам недавно вручили Переходящее знамя — завод занял первое место в соревновании предприятий города и второе — в республике. Он внес больше миллиона рублей в фонд экономии.

Успешно шагают батумские нефтяники по семилетке. Но... нельзя ли еще успешнее?

И тут, как в некоей детской сказке, возникает «сто тысяч «почему», над которыми не мешает — ох, как не мешает! — задуматься.

Когда-то американцы пытались удивить нас примитивным заводом. Теперь на его месте вырос гигант, который может удивить американцев. Но почему на этом заводе, оснащенном новейшей техникой и обладающем отличными кадрами, умеют восстанавливать использованное масло хуже, чем американцы?

Почему еще многое производится вручную и производственные процессы механизуются несвойственными нашему времени темпами?

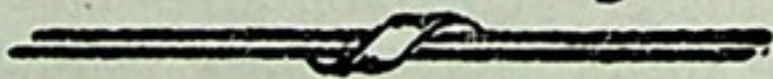
Наконец, почему завод очень уж медленно готовится к переходу на семичасовой рабочий день? Нет для этого предпосылок? Неверно, они есть. Парторг установки, о которой мы рассказали, недавно побывал на Одесском нефтеперерабатывающем заводе, присмотрелся к тому, как там работают, и привез замечательный план. Имея в виду свою установку, он продумал график, по которому можно не только перейти на два выходных дня в неделю, но и высвободить четырех человек для других установок. Без излишнего напряжения. Без единой копейки затрат. Простой, разумный график, продуманный до малейших деталей. И что же? Где он сейчас, этот план парторга? В каких входящих или исходящих затерялся?.. Скорее, скорее надо проводить его в жизнь.

...Ранним утром, с гудком оживает заводской поселок. Отворяются двери каменных домов и раскинувшихся на самом берегу коттеджей, и на улицы выходят люди. Они идут на работу по широким дорогам, окаймленным зеленью, старые добрые знакомые, товарищи по профессии и, встречаясь, желают друг другу:

— С добрым утром!

С добрым утром, друзья, утром нового дня семилетки!

Батуми, БНЗ.

Шире рамки приключенческой литературы!

1. И ТОЧНОСТЬ ЧАСТНОГО, И ВЕРНОСТЬ ОБЩЕГО...

В коммунистическом воспитании граждан Советского Союза огромное значение имеет пропаганда социалистической законности и работы органов суда, прокуратуры и милиции. Малейшая неточность, неправильное освещение вопроса могут иметь весьма отрицательное значение.

К сожалению, даже такой опытный автор, как Ордэ Дгебуадзе, очень небрежно обращается с юридической терминологией, с квалификацией деяния или научными обоснованиями типов преступников и т. д. Примеров этому можно привести много, да я уже называл их в своей статье «Читатель и приключенческая литература».

На мой взгляд, одним из главных недостатков произведений О. Дгебуадзе и С. Прага, о которых я уже говорил, является отсутствие должного внимания к человеку, к его характеру. В основе их произведений в большинстве случаев лежит разгадка искусственно созданных и запутанных тайн. Слабость художественной стороны авторы пытаются восполнить обилием описаний различных преступных действий, демонстрацией методов расследования уголовных дел.

Такой натурализм в книгах детективного характера порой приводит к плачевным результатам. Об одном из случаев пагубного влияния на молодежь натуралистических описаний преступлений в произведениях приключенческого жанра рассказано в № 4 журнала «Советская юстиция» за 1958 год:

«...после появления повести Н. Шпанова «Последний медвежатник» органами милиции Москвы за взломы сейфов были арестованы две группы молодых преступников. В ходе расследования и на суде выяснилось, что «идею» совершать взломы сейфов, а также приемы взлома, методы сокрытия следов преступники почерпнули из этой повести.

Мы далеки от мысли, что чтение книги Н. Шпанова было единственной при-

чиной совершения этих преступлений, но что она послужила толчком, в той или иной мере помогла оформиться преступной мысли у этих молодых людей, — это бесспорно».

Это обстоятельство заставляет глубоко задуматься. Вот почему такой горячий протест вызывает во мне недостаточно осмысленный и художественно слабо оформленный криминальный материал, положенный в основу произведений О. Дгебуадзе, С. Прага и других авторов, который широкому кругу читателей мало или вовсе не известен.

Кроме того, нередко в книгах детективного характера преступные действия отдельных героев превращаются в «подвиги» и преступники рисуются настоящими героями. К сожалению, этого недостатка не лишены произведения О. Дгебуадзе и С. Прага.

В статье «Читатель и приключенческая литература» я остановился и на вопросе о том, что литература этого жанра фактически не рецензируется, и это является одной из причин проникновения в нее халтуры. О. Дгебуадзе с этим мнением не согласен. Ссылаясь на несколько рецензий, он утверждает, что в них дан подробный разбор его книг. Но дело в том, что в этих рецензиях не говорится о том, насколько правильно освещается в рассматриваемых произведениях работа органов дознания, следствия и суда, как они помогают нам в укреплении социалистической законности, в коммунистическом воспитании нашего молодого поколения.

Меня лично эти вопросы беспокоят давно, и мое выступление в «Литературной Грузии» со статьей «Читатель и приключенческая литература» не было случайным. Еще в 1955 году перед Союзом писателей Грузии я ставил вопрос о необходимости обсуждения появившейся в нашей республике приключенческой литературы. Однако до сих пор такое обсуждение не состоялось. А ведь это в значительной степени помогло бы ограничить возможность появления у нас в

республике тех произведений детективной литературы, которые оказывают вредное воздействие на нашу молодежь.

В. ЖВАНИЯ,
народный судья
Калининского района
г. Тбилиси.

2. ПЕРВЫЙ ГРУЗИНСКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

За последние годы советская наука достигла невиданных успехов, наши ученые все глубже и настойчивей проникают в тайны космоса.

Проблема межпланетных путешествий на протяжении веков волновала пылкий ум человека. Ей посвящались научные исследования, смелые гипотезы, фантастические романы, стихи...

Одно из видных мест среди художественных произведений, посвященных дерзкой мечте — полетам на Марс, занимает роман поэта Александра Абашели «Женщина в зеркале». Это первая и, надо сказать, удачная попытка создать в грузинской литературе жанр научно-фантастического романа. Написанный почти тридцать лет тому назад, роман «Женщина в зеркале» и сегодня не утратил своей актуальности.

Многое, что в тридцатых годах казалось фантастикой, стало реальностью в наши дни. Но, несмотря на коррективы времени, роман «Женщина в зеркале» читается и сейчас с неослабевающим интересом.

Первые же страницы вводят нас в мир таинственных превращений.

«Перед вами высокое и широкое — во всю стену зеркало.

Удивленно всматриваетесь в него.

Ваше имя — Гурген, фамилия — Камарели.

Инженер Гурген Камарели.

...Ведь вы удивитесь, если, взглянув в зеркало, вместо своего длинного носа увидите лицо прекрасной незнакомки...».

Удивление ваше возрастет, когда в комнату войдет таинственный незнакомец в больших черных очках. Он представится, как инженер Густав Вайсман. На самом же деле — он гость с планеты Марс Ленгор Каро, инициатор первой экспедиции на Землю, капитан межпланетного корабля «Раунит». Девушка же, которая появляется в зеркале и беседует с Камарели языком жестов, тоже марсианка. Ее зовут Геда Нуаве. Она — директор обсерватории на Марсе. Г. Камарели — советский ученый. Зеркало величиной в стену — экран дальнего видения, как мы теперь называем, телевизор.

Роман грузинского писателя проникнут верой в человека — носителя высоких идеалов. В этом отношении интересно

сравнить «Женщину в зеркале» А. Абашели с «Войной миров» Герберта Уэлса. Буржуазный писатель видит в жителях Марса враждебные нам существа. Высокоразвитые жестокие уроды совершают полет на Землю с одной целью — уничтожить ее. И Г. Уэлс предостерегает: нападение может повториться, надо быть готовым к войне. Из его романа вытекает: если когда-нибудь исполнится мечта человека о полете в космос, то следствием этого может быть всеуничтожающая война между планетами.

Советский писатель выводит марсиан гуманистами. Не с мечом приходят они на Землю. По вычислениям сотрудников обсерватории на Марсе установлено, что Земле грозит гибель от столкновения с кометой Биэхла. Движимые высоким чувством человеколюбия (а по некоторым данным, они убеждены в существовании жизни на Земле), они посылают экспедицию для предотвращения космической катастрофы. Совместными стараниями марсиан и советских ученых наша планета спасена от гибели...

Грузинский писатель выражает уверенность, что придет время, когда ученые, в тесном содружестве, удивят человечество неслыханными доселе открытиями. Фантастический роман А. Абашели дышит современностью. Он не лишен и политической остроты. Писатель едко высмеивает оруженосцев капитализма, поборников вражды между народами.

С большим тактом А. Абашели показывает преимущество социалистической системы перед капиталистической. Прилетев на Землю, марсианин Ленгор Каро взвешивает все «за» и «против» обеих систем и решает поселиться в Советской стране, ибо именно социалистический строй открывает возможности для осуществления его гуманистических идей.

Хочется подчеркнуть, что в тридцатых годах, когда печатались отрывки незаконченного тогда еще автором романа «Женщина в зеркале», произведений этого жанра в советской литературе было очень мало.

В последующие годы наука и техника добились огромных успехов. Далеко шагнул и советский научно-фантастический роман. Достаточно вспомнить произведение И. Ефремова «Туманность Андромеды». Однако развитие этого жанра и обогащение его новыми художественными произведениями вовсе не исключают интерес читателя к роману А. Абашели «Женщина в зеркале». Правда, некоторые сцены уже потеряли свою злободневность, некоторые предвидения писателя уже не воспринимаются, как фантазия. И все же роман А. Абашели и в наши дни будит мысль, заражает новой верой в неограниченные возможности человеческого разума.

Георгий КАЛАНДАДЗЕ.

3. НЕ ТОЛЬКО РАЗВЛЕКАТЬ, НО И ВОСПИТЫВАТЬ!

Если проследить за всем, что писали хотя бы за последние два года газеты и журналы Советского Союза о нашей приключенческой литературе, станет ясно, что это — правомочный и, несомненно, популярный жанр. Верно и то, что в общем потоке приключенческой литературы, наряду с произведениями, достойными звания большой литературы, есть и немало творений низкопробных, ремесленных. Нельзя не согласиться и с тем, что критика порой оставляет их без внимания. Вообще говоря, можно по пальцам пересчитать выступления газет и журналов по вопросам приключенческой литературы. В основном они сводятся к рецензированию отдельных книг, к тому же не всегда квалифицированному. Глубоких же научно обоснованных исследований пока, можно сказать, не существует. В какой-то степени это безусловно отражается на уровне и основном направлении нашей приключенческой литературы.

Но требования к ней определены достаточно ясно. Как и любое настоящее произведение художественной литературы, произведение приключенческого жанра должно нести в себе большую идею, будить в читателе глубокие мысли и чувства, воспитывать его в духе патриотизма, гуманизма, высокой нравственности и благородства. Особенности жанра, естественно, требуют облечь высокую идею в форму непременно яркую и четкую, обязательно с занимательным сюжетом, стремительно развивающимися событиями, необычными обстоятельствами, неожиданными ситуациями, сталкивающимися действующими лиц в остром конфликте, выявляющем их сущность.

Однако все это отнюдь не исключает необходимости создания полноценных художественных образов, жизненных характеров, воплощения образа героя — умного, сильного, смелого человека, способного ради благородных идеалов и чувств преодолеть любые трудности и препятствия на пути к цели. И он, этот положительный герой, должен вызывать непреодолимое желание подражать ему.

Все это очень сложно, трудно и требует от писателя, работающего в этом жанре, отличного знания материала, о котором он пишет, большого мастерства и таланта.

Если всего этого нет, рождается произведение неполноценное, отвечающее лишь одной, внешней стороне этого жанра — быть во что бы то ни стало занимательным, интригующим. А эту задачу — кажется иным авторам — легче и проще всего решить на материале различных следствий, описаний того, как раскрываются убийства и преступления, вылавливаются и задерживаются шпионы и

диверсанты. Так наша приключенческая литература получила заметный крен в сторону детектива, что, конечно, ни в коем случае нельзя считать нормальным и правильным, так как возможности приключенческого жанра поистине огромны.

Наша жизнь необыкновенно богата подвигами советских людей. Она дает неисчерпаемый материал для развития приключенческой литературы с самым широким охватом событий, явлений, профессий и т. д., отвечающей высоким требованиям, достойной тех величественных задач, которые осуществляет на пути к коммунизму советский народ.

И тем досадней, что в небольшой дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Литературная Грузия», ее участники до предела сузили рамки своего разговора о приключенческой литературе и свели его, в основном, к обсуждению произведений детективного характера.

Ордэ Дгебуадзе в своем письме в редакцию, откликаясь на статью народного судьи Калининского района г. Тбилиси Вахтанга Жвания «Читатель и приключенческая литература», опубликованную в журнале, пишет, что она не оправдала его ожиданий найти в ней, наряду с литературным анализом, профессиональный разговор о специфических особенностях детективной литературы, с которыми критик должен быть знаком по роду своей деятельности.

Действительно, В. Жвания лишь коротко аннотирует такие повести, рассказы и очерки, как «По тропе обреченных» Нагаева («Ахалгазда комунисти»), «Их тайная война» Федосеева, «Кто он?» Рядченко, «Голубая стрела» Черновитова, «По свежему следу» Кузьмичева, «Огонь в лаборатории» Гейнца Фийвега («Молодой сталинец»), которые в целом оценивает положительно. Но он подробнее останавливается на повестях С. Прага «Дело о четверти миллиона», «СОП» и «Филигранная работа», опубликованных в газете «Молодой сталинец», О. Майсурадзе «Роковой шаг», напечатанной в журнале «Дроша», и книге О. Дгебуадзе «Незнакомый друг».

Говоря о них, В. Жвания не дает полного анализа, он лишь ограничивается общими замечаниями: «Бедность языка, скучные диалоги, неуместно разбросанные юридические термины, содержание которых часто остается неясным читателю, худосочный сюжет, несмотря на нарочитое и потому искусственное осложнение ситуаций, — таковы некоторые черты этих повестей».

Правда, можно упрекнуть автора статьи, что в какой-то мере слова его придется принять на веру, так как следующие далее примеры касаются, в основном, неточностей чисто юридического характера, которые, конечно, не должны иметь места в произведениях детективной литературы, но которые, судя по словам

самого В. Жвания, не являются единственным и самым крупным недостатком упоминаемых им повестей, рассказов и очерков.

Поэтому нельзя не согласиться с О. Дгебуадзе, когда он делает следующий вывод: «Заметки, которые я написал, прочитав статью В. Жвания, вовсе не имеют целью доказать «безупречность» разобранных им рассказов или оградить их от критики. Просто мне хотелось обратить внимание на то, что когда критические замечания не аргументированы подробно и объективно, а в статье не содержится обобщений, исходящих из отдельных фактов и имеющих теоретическое значение, то цели и задачи критики — даже самые хорошие — остаются неосуществленными, а выступления критиков не приносят той пользы, которую ждут от них и писатели и читатели».

Но ведь этот же упрек можно сделать и автору приведенных выше строк. Ордэ Дгебуадзе немало лет работает в области приключенческого жанра. Отчего бы ему не откликнуться на статью В. Жвания не коротким письмом с некоторыми возражениями, а дать по возможности полную картину состояния грузинской приключенческой литературы, глубокий анализ хотя бы наиболее характерных и значительных ее произведений, отметить недостатки, поднять принципиальные вопросы развития этого жанра.

Статья же В. Жвания, даже, несмотря на те возражения, которые она вызвала, полезна хотя бы тем, что дала, пусть далеко не полный, обзор произведений приключенческого жанра, опубликованных за последние годы в Грузии. И на основании этого автор статьи пришел к заключению, безусловно, правильному — нельзя мириться с тем, что под маркой «приключенческого романа» отдельные авторы преподносят читателю стандартные истории убийств и грабежей. На этом низкопробном материале, конечно, нельзя воспитывать советскую молодежь!

Тревога В. Жвания за судьбу дальней-

шего развития нашей приключенческой литературы и ее роли в коммунистическом воспитании молодого поколения, так страстно прозвучавшая в его статье «И точность частного, и верность общего...», безусловно, заслуживает внимания. Дстойна внимания и мысль о необходимости точного описания методов и верного употребления терминологии советской юриспруденции, а также популяризации социалистической законности в произведениях приключенческого жанра.

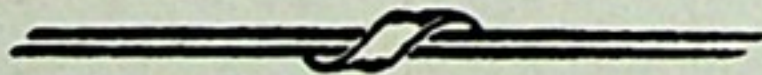
Как логическое развитие этой мысли, со всей определенностью встает требование, которым заканчивается статья «Читатель и приключенческая литература»: «Пора серьезно подумать о дальнейшем развитии приключенческого жанра в нашей литературе. Жизнь советских людей полна увлекательной романтики. Именно они — советские летчики, альпинисты, геологи, работники милиции, юристы — советские труженики, строящие коммунизм, — должны стать подлинными героями новых произведений».

К этому хочется добавить, детализируя бесспорно верное положение В. Жвания, — развивая приключенческий жанр, нельзя ограничивать его рамками детектива, необходимо добиваться высокого идейного и художественного уровня произведений.

В этом большая роль принадлежит, наряду с писателями, любящими и хорошо знающими эту область литературы, критике, — тоже по-хорошему заинтересованной, обоснованной, принципиальной.

Лишь тогда спрос читателей на произведения этого любимого ими жанра будет удовлетворен не только количеством книг приключенческой литературы, но и их высокими идейно-художественными достоинствами. И тогда приключенческая литература будет служить не только развлекательным целям, как нередко еще случается, но, и это главное; воспитанию в духе коммунистической морали.

Л. ДОЛИДЗЕ.

Поэзия гор и большой мир

Годы новой жизни, ворвавшейся в Дарьяльское ущелье светом электрических огней и гудками автомобилей, вызвали к жизни новую поэзию — поэзию борьбы свободного человека с суровой, непокорной природой. Нарушив молчание горных титанов, изменив судьбу охотника, пастуха, поэта, в закопченные хижинки вошла новая действительность. Первые стихи и баллады Александра Гомиашвили, новые книги которого недавно вышли на грузинском и в переводе на русский язык, родились здесь, в Дарьяле. Отказавшись от традиционной экзотики, поэт в стихотворении «Тур», например, отразил невиданную прежде схватку человека с природой, дал почувствовать читателю непреодолимую силу новой жизни. Дарьяльский пейзаж нашел свое воплощение в новых образах: лицом к лицу столкнулись вечность и новый день. Тур, ослепленный светом пылающих ламп электростанций, застывший, словно изваяние, олицетворял своеобразную поэзию этого дня:

А в небесах, в тумане,
 Казбек молчит угрюмый,
 Лишь изредка в долину он глянет из-за туч...
 И гордый тур на скалах стоит объятый
 думой,
 Как отлитый из бронзы, отважен и могуч!..
 («Тур», перев. В. Мартынова).

Были поэты, которые панически воспринимали этот процесс обновления, они видели в нем грубое вмешательство, гибель первобытной, дикой, идеальной красоты. Наперекор им, наперекор старой романтике А. Гомиашвили смотрел на горы глазами комсомольцев, энтузиастов, строителей нового мира. Здоровое, оптимистическое, боевое отношение к жизни определило поэтическую новизну его стихов. Вместе с тем, в его стихах не гас огонь, сверкнувший в хижине пастуха, как не смолкало эхо динамитных взрывов, крушивших прошлое. В стихотворении «У черных скал», написанном в 1949 году, он вновь мечтает о стихе, рожденном в горах: «...и в стихах моих опять песнь пастушью слышать жажду». Он как бы проверяет внутреннее единство и верность голосов, звучащих в его поэзии:

Этой песне много лет,
 Мне она знакома с детства.
 Пел ее когда-то дед
 И оставил мне в наследство.
 Вырос я, поэтом стал,
 Побывать успел повсюду,
 И теперь у черных скал
 Песнь иную петь я буду!
 Не пугает пастуха
 Ни туман, ни шум обвалов, —
 Медью кованой стиха
 В сердце радость зазвучала...
 Под угрюмою скалой
 Кости воронов белеют;
 В стороне моей родной
 Вольный ветер нынче веет!
 За Арагвою, в лугах,
 Вижу я овец отары...
 Что ж туман стоит в глазах
 У меня от песни старой?
 Это детства своего
 Я печаль былую слышу.
 Эй, пастух, — прошу его, —
 Пой, пожалуйста, потише!

(«У черных скал»,
 перев. В. Мартынова).

Тема наступления новой жизни на тысячелетний уклад жизни гор вот уже тридцать лет сопутствует поэзии А. Гомиашвили. Эта тема внутренне связывает и объединяет различные мотивы и настроения, превращая отдельные стихи в одну большую песню о судьбах нового человека, о его труде, о его будущем. Ритм этих стихов, страстная, иногда нервная интонация были отзвуком поднявшегося в горах урагана обновления. В сердце поэта родились тогда такие энергичные строки:

В эти дни должна и песня
 Грохотать, звенеть, как взрывы,
 Рассыпать алмазов груды,
 Горных лилий вороха.
 Если будут наши песни
 Старым ладом вечно живы,
 Кто ж откроет нам в пустыне
 Залежь нового стиха?

(«Должна и песня...»,
 перев. А. Кочеткова).

Поиски «залежей нового стиха», способного отразить ритм новой жизни гор, и сознательное отрицание «старых песенных мотивов» определили своеобразие поэтической манеры А. Гомиашвили.

швили. Он как будто намеренно избрал наряду с классическим шаири «тяжелый» четырнадцатисложный стих, чтобы уподобить строки «разлому скал». К счастью, разрабатывая тему преобразования горного быта, А. Гомиашвили был далек от крайностей «производственной поэзии», захвативших в тридцатые годы часть грузинских поэтов. Характерные черты нового быта не вступали в противоречие с художественной стороной его стихов.

Наряду с андезитом, электролампами, динамитом, в его поэзии появлялись и Гергетский ледник, и склоны Казбека, и пастбища, и облака, залегшие в ущельях. Естественно, что центральным образом этих стихов стали горы. К ним обращался поэт, с ними разговаривал как друг. Их же он «заставлял говорить» о новой жизни. Прислушиваясь к мужественным голосам новых людей, он как бы отрекается от «сладкой песни», считая пение «тонкими голосами» проявлением трусости и слабости. Все это создавало колоритный характер лирического героя его стихов, особенно таких, как «Сегодня ночью луна не взойдет», «Ушли теперь те времена», «Аршаула», «Ночь Арши», «Кавказ». Основное настроение передавалось поэтом через грозный горный пейзаж — гудящими лавинами, вспененными волнами, метелями, неустанным движением тяжело плывущих облаков. Ему чужды и «медовый лад», и воспевание мирного благополучия. Самой победе новой жизни, борьбе нового человека в его стихах сопутствует пафос смертельной схватки с силами природы или с остатками старого быта:

Гомборские горы стоят, холодны и могучи.
Прекрасные горы спокойны, как в давние дни,
Пускай обвивают их чела грозные тучи,
И рогом ущелий протяжно зывают они.
Гомборские горы склонились к долине, как
стража,
Чтоб тенью вершин затянуть Алазанский поток,
Но тень не видна среди сверкающей хлопковой
пряжи,
И ропщет река, зарываясь в прибрежный песок.
(«За что я люблю Алазань»,
перев. А. Кочеткова).

В этих образах суровый колорит гор передан резкими, четкими штрихами.

А. Гомиашвили всегда смотрит на жизнь глазами горца, глазами пастуха и пахаря. Вот как изображает он чарующую красоту кахетинской долины:

Шуршит Алазани, плененная в снежном
затворе,
Как осень шуршит, кукурузной ботвой шевеля,
(«За что я люблю Алазань»,
перев. А. Кочеткова).

В центре картин природы, созданных А. Гомиашвили, возвышается фигура

свободного человека. В этих стихах слышался победный клич идущего на штурм бойца. Мысль и мечта, неиссякаемая энергия нового человека делали его достойным соперником снежных гор-исполинов. Этот сложный процесс поэт выразил в образе освобожденного Прометей: «В грохоте взрывов шагает по скалам гордый титан, Прометей-победитель» («Кавказ»). Здесь, в теснинах Дарьяла, «где в горах рождаются потоки и фореги разбивают лед», поэт увидел обновленную землю, услышал голос народа, поднявшегося из бездны, народа, который ведет «горы... к городам индустрии». Подобными мотивами и настроениями поэзия А. Гомиашвили органически вливалась в основное течение грузинской советской литературы.

А. Гомиашвили смело вводил в свои стихи темы и образы, почерпнутые из фольклора и истории горцев. Перед взглядом поэта «с гребня гор старинный замок исподлобья смотрит вниз». «Лишь Дарьял укрыл легенду в мох да в чахлые кусты» («Среди развалин»), и нужно было обладать немалым поэтическим чутьем, чтобы отнять ее у Дарьяла и донести до людей:

Для времен грядущей славы
Расчищаем мы дороги,
Запевая в честь победы
Песню новую свою!

(Перев. А. Кочеткова).

Но и здесь, даже во власти воспоминаний, навеянных крепостями и башнями, поэт не поддавался романтическому соблазну, он старался увидеть в источенных временем камнях следы социальных потрясений, сказать свое слово в споре новых и старых гор, завершить его гимном сегодняшнему дню.

Иные стихи похожи на хороших проводников. Они приведут вас к незнакомым людям, сблизят с ними, откроют что-то прекрасное, увлекут вас. Есть такие стихи и в сборнике А. Гомиашвили. По узким тропам проведут они вас к Гергетскому леднику, поднимутся с вами на башни Степанцминда, где вы прислушаетесь к песне народного певца, или вызовут из тумана прошлого героев Александра Казбеги.

В 30-х годах А. Гомиашвили создал образ Джарджи Джигаури, ставшего жертвой издавна разжигаемой кровной мести. Этот герой испытывает острую внутреннюю борьбу. («Сегодня ночью луна не взойдет»). Почти двадцать лет спустя в стихотворении «Акия Арабули» появляется другой портрет пастуха, раскрывается жизнь героя нашего времени. Поэт с юности прирос к живительным корням фольклора горцев, и хотя в его стихах и балладах нет следования традиционным формам народ-

ной поэзии, стремление к поэтической правде и ясности сближает его с певцами родных гор. Такой внутренней правдой и поэтичностью отмечен созданный им образ хевсура Акия Арабули. Это — центральная фигура сегодняшней деревни:

Шаловливая речка у Джуги
Улыбается,
    вертится,
    шутит.
Солнце светится в каждом ручье.
Арабули в село не приходит —
Он, как бог ежедневный, нисходит
И ягненка несет на плече.
Он идет,
    Арабули Акия,
И глаза у него не такие,
Не такие глаза, как у всех.
Он нисходит в село по тропинке,
И запутались в бурке
    травинки,
И в ресницах запутался смех.

(«Акия Арабули»,
перев. Ю. Левитанского).

А. Гомнашвили тяготеет к эпической картинности. Обращаясь к эпосу, он хочет нарисовать величественные фигуры новых людей. Увлеченный гением Шота Руставели и Важа Пшавела, поэт чувствует, какая сила заключена в их стихах: «Благодарно закрываю книгу «Вепхис ткаосани»: в переплет замкнутой буре спать до ночи суждено». Он верит в силу и бессмертие поэзии; верит, что в слове, в красках, в камне заключена душа народа.

А. Гомнашвили не является поэтом мелодии, в звучании его стихов ощущается грубоватость, сознательная и бессознательная дисгармония, но изменение ритма происходит здесь почти всегда в соответствии с темой, мотивом. Если для изображения поэтических картин сегодняшнего дня он обращается к монументальному четырнадцатисложному стиху, то для передачи старых повестей, исторических сюжетов или легенд он обычно использует традиционную для фольклора горцев форму шапри. Но и здесь поэт не хочет впасть в анархизм и стремится к обновлению этого шапри.

Лошари спит. В ночной простор
Вползают тучи хмуры,
Но вновь пируют в щелях гор
и пшавы и хевсуры.

(«Памяти Важа Пшавела»).

Бедь ты у гор огонь похитил,
Он у Мзаго в глазах горит,
Не твоего ль коня, Тэтрони,
На скалах слышен стук копыт?

Стада овец поднял Элгуджа,

Расставил пастухов вокруг.

А в свете солнца, рядом, тут же,
С горы Маквала сходит в долину друг.

(«Две вершины»,
перев. С. Серебрякова).

А. Гомнашвили невольно подчинялся влиянию народной поэзии горцев. Но он избегал стилизации народных мотивов, тем или исторических легенд. Поэт хорошо знал, что, вводя новые, чисто «формальные элементы», он не сможет соперничать с народным «установившимся стихом» и возлагал все надежды на новое мироощущение своих героев. Дыхание времени придавало его стихам новизну и свежесть. Поэтому-то он обратился к созданию баллад, хотя хорошо знал гениального автора «Бакура» и «Гиги». Его лучшие произведения в этом жанре — «Смерть охотника», «Баллада гор» написаны в стиле классической баллады и внешне как будто не претендуют на какую бы то ни было новизну. Если «Баллада гор», наряду с обрисовкой мужественного образа прославленного альпиниста А. Джапаридзе, отражает картину борьбы человека с природой, то «Смерть охотника» повторяет мотивы и настроения поэм Важа Пшавела и народных сказителей. Трагедия Геласхана Шамприани призвана выявить здесь бесчеловечную сущность старого адата. В этой балладе в передаче горя матери и печали природы (особенно в речи героя) использованы интонационные приемы, характерные для классической баллады. Более того, повышение и понижение тона, переход от повествования к диалогу, специфика восклицаний прямо говорят о связи с традицией. Эта преемственность подкрепляется манерой поэтического диалога, восходящего к гениальным балладам Важа:

Где Геласхан?
Где Мурзакан?

К подножью вопрошавших башен
Пришел с ответом Мурзакан.
И молвил: — Подле гор, в ночи,
С врагом скрестили мы мечи.
И, отомстив за кровь врагу,
Я отдыхал на берегу...

(«Смерть охотника»,
перев. А. Межирова).

Но и здесь, как мы отметили выше, поэту помогло само время. Изображенная в балладе Сванетия стоит на грани новой жизни. Это время, когда в глухие горы приходят первые слова новой правды, когда смиряются горы и реки, когда человек братается с человеком, и старая ненависть развеивается по ветру:

Неумолимый динамит
 В ущелье яростно гремит,
 Вздыхая над камнями чад.
 И в пеще коршуны кричат...
 Мать, не печаль напрасно взоры!
 Побеждена строптивость рек,
 И сваны рассекают горы,
 Как тигра Геласхан рассек.

(«Смерть охотника»,
 перев. А. Межирова).

Тема героизма и мужества, увлекшая молодого поэта, с годами развертывалась, осмысливалась в духе современности, наполнялась конкретно-историческим содержанием.

В дни Отечественной войны, когда по стране проносились «ветры с распущенными гривами», когда «в звоне колоколов слышался звон шлемов» («Москва»), в его стихах изменилась сама панорама Кавказских гор, в горном пейзаже преобладает теперь свинцово-серый цвет: «Из Гергет верхом я еду, с гор спускаюсь я, мохевец, слышу крик орлиный, громкий Терека разбег», «То ли радуга возникла, то ли солнце просияло. Гром атаки — а над полем неба пенится свинец» («О, грузин, — за меч и в поле!», перев. С. Шервинского). С дальних берегов Азова он смотрел на родные горы и по-новому воспринимал дорогие образы: «На Гергетской на вершине слышен шорох черных птиц», «Как броня в дверях Бетлеми — шлем с насечкой золотой» («Так начинался рассвет»). В его стихах органически вошел распространенный в грузинской поэзии тех лет образ легендарного героя Оджа Джургая...

• • •

Но теперь, когда прошли годы, мы, перечитывая стихи А. Гомиашвили, чувствуем, что в них не все и не всегда является завершенным. Иной раз кажется, что он высекал свои строки из дарьяльской скалы, но ему не хватало времени для того, чтобы обработать их.

Главной темой поэзии А. Гомиашвили и по сей день остается Дарьял. Время от времени он оставлял родные горы, чтобы воспеть Москву, Тбилиси, кремлевские звезды, но все же и тогда не забывал мохевского говора, и на дальних дорогах оставался певцом Дарьяла («Давитиани в Дагестане», «Звезды над Кремлем», «Москва», «Песня о Волге»). Другие темы, другие образы ему как будто не удавались. Возможно, виной тому некоторая тематическая ограниченность его поэзии, чрезмерно локализованная этнографическая среда, в которой живут и действуют его герои. Но, возразят нам, ведь гений Важа Пшавела раскрылся именно в этой среде; а разве

можно говорить о его ограниченности? Дело в том, что Важа нашел в жизни гор темы и сюжеты большого философско-этического значения, которые позволили ему с вершин Пшави и Хевсуретии увидеть, как на ладони, весь мир. Интеллектуально — художественный диапазон Важа был настолько обширным, что лирические и эпические картины, созданные им, поднимались до высокого общечеловеческого звучания. Вместе с тем, Важа первый в грузинской поэзии органически слил в своем творчестве достижения письменной культуры и сокровища пшавско-хевсурского фольклора, традиционные формы и сюжеты которого были разработаны им с такой несравненной genialностью. Естественно, что поэту, идущему по его пути, трудно не только соперничать с ним, но и отстаивать права продолжателя его традиции. А. Гомиашвили, по существу, никогда не разделял модернистских принципов самоцельного искания новых форм. Он доверялся силе «мохевского стиха» и воспевал новую жизнь Дарьяла, если можно так выразиться, на традиционно-песенный лад. Делал он это вполне сознательно, поскольку считал продолжение традиций классического художественного мышления и народной поэзии наиболее правильным путем развития литературы. Это совсем не плохо. Но, к сожалению, решая свою главную тему, поэт не всегда писал под влиянием глубоких переживаний, в результате чего некоторые стихи выходили у него поверхностными. Мы говорили уже, что очагом поэзии А. Гомиашвили был Дарьял, а его поэтическая манера и система его образов сложились под влиянием мира героев Важа Пшавела и Казбеги, что многое здесь было сознательно использовано, как нержавеющей металл предков, но при этом нельзя не отметить, что поэт проявил скупость в выражении других тем, других настроений, других образов. Этим он более или менее обеднил свое творчество. Он сравнивал себя самого, идущего сквозь крымский туман, в окрестностях гремящего Севастополя, с сиротой Квирия — и тем самым все больше выявлял свою духовную неразрывность с горными певцами и их традициями.

Осеннего снега круженье...
 Листою осыпался тополь,
 А в сером тумане Тавриды
 Гремит и гремит Севастополь.
 Как Квирия, в поле широком
 Бреду — сирота одинокий...

Это стихотворение само по себе не лишено эмоциональной силы, но если, с одной стороны, переключка с героями прошлого усиливала патриотический пафос поэзии Гомиашвили, то, с другой

стороны, она направляла его вдохновение по проторенному пути, и так или иначе мешала ему в художественном раскрытии характеров героев.

Иногда в стихах А. Гомиашвили лирическая взволнованность подменяется риторикой. Сегодня излишняя упрощенность вредит поэзии не меньше искусственной сложности. Часто такую упрощенность объясняют требованиями напевности, мелодической легкости. На мой взгляд, это недостаточно веское объяснение, поскольку идейно-эстетическую новизну стиха определяют, с одной стороны, его смысловое содержание, с другой — чисто художественный «инвентарь». Здесь совершенно безосновательно опираться на тот «музыкальный элемент», на созданную композитором мелодию, которая, якобы, должна подойти к этому «песенному стиху».

Когда ты на Тбилиси взглянешь
В сиянье солнечных лучей —
Тогда восторженная песня
Звучит все громче, все сильней,
И восхищен ты красотой
Зеленых улиц, площадей...

(«Песня о Тбилиси»).

Этим строкам недостает чеканности поэтического слова, недостает оригинальности. Чрезмерно облегчена здесь художественная задача. Упрощено требование поэтической напевности. В результате такого отношения в некоторых стихах А. Гомиашвили появляются поверхностные образы, которые не имеют ничего общего с поэтическим открытием.

Наряду с мотивами мужества и борьбы, поэт разрабатывает лирические мотивы. Правда, здесь его творчеству иногда недостает глубины и конкретности, но о них необходимо вспомнить, чтобы завершить характеристику его лирического героя. Он всегда в борьбе и, словно воин, на время возвращающийся с дальних дорог, вспоминая любимую женщину, несет к ней переполняющую сердце

любовь. Любовь эта сложна и полна драматизма, она сурова, как годы, в которые сложился характер лирического героя поэзии А. Гомиашвили. Он вспоминал «травы по пояс..., с топотом, с гулом промчавшийся свадебный поезд...» «Годы прошли, и сегодня, как давняя повесть, осень над Гудамакари и свадьба твоя». Как настоящий горец, он до конца предан своей любви: «Как же сотрется твой образ? Он связан навеки с чистой и трепетной, с первой любовью моей». И здесь, в песнях о любви появляется «суровый пейзаж», в грохоте обвалов и в топоте коней слышится биение тоскующего сердца.

Все ты мне снишься такую же.
Травы по пояс.
В памяти это,
Как вечную ношу несу —
С топотом, с гулом
Промчавшийся свадебный поезд.
Грохот обвала,
Стихающий где-то внизу.
Вот и весна пролетела,
И лето в разгаре, —
Снится мне поздняя осень
Над Гудамакари.

(«Гудамакари»,
перев. Ю. Левитанского).

А. Гомиашвили пишет мало, редко. Видимо, он подолгу вынашивает в сердце свои стихи. Это — хорошее качество для художника, но оно не должно приводить к творческой скупости, к работе с длительными интервалами.

Вторгшаяся в Дарьял новая жизнь по-прежнему зовет поэта, требует от него нового слова, сочного, острого, правдивого слова поэта. В последних стихах А. Гомиашвили («Бранный мир», «Очаг» и другие), опубликованных совсем недавно, чувствуется та духовная энергия, та художественная потенция, которые позволяют верить в начало второй молодости поэта.

Грузинские первопечатники

Создание два с половиной столетия тому назад в Грузии первой типографии — яркое и знаменательное событие, политическое и культурное значение которого трудно переоценить.

Вахтанг VI — инициатор создания книгопечатания в Грузии, умный, проницательный политик, человек высокой культуры, учитывал всю сложность политической обстановки в стране в начале XVIII века и придавал особое значение изданию и распространению литературы. Несмотря на то, что первой книгой, отпечатанной в грузинской типографии, было «Евангелие», а затем «Псалтырь» и другие церковные книги, Вахтанг VI в распространении книг видел не столько средство восстановления «попранных устоев» христианской морали, сколько средство объединения страны, раздробленной на мелкие феодальные владения. Кроме духовной, в первой грузинской типографии Вахтанга VI были напечатаны и произведения светской литературы, в том числе труды, переведенные Вахтангом VI.

В этой типографии создавалось первое печатное издание поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», богато оформленное, с приложением толкования поэмы, написанного самим Вахтангом VI.

Создание в Грузии национальной типографии было одной из тех смелых реформ Вахтанга VI, которые он проводил в стране с целью развития хозяйства, науки, литературы.

Первая грузинская печатная книга появилась значительно раньше создания типографии в Грузии. Но она была напечатана за рубежом. В 1629 году в Риме вышел в свет «Грузино-итальянский словарь», а в 1643 году в Риме же была отпечатана грузинская грамматика. В 1705 г. в Москве был издан на грузинском языке «Псалтырь».

Мысль о создании типографии в Тбилиси родилась у Вахтанга VI значительно раньше, чем возникла возможность ее основания. Необходимо было найти опытного человека, хорошо разбирающегося в сложном искусстве книгопечатания.

За помощью Вахтанг VI обратился к

иерусалимскому патриарху Досифею. Заместивший умершего Досифея патриарх Хрисанф, в свою очередь, обратился к валашскому господарю с предложением отправить в Грузию хорошего знатока типографского дела.

В это время в Румынии развернул большую издательскую деятельность Антимоз Ивериели. Грузин по происхождению, занесенный в Румынию превратностями судьбы, — это был выдающийся, многосторонне развитый человек — талантливый оратор, скульптор, художник, печатник. Впоследствии Антимоз Ивериели занял видное общественное положение — стал митрополитом Валахии.

В 1709 году Антимоз отправляет в Грузию для основания там типографии своего талантливого ученика, искусного мастера печатного дела Михаила Иштвановича (Унгро-Влахели).

Некоторые исследователи, работающие в области истории грузинской книги, в частности, истории типографии Вахтанга VI, утверждают, что Антимоз прислал в Грузию вместе с Михаилом изготовленный им грузинский шрифт, и даже полностью оборудованную в Румынии грузинскую типографию.

Но более обоснованным представляется нам вывод, сделанный грузинскими исследователями К. Шарашидзе, Б. Гордезиани, Ш. Квасхадзе. Они утверждают, что грузинский шрифт был отлит непосредственно в Грузии под руководством самого Михаила.

Академик Н. Бердзенишвили во время пребывания в Румынии видел изданную в типографии Вахтанга первопечатную книгу — «Евангелие», которая была прислана в дар Антимозу Ивериели из Тбилиси. Поэт Георгий Леонидзе обнаружил и прочитал на этом экземпляре грузинское стихотворение, содержащее посвящение от тбилисских типографов. Эту книгу преподнес правителю Валахии сам Антимоз.

Этот факт заставляет предполагать, что Антимозу не удалось самому напечатать ни одной грузинской книги, иначе он прислал бы такую книгу в Грузию, или, во всяком случае, подарил бы ее правителю. Иштванович же сам говорил о том, что не знает грузинского языка

и считает основоположником книгопечатания в Грузии Вахтанга VI.

История грузинского книгопечатания стала предметом многочисленных исследований видных грузинских ученых: в последние годы академики А. Шанидзе, К. Кекелидзе, профессор П. Гугушвили, исследователи Б. Гордезиани, Ш. Квасхадзе, К. Шарашидзе и др. сделали в этой области немало открытий, связанных и изучением книг, изданных в типографии Вахтанга VI. Академики А. Шанидзе, Н. Бердзенишвили, Г. Леонидзе во время своего пребывания в Румынии нашли много новых интересных материалов, проливающих свет на целый ряд неясных и запутанных вопросов из истории грузинской печатной книги.

Деятельность первой типографии явилась замечательным свидетельством высокого развития грузинской культуры того времени.

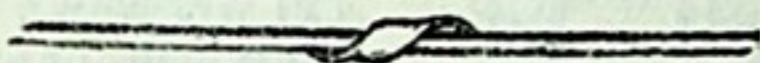
Уже первая книга — «Евангелие» была прекрасно оформлена. Заглавный лист обрамлен рисунками и национальным орнаментом. Тексту «Евангелия» предпослано вступление, написанное Вахтангом VI.

Типографией Вахтанга VI было выпущено 20 книг. И почти все эти книги снабжены предисловиями и комментариями выдающихся деятелей того времени. Сам Вахтанг VI часто обращался к литературному труду. Ему принадлежат переводы ряда книг на грузинский язык.

В 1723 году, преследуемый иранским шахом, Вахтанг VI вынужден был эмигрировать в Россию, а типография была разгромлена врагом, захватившим столицу Грузии. Восстановить ее удалось только четверть века спустя.

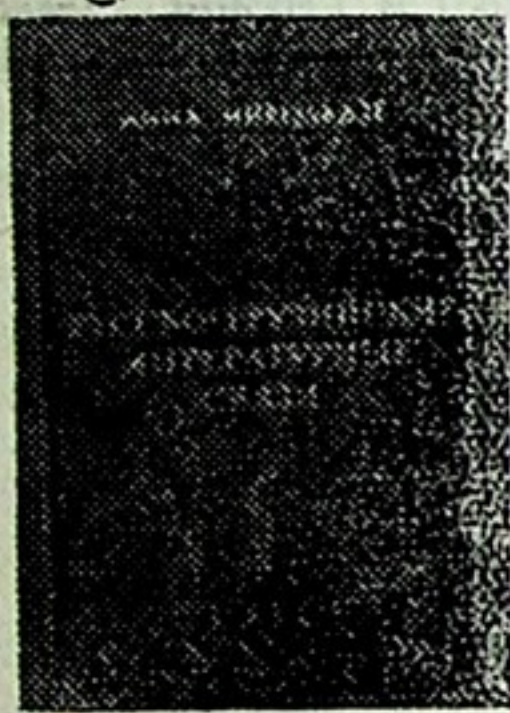
250 лет отделяет нас от времени выхода в свет первой печатной книги в Грузии. Сейчас книги, которые издаются в нашей республике, распространяются по всей Советской стране. Они выходят на грузинском, русском, армянском, азербайджанском, осетинском, абхазском языках.

Только в 1958 году в Грузии было издано 2047 названий книг общим тиражом более, чем в 11 миллионов экземпляров. Кроме того в Грузии выходят десятки журналов и свыше сотни газет.

Страницы великой дружбы

«РУССКО-ГРУЗИНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ»

История русско - грузинских литературных связей и взаимоотношений — история дружбы братских народов и братских литератур. За последние годы вышло немало книг и исследований, где в новом свете предстают мно-

гие факты и явления из истории культурного общения Грузии и России. Здесь, в первую очередь, следует назвать работы литературоведов В. Шадури, А. Чхеидзе, А. Николадзе, И. Андронишвили, Л. Асатиани, И. Ениколопова, Г. Талиашвили и др.

В течение многих лет долго и плодотворно работает в этой области Анна Николадзе.

Одна из ее последних работ — книга «Русско-грузинские литературные связи» — является глубоко обоснованным утверждением того, что братство и единство судеб грузинского и русского народов, так же как и неразрывная связь лучших представителей их культур и прогрессивных течений общественной мысли и литературы имели исторические и политические корни, закреп-

ленные многолетним дружеским общением, совместной борьбой против самодержавия и крепостничества.

«Передовое грузинское общество, — пишет А. Николадзе, — черпало из русской литературы освободительный пафос и ярко выраженные в ней идеалы гуманизма. Творческое освоение передовых идей русской общественной мысли представляло собой сложный процесс. Он протекал в неразрывной связи с традициями глубоко самобытной и древней культуры грузинского народа. Со своей стороны, грузинская тема, богатейшая история грузинского народа, его жизнь и культура, величественная, чарующая природа страны обогащали творчество гениев русской литературы. Следует особо подчеркнуть, что грузинская тема воспринималась ими как тема свободолюбия».

Работа А. Николадзе состоит из небольшого вступления, где вопрос о русско-грузинских литературных взаимоотношениях берется в широком общественно-политическом и культурном аспекте, и ряда отдельных статей, раскрывающих связи с Грузией крупнейших русских писателей (Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Некрасов, Толстой, Горький). Эти статьи объединяют стремление автора выявить все то большое, ценное, прогрессивное, что сближало корифеев передовой русской культуры с Грузией, с ее общественно-литературной жизнью, с ее выдающимися представителями.

Надо, однако, сказать, что очерки А. Николадзе о Пушкине, Грибоедове, Лермонтове, Гоголе, Некрасове, Толстом и Горьком носят несколько описательный характер. В этих статьях сооб-

Анна Николадзе. «Русско-грузинские литературные связи». Редактор Б. Шатберашвили. Тбилиси. Издательство «Заря Востока», 1959 г.

щаются сведения, связанные с пребыванием этих писателей в Грузии, приводятся высказывания видных грузинских писателей и литературных критиков об их творчестве, говорится о переводах их произведений на грузинский язык.

Вместе с тем, свободно оперируя архивным и историко-литературным материалом, А. Николадзе ряд вопросов освещает свежо и оригинально. Так, например, многие исследователи выражали удивление, почему в известном «Путешествии в Арзрум» ничего не говорится о крупнейших грузинских писателях и общественных деятелях той эпохи, с которыми А. С. Пушкин не мог не встретиться во время своего пребывания в Тифлисе в 1829 году. А. Николадзе справедливо замечает, что все это следует объяснить тем, что «Путешествие в Арзрум» Пушкин готовил к печати в 1835 году, три года спустя после известного грузинского политического заговора 1832 года. В этом заговоре были замешаны виднейшие грузинские литераторы и общественные деятели — А. Чавчавадзе, Б. Чилашвили, Г. Эристави, С. Додашвили, Гр. Орбеллиани и другие. И поэтому понятно, что, не имея возможности открыто назвать в своем очерке участников недавнего заговора, Пушкин ограничивается упоминанием о «любезном и веселом обществе» Тифлиса.

Интересны также те главы книги А. Николадзе, где говорится о Гоголе и грузинском критическом реализме, о Некрасове и грузинской литературе, и, особенно, о связях Толстого и Горького с грузинской литературой, с общественностью Грузии.

А. Николадзе подробно останавливается на пребывании Л. Н. Толстого в Тифлисе в 1851 году, где писатель впервые встретил известного наиба Шамиля — Хаджи Мурата, на грузинских встречах и знакомствах Л. Толстого, его живом интересе к революционному движению гурийских крестьян в Грузии в 1905 году. Из статьи А. Николадзе о Горьком читатель узнает многое о взаимоотношениях писателя с грузинскими революционными деятелями и писателями (Шио и Гола Читадзе, Э. Ниношвили и др.), о знакомстве Горького с литературой и культурой Грузии. Здесь же А. Николадзе приводит большие выдержки из статей грузинских критиков о Горьком. Весьма любопытны статьи И. Гомартели и известного революционера и литературного критика Шио Читадзе, в которых показан революционный характер творчества раннего Горького.

Ряд очерков А. Николадзе посвящает выяснению роли русских революционных демократов в развитии грузинской худо-

жественной литературы, критики и публицистики. Статьи А. Николадзе о Герцене, Белинском, Чернышевском, Добролюбова и Писареве выделяются широтой постановки затрагиваемых вопросов. От мемуарных и архивных материалов автор уверенно идет к выводам и обобщениям, убедительно раскрывая благотворное влияние идей великих русских критиков, философов и публицистов на корифеев грузинской общественной мысли и литературы. В очерке «В. Г. Белинский и грузинская эстетическая мысль» нам очень удачной представляется проведенная А. Николадзе параллель между литературно-эстетическими воззрениями В. Г. Белинского и И. Чавчавадзе. Весьма содержательна статья «Д. И. Писарев в грузинской литературной критике», где на материале выступлений И. Чавчавадзе, А. Церетели, А. Пурцеладзе и др. показана полемика, завязавшаяся вокруг наследия Д. И. Писарева в грузинской литературной печати 80—90-х гг. XIX века.

А. Николадзе подробно говорит о русских связях крупнейшего грузинского критика и публициста Н. Я. Николадзе, его общественно-философских и литературно-критических взглядах. Н. Я. Николадзе предстает в книге как друг и единомышленник Герцена, Чернышевского, как блестящий популяризатор и защитник их взглядов и, в то же время, как глубокий и самобытный мыслитель, литературный критик и теоретик искусства. Для русского читателя далеко небезынтересны будут и такие страницы книги А. Николадзе, которые посвящены роли грузинских общественных деятелей в борьбе за освобождение Н. Г. Чернышевского.

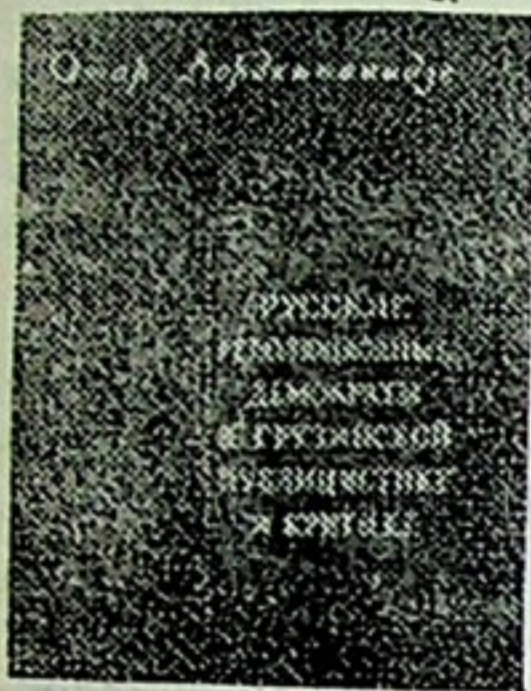
Книга А. Николадзе «Русско-грузинские литературные связи» хорошо сочетает популярность и строгую научность изложения. Есть, однако, в ней ошибочное положение. Трудно согласиться с мнением А. Николадзе, что «творчество Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели положило начало (курсив наш—Б. Б.) могучей школе грузинского художественного реализма». Реализм в грузинской литературе родился еще в творчестве писателей 40—50-х гг. XIX века — Л. Ардазиани, Г. Эристави и др. Что же касается И. Чавчавадзе и А. Церетели, то они, думается, не «положили начало» грузинскому реализму, а окончательно утвердили его в качестве главного и основного течения грузинской литературы второй половины прошлого века.

Книга А. Николадзе «Русско-грузинские литературные связи» бесспорно найдет дорогу как в библиотеки специалистов, так и к массовому читателю. Она лишней раз подтверждает, что

«грузинско-русские литературные связи — это одна из замечательных страниц дружбы двух братских народов».

Б. БАХТАДЗЕ.

«РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ В ГРУЗИНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ И КРИТИКЕ»

Взаимоотношения русских и грузинских революционных демократов давно интересовали исследователей — литературоведов, кропотливо собиравших архивные и печатные материалы. Сейчас все эти сведения собраны воедино

в недавно вышедшей в издательстве «Заря Востока» книге О. Лордкипанидзе «Русские революционные демократы в грузинской публицистике и критике».

Интересные сведения сообщает автор о сотрудничестве грузинской молодежи в русской радикальной прессе 60-х годов, о деятельности Н. Николадзе и его взаимоотношениях с Герценом. В книге есть еще немало новых и мало известных материалов. О. Лордкипанидзе установил, что повесть Герцена «Доктор Крупов» была переведена на грузинский язык еще в XIX веке и напечатана в журнале «Кребули». Автор обнаружил также в газете «Дрозба» и журнале «Кребули» ряд статей, развивающих теоретические положения, выдвинутые и обоснованные русскими революционными демократами, привел некоторые сведения о знакомстве И. Чавчавадзе с Н. Чернышевским и т. д.

В первой главе — «Русское революционно-демократическое движение и грузинское студенчество» освещаются личные связи представителей грузинской общественности, находившихся в 60-х годах в Петербурге, с передовыми деятелями России — с Чернышевским, Добролюбовым, Некрасовым и др., участие грузинской молодежи в общерус-

О. Лордкипанидзе. «Русские революционные демократы в грузинской публицистике и критике». Редактор В. Шадури. Тбилиси. Издательство «Заря Востока», 1959 г.

ском революционно-демократическом движении, ее выступления на страницах русских периодических изданий (в журналах «Современник», «Искра», «Колокол»).

Глава «Творческое использование учения революционных демократов «тергдалеулни» в дореволюционной Грузии» — посвящена борьбе «тергдалеулни» против крепостного права, против отживших свой век литературных течений. В этой главе также излагаются взгляды молодых деятелей Грузии на вопросы воспитания, которым они придавали существенное значение.

Но проблему использования идей революционных демократов со стороны «тергдалеулни» автор решает несколько прямолинейно. Этот недостаток, впрочем, был присущ и прежним исследователям этого вопроса.

Нельзя согласиться и с мнением автора, что различие политических позиций не сказывалось в эстетических вопросах, и что эстетические воззрения «тергдалеулни» вполне соответствовали воззрениям русских революционных демократов. «Если в социально-политических вопросах у представителей «Меропе-даси» замечается колебание между революционным демократизмом и просветительством, порой граничившее с либерализмом, то по литературно-эстетическим вопросам они выступали последователями русских шестидесятников», — пишет О. Лордкипанидзе. Грузинские деятели, действительно, часто почти дословно повторяли те или иные положения эстетики русских революционных демократов, но необходимо учесть, что в других условиях эти понятия получали совершенно иное звучание, иной оттенок. Возьмем, к примеру, статью Н. Николадзе «Наша литература», которую автор сопоставляет со статьей Чернышевского «Не начало ли перемены?». На основе этого сопоставления (и почти текстуального сходства суждений) доказывается, что оба критика предъявляли литературе одни и те же требования — показать крестьянина в его повседневном, изнурительном труде, в его «загрязненном обстоятельствами» быту. «Грузинский публицист, — пишет автор, — тоже требует от реалистической литературы неприкрашенного изображения жизни и нравов крестьянства... Исходя из учения Н. Г. Чернышевского, Николадзе ставит перед грузинской литературой ту же самую задачу, которую незадолго до того выдвинул перед литературой его учитель». Но статья Чернышевского написана в момент назревания крестьянской революции в 1861 году, и поворот в изображении крестьянства Чернышевский приветствует лишь постольку, поскольку это явля-

лось для него началом нового этапа в жизни народа. Чернышевский уверен, что за изображением слабых черт крестьянства последует показ его сильных сторон, которые, несомненно, проявятся в предстоящей революционной борьбе.

Статья же Николадзе «Наша литература» написана значительно позже, в 1873 году, когда не было революционной ситуации и когда Н. Николадзе надеялся, что положение крестьян улучшится, если они сумеют выкупить землю. Поэтому задачи, поставленные перед литературой обоими критиками, несмотря на общность положений, имели различный смысл.

О. Лордкипанидзе следует установившейся у большинства исследователей традиции — при сопоставлении суждений русских и грузинских революционных демократов заострять внимание на сходстве отдельных положений. При этом О. Лордкипанидзе сделал ряд верных наблюдений. Хотелось бы, однако, чтобы в исследованиях такого типа больше внимания уделялось, вместе с тем, и своеобразию высказываний грузинских деятелей.

Большое внимание в книге уделяется социально-политическим и эстетическим взглядам так называемой «новой молодежи» Грузии — Н. Николадзе, С. Месхи, Г. Церетели и других представителей этого поколения.

С интересом читаются те страницы книги, которые знакомят читателей с материалами «Тифлисского вестника» и «Обзора», освещавших вопросы взаимоотношений русских и грузинских шестидесятников. Автор преподносит эти материалы в совершенно новом аспекте, сопровождая их подробными комментариями.

Одна из интереснейших в книге как по богатству материала, так и по глубине анализа, — глава, в которой автор показывает отношение грузинских народников 80-х и 90-х годов к эстетике Чернышевского, Добролюбова и других революционных демократов. В книге интересно раскрыта полемика, возникшая в грузинской критике вокруг воззрений Писарева, показано отношение грузинской общественности к творчеству Салтыкова-Щедрина и отмечено, что грузинская критика сразу же оценила острую политическую сатиру этого писателя-борца.

Книга О. Лордкипанидзе раскрывает ряд ярких фактов содружества прогрессивных деятелей России и Грузии в XIX веке.

Е. ЧАРКВИАНИ,
кандидат филологических наук.

в Москве грузинской колонии имело огромное значение в деле укрепления культурных и политических связей русского и грузинского народов. Именно в конце семнадцатого, начале восемнадцатого веков был

упрочен фундамент той многовековой дружбы, которая ныне выросла в нерушимый союз.

Книга Вл. Татишвили «Грузины в Москве» — первая значительная работа, посвященная исследованию этого исторического периода. Она выходит третьим изданием, — и этот факт уже многое говорит о ее значимости, об интересе к ней читателя.

В новом издании значительно дополнена первая часть — «Дела грузинские». Кроме того, издание расширилось за счет приложения, в котором Вл. Татишвили дает описание мест погребения грузинских политических и культурных деятелей в Москве. Очерк иллюстрирован снимками надгробий, большинство которых публикуется впервые.

Вл. Татишвили обратился к очень трудному жанру. Его книга — научно-художественная. В своей книге он строго следует историческим документам. Правда, Вл. Татишвили сетует: «Научно-художественный жанр, к которому я прибегнул, чтобы сделать исторический очерк доступным для широких кругов читателей, ограничил обоснование выдвигаемых в книге положений: пришлось отказаться от анализа отдельных документов или их сопоставления (это не значит, конечно, что такой анализ не был сделан в процессе работы над очерком)».

Вл. Татишвили привлек к работе огромное количество исторических документов и книг по истории русско-грузинских взаимоотношений; правда, ряд ценных грузинских источников им не использован. Интереснейшие сведения он почерпнул из Дворцовых Разрядов — официального комерфурьерского журнала, в котором отмечались все события дворцовой жизни. Их «грузинская часть» в работе Татишвили впервые используется в таком полном объеме.

Опираясь на документы, автор ста-

Вл. Татишвили. «Грузины в Москве». Редактор Б. Абуладзе. Тбилиси. Издательство «Заря Востока», 1959 г.

рается возможно полнее и ярче обрисовать образы государственных деятелей, дипломатов и других исторических лиц той эпохи. Эти живые образы показаны автором и в ходе таких событий, о которых, как о не имеющих решающего значения, в научных работах обычно не упоминается; но эти события умело использованы автором для обрисовки характеров, что усиливает эмоциональную сторону книги, оживляет сухие научные факты, делает их доступными широкому кругу читателей.

Видимо, автор в процессе работы столкнулся с большими трудностями, исходившими из особенностей жанра. Следуя развитию сюжета, автор вынужден был отказаться от многих интересных научных изысканий и выводов. В то же время очерк, на наш взгляд, несколько перегружен рассказами о событиях, представляющих лишь этнографический интерес (описания дворцов, пышных приемов при дворе у московских царей и т. п.).

Посещения грузинскими царями и их свитой московского двора, приезды посольств Московского государства в Грузию способствовали, прежде всего, взаимному ознакомлению и сближению русского и грузинского народов. «О судьбах православной Грузии при встречах, торжествах и деловых обсуждениях говорили немало», — пишет автор.

Безусловно, говорили, — но что? Автор иногда жалуется на скудость имеющихся сведений, но ведь читателю без его помощи еще труднее разобраться в сложных ситуациях, делать выводы.

Вл. Татишвили правильно заостряет внимание на том, что сближение Грузии и России обуславливалось интересами обеих стран. Это понимал кахетинский царь Александр II, при котором и замечается оживление русско-грузинских взаимоотношений. Александр рассчитывал на реальную помощь со стороны Московского государства в своей борьбе с Турцией. В 1564 и 1587 гг. были заключены русско-грузинские соглашения, большое значение которых автору, на наш взгляд, следовало подчеркнуть. Правда, неоднократные просьбы Александра об оказании ему активной помощи редко кончались успехом. Но ведь сам Александр говорил русским послам: «Мне не оборониться теми, которых пришлет мне государь, но они нужны мне, чтобы враги мои видели, что московский государь со мной заодно».

Продолжая объективное изложение фактов, автор приводит и такие данные, из которых явствует, что русско-грузинские отношения развивались и крепились, преодолевая большие трудности и испытания.

На протяжении всей книги ощущается тенденция автора подчеркнуть, что поли-

тические отношения между Грузией и Россией развивались в неразрывной связи со складывающимися дружественными отношениями русского и грузинского народов. И в этом — большое достоинство книги.

Прогрессивные деятели Грузии — Теймураз, Александр (имеретинский царь — А. Ч.), Арчил неустанно боролись за политическое объединение Грузии под покровительством России. В XVII в. Московское государство постепенно превратилось для Грузии в источник моральной стойкости. Москва, как отмечал проф. Н. Бердзенишвили, в трудные времена стала убежищем грузинских патриотов.

В книге Татишвили сравнительно меньшее место отводится грузино-русским отношениям при Теймуразе и Арчиле, когда среди грузин укрепилось мнение о том, что Грузия — не одна, и за ее спиной стоит Россия. Однако в работе все же говорится об энергичной деятельности Теймураза и Арчила по укреплению русско-грузинских отношений, указывается на причины, обусловившие то обстоятельство, что в XVII в. Россия не вмешивалась активно в дела Грузии, автор говорит о вызванных этим огорчениях, сомнениях, наконец, о трагическом конце героической деятельности Теймураза — он был вынужден подчиниться шаху, против которого возглавлял борьбу грузинского народа в течение полувека. Теймураз и Арчил, хорошо понимая, что будущее Грузии связано с могущественной Россией, твердо взяли курс на сближение с нею. Дипломатическая и финансовая помощь, какую оказывало Московское государство Грузии, была серьезным материальным и моральным фактором в ее борьбе против чужеземных завоевателей.

Касаясь деятельности грузинской колонии в Москве при Арчиле, автор пишет: «Все ближе и ближе становилась Москва грузинам. Монастыри и церкви в Москве, в которых находили приют грузинские духовные лица, очень быстро становились не только религиозными, но и культурными и экономическими центрами для покинувших свою родину грузин». Автор рассказывает и о том, что Арчил организовал в 1705 году печатание в Москве, при Синодской типографии, грузинских книг.

Образ царя Арчила, выдающегося деятеля, поэта и горячего патриота, увлекательно дан в книге.

Особенно ярко Арчил — трезвый и мудрый политик — раскрывается в предсмертном завещании, адресованном Петру: «Царь милостивый, в руки твои передаю дом мой и всех в нем сущих, на тебя оставляю нищих, сирот и пришель-

цев, будь им помощником, не оставь их в старости... Имеретинское царство и другие земли, находящиеся под твоим высоко-монаршим именем и защитой, не оставляй без помощи в их гражданских и церковных нуждах: судьба их в твоих руках».

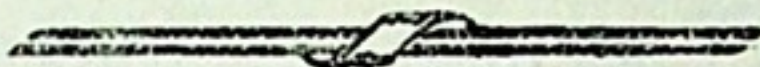
С интересом читается глава, в которой говорится о сыне Арчила — Александре — первом генерале-фельдцейхмейстере русской артиллерии и личном друге Петра I.

В книгу, к сожалению, вкрались неточности. Например, некоторые портреты работы неизвестного художника приписаны Кастелли, Манучар Дадзиани называется грузинским царем...

История грузинской колонии в Москве рассказана в книге Вл. Татишвили очень живо. Обилие ценных документальных материалов, с которыми знакомится в этой работе читатель, не может не вызвать большого интереса. И можно с уверенностью сказать, что задача, которую поставил перед собой автор, — в небольшом очерке, рассчитанном на широкого читателя, раскрыть огромное значение этой страницы истории укрепления и развития культурных и политических связей между Грузией и Россией, — выполнена успешно.

А. ЧХЕИДЗЕ,

кандидат исторических наук.

ДЕМЕТРАШВИЛИ (род. в 1930 г.) —
Отар Иванович молодой грузинский прозаик. Рассказы О. Деметрашвили печатаются с 1956 года на страницах республиканских газет и журналов, главным образом в журнале «Мнатоби».

Владимир МИНАЧ (род. в 1922 г.) — словацкий прозаик, автор романов «Смерть ходит по горам», «Вчера и завтра». Сборник рассказов «На распутье» в 1955 году был отмечен Государственной премией.

ЧИЛАЯ (род. в 1911 г.) —
Серги Евстафьевич грузинский литературовед, критик, кандидат филологических наук, Секретарь

Союза писателей Грузии. Литературную деятельность начал в 1934 г. Перу С. Чилая принадлежит ряд книг, критических очерков, посвященных творчеству И. Евдощвили, Д. Клдншвили, Г. Табидзе, Л. Киацели, Г. Леонидзе, И. Гришашвили и др.

ХУХАШВИЛИ (род. в 1925 г.) —
Георгий Михайлович грузинский поэт и критик. Литературную деятельность начал в 1945 г.

В 1956 г. был опубликован сборник литературно-критических статей Г. Хухашвили «Писатель и жизнь», в 1957 г. — сборник поэм «Сокровища гор». Стихи, поэмы и критические статьи Г. Хухашвили систематически печатаются на страницах газет и журналов.

Содержание журнала „Литературная Грузия“ за 1959 год

	Журн.	Стр.		Журн.	Стр.
Третьему съезду писателей СССР	VI	3	А. Сулакаури. Волны стремятся к берегу. Рассказ.	VII	46
Служение народу — высокое призвание советских писателей. Речь товарища Н. С. Хрущева на III съезде писателей 22 мая 1959 года	VI	7	Б. Техов. Два колоса. Рассказ.	VII	64
			Б. Чхеидзе. Буковый шатер. Рассказ.	VIII	25
			М. Элиозишвили. Я пришел в шахту. Рассказ.	X	51
РОМАНЫ, ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ			СТИХИ И ПОЭМЫ		
А. Аджинджал. Миниатюры	X	54	И. Абашидзе. В Мцхета. Стихи.	VI	26
Ш. Акусба. Когда цветет чай. Рассказ	VII	36	Ш. Абхаидзе. Новые стихи.	XI	17
А. Белиашвили. Рустави. Роман		Часть первая I-43; II-40; III-33 Часть вторая X-17; XI-21; XII-31	М. Бажан. Родник. Стихи.	VII	4
К. Гамсахурдиа. Цветенные лозы. Роман		I-9; II-4; III 6; IV 33; V-5; VI-25; VII 6; VIII-3; IX-5	Х. Берулава. С берегов Янцзы. Стихи.	X	15
М. Гельви. Ласточкины гнезда. Сын. Рассказы	V	34	Т. Броев. Наша весна. Стихи.	VIII	46
Т. Гоголадзе. Родной очаг. Рассказ.	VI	55	Х. Вардошвили. Матери. Стихи.	VI	64
Г. Гулиа. Негры в Брюсселе. Рассказ.	II	33	А. Вознесенский. Стихи о Грузии.	XI	49
Ш. Дадвани. Недописанная поэма. Рассказ	IV	4	Л. Вышеславский. Свети-Цховели. Стихи.	II	37
Последняя любовь. Миниатюра.	VII	3	М. Гаирбекова. Грузинские напевы. Стихи.	IX	55
О. Деметрашвили. Красные яблоки. Рассказ.	XII	39	Ш. Гасанов. У моря. Стихи.	VIII	47
А. Зурабов. Каринка. Рассказ.	X	49	Го Мо-жо. Манана. Поэма.	I	3
С. Иорамашвили. Директор заповедника. Рассказ.	VIII	38	И. Гришашвили. Стихи.	X	47
О. Иоселиани. День ее жизни. Рассказ.	X	48	К. Каладзе. Новые стихи.	I	39
Р. Канделаки. Швейцар из кафе «Унион». Повесть	IX	27	Пастух из Гудамакари. Шел первый снег... Стихи.	III	3
М. Лохвицкий. У паромы. Из цикла рассказов «Деревня в горах».	III	63	Тбилиси, сентябрьские вечера. Стихи.	IX	3
М. Мревлишвили. Каменщик и его сосед-лекарь. Рассказ.	XI	51	А. Каландадзе. Новые стихи.	IV	20
Ю. Рышков. Рассказы о детстве.	IV	58	М. Кахидзе. Новые стихи.	IX	52
			Г. Качахидзе. Гнездо в горах. Стихи.	V	30
			М. Квливидзе. Из лирики. Стихи.	VIII	23
			Б. Кешелава. Незабываемый день. Стихи.	V	46
			Г. Крейтан. У моря. Стихи.	II	62
			М. Лебанидзе. Баллада о сельском враче. Стихи.	V	32
			Л. Левин. Над могилой советского солдата. Стихи.	X	11
			Г. Леонидзе. Судьбы Грузии. Стихи.	IX	24
			Стихи разных лет.	XII	56
			Л. Магистрова. Верю.*** Стихи.	V	44
			О. Мампория. Цицамури. Этот стул. Стихи.	VI	62

Н. Мицишвили. Три стихотворения.	X	57
Х. Мурадов. Побратимы. Поэма.	VIII	49
Е. Николаевская. Плакучая ива. Стихи.	VI	63
Ташискарри. Стихи.	VII	44
И. Нонешвили. Весенние стихи.	V	3
Из лирической тетради. Стихи.	XII	36
А. Парнис. Тамада. Стихи.	VI	52
С. Рустам. Желание. Стихи.	II	31
А. Слойн. Курдская девушка. Стихи.	VIII	47
Б. Слойн. Свет в нашей деревне. Стихи.	VIII	48
И. Снегова. Из цикла стихов «Свет Арагви»	VIII	36
С. Стаценко. На древней земле. Стихи.	II	38
Г. Табидзе. Абхазский дождь. Стихи.	II	3
Моей Родине. Стихи.	IV	3
А. Тевзадзе. С Лихской горы. Стихи.	III	66
Т. Чиладзе. За ним вся Родина стояла.***. Стихи.	III	31
А. Шенгелиа. Песня жизни. Стихи.	VII	35

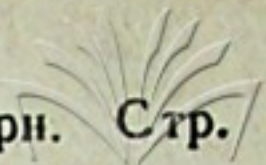
ИНОСТРАННЫЙ РАССКАЗ

Я. Гашек. Кража людей.	II	63
Г. Герлих. Ошибка.	IX	56
Г. Грин. Последний шанс мистера Левера.	I	68
А. Земны. «Мисс Красота».	X	12
Ю. Идрис. Рамадан.	IV	62
И. Кальвино. Последним прилетел ворон.	III	68
М. Кастилло. Путешествия Симона.	VIII	53
В. Минач. На распутье.	XII	45
А. Моравиа. Загробный мир по-американски.	VI	66
Э. Триоле. Лунный свет.	XI	54
И. Шоу. Ставка на мертвого жокея.	V	47

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

И. Абашидзе. Грузинская советская литература перед новыми задачами.	II	78
Г. Абзианидзе. Выдающийся грузинский ученый (К 80-летию академика К. Кекелидзе)	VII	66
Ш. Абхаидзе. Проза, драматургия, статьи Важа Пшавела	IX	83
О. Баканидзе. Марко Вовчок.	XII	82
А. Гацерелия. Мудрость таланта. К празднованию 300-летия со дня рожде-		

ния Сулхана-Саба Орбелиани.	X	86
С. Гвелесиани. Повесть о судьбах интеллигенции.	IV	89
Н. Джаши. Основоположники марксизма об искусстве.	V	77
Л. Долидзе. Не только развивать, но и воспитывать!	XII	75
В. Жвания. И точность частного и верность общего...	XII	73
Б. Жгенти. Выдающийся писатель-революционер. К 100-летию со дня рождения Эгнате Ниношвили.	IV	80
Г. Каландадзе. Первый грузинский фантастический роман.	XII	74
Л. Каландадзе. О национальной форме литературы	II	88
О новых произведениях грузинской прозы. Статья первая	VII	68
Статья вторая	VIII	72
Роман о суровой юности	X	79
Поэзия ясной мысли. К пятидесятилетию Ираклия Абашидзе.	XI	76
Ш. Куридзе. Только жизнь — источник творчества	III	92
Б. Мейлах. Декабристы и общественно - литературное движение в Грузии.	IV	92
А. Мирцхулава. Читая Коста...	X	89
Г. Мухранели. Удачи и упущения.	X	84
Ш. Радиани. Лирика Галактиона Табидзе. К пятидесятилетию творческой деятельности.	I	86
Н. Рухадзе. Ф. Шиллер и Грузия.	XI	87
Д. Стуртуа. Не только новое, но и хорошее.	IX	85
С. Трегуб. Критическая реплика.	VIII	79
Д. Тухарели, Э. Кремер. Два романа.	IX	76
М. Фетисов. Факты и обобщения. Заметки об очерках истории грузинской литературы	III	87
Первая книга молодого литературоведа	VII	77
Л. Хихадзе. «Судьба человека»	IX	74
Г. Хухашвили. Поэзия гор и большой мир.	XII	77
Г. Цицишвили. Готовясь к новому изданию...	IX	79
М. Чиковани. Необходимые поправки.	VIII	76

საქართველო
საბჭოთაო

Журн. Стр.

Журн. Стр.

С. Чилая. Народный поэт.
К 60-летию Георгия Лео-
нидзе. XII 50

ПУБЛИЦИСТИКА

М. Джинчвелашвили. В. И.
Ленин и большевистские
организации Грузии. XI 83
Д. Кварацхелия. Дело хо-
рошее, важное. VIII 81
М. Квеселава. Добро пожа-
ловать, дорогие друзья! (К
дням польской культуры). X 9
Д. Кузовенко, В. Ковалко.
Книга идет к читателю X 94
Л. Ростовцев. Огоньки. V 83
М. Стуруа. Золотая осень. X 3
В. Гоголадзе. Грузинские
первопечатники XII 84

ОЧЕРКИ

И. Абашидзе. По дорогам
Индии. Очерк второй. III 72
Очерк третий. V 67
Г. Камнитцер. Т б и л и с и,
Мцхета, Рустави... VI 77
Л. Ростовцев. С добрым ут-
ром! XII 67
Б. Шатберашвили. Дыха-
ние атома. VI 71

Трибуна писателя

О. Челидзе. Поэма — жанр
современный. XI 72

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

Д. Сулиашвили. Солдат ре-
волюции. Повесть о Камо X-59; XI-3

ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ

В. Асатиани. Большая хи-
мия республики. II 68
Л. Браиловская. Дом стро-
ится на заводе. V 72
Б. Букия. Шаг в неизведан-
ное. XI 64
Атомный реактор строит-
ся. Беседа с заместите-
лем директора по науч-
ной части Института фи-
зики Академии наук Гру-
зинской ССР А. Гачечи-
ладзе. III 85
М. Давиташвили. Это вол-
нует виноградарей. Замет-
ки журналиста. IX 59
Е. Данелия. Успехи надо
развивать. XII 63

Г. Джомарджидзе. Продол-
жаем разговор о чае. От-
вет редакции «Литера-
турной Грузии» X 75
О. Кинкладзе. Завтра на-
шей Родины. I 78
И. Месхи. Сурамский пере-
вал. IX 66
И. Мухадзе. Поговорим о
чае... VIII 62
В. Осинский. Поммастера
Шота Магулариа VIII 78
Г. Твалчрелидзе. Кладовые
недр — промышленности. III 82
Ш. Чануквадзе. Виногра-
дарству — новую техни-
ку. Ответ редакции «Ли-
тературной Грузии». XII 60

ОДЕНЕМ НАШУ РЕСПУБЛИКУ
В ЗЕЛЕНЫЙ НАРЯД

М. Нефедов. Пусть шумит
над городом листва! VII 82
И. Чодришвили. Охранять
природу — значит охра-
нять Родину. VII 80

МАСТЕРА ГРУЗИНСКОГО
ИСКУССТВА

Г. Алибегашвили. Давид
Какабадзе. IX 87
Э. Гугушвили. Главный ге-
рой — современник IV 76
К. Зданевич. Яркий, впе-
чатляющий талант. VII 88

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА,
ВОСПОМИНАНИЯ

Ш. Алхазишвили. Наш
Зига. X 92
И. Дубинский. Расшифро-
ванный псевдоним Самуи-
ла Буачидзе. XI 89
Ал. Лесс. «Пропавшие без
вести» VII 92
Т. Махарадзе. Дорогой гость. VIII 84
К. Орлов. К истории одно-
го письма М. Горького VIII 89
Т. Табидзе. Жена Грибое-
дова — Нина Чавчавадзе
(Из архива поэта). VIII 86

СРЕДИ КНИГ

Б. Абуладзе. Песни о Ро-
дине. VI 89
Б. Бахтадзе. Ценное иссле-
дование. V 92
«Русско-грузинские лите-
ратурные связи». XII 86

	Журн.	Стр.	Журн.	Стр.
Н. Бокучава. Рассказы о советских людях.	VIII	93	Д. Тамарадзе. Осетинская проза.	IX 90
Л. Браиловская. Для младшего и среднего возраста.	VI	94	В. Шошин. Стихи о Грузии.	94
Г. Бухникашвили. Творческий путь театра	I	95	Е. Чарквиани. «Русские революционные демократы в грузинской публицистике и критике».	XII 87
М. Вачнадзе. Книга о Тбилисском театре имени З. Палиашвили.	V	91	А. Чхеидзе. «Грузины в Москве»	XII 89
С. Гвелесиани. Рассказы Натрошвили.	VI	90	НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ	
К. Гвритишвили. Путем своего народа.	IX	91	Г. Буачидзе. Анри. Барбюс в Грузии.	VI 82
П. Гудушаури. Эстетика Руставели.	V	93	И. Дубинский. Наш общий друг.	VI 80
Э. Елигулашвили. Певец Тбилиси.	VIII	91	А. Буслаев. За золотую медаль.	I 92
М. Заверин. Главный объект — современность.	IX	93	Ц. Чиквашвили. Из истории грузинской книги.	VI 84
А. Имедашвили. Вклад в грузинскую историографию.	VIII	94	ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ	
Д. Какабадзе. В. И. Ленин и грузинские коммунисты.	V	90	Газета и писатели	VI 88
С. Маринашвили. «Нианги» заговорил по-русски.	IX	89	Заметка о «замете».	XI 95
И. Мегрелидзе. Образ и эпоха великого поэта.	V	95	«Литературная Армения»	XI 93
Уш. Оболадзе. Монография о Н. Николадзе.	II	92	«Театр» № 10	XI 92
Л. Размадзе. Правдивая летопись героических будней.	II	94	ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ	
Б. Сокуров. Роман о защитниках Родины	VI	92	Ордэ Дгебуадзе. Приключенческая литература и критика.	VI 86

Технический редактор М. Соселля

Подписано к печати 22 декабря 1959 г. 6 печ. лист. + 1 вкл.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 1234

Тираж 8.000

УЭ 06495

Цена 4 руб.

ჟურნალი „ლიტერატურნია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ხარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб.

18. 2/2

